

Николай Рерих

ДЕРЖАВА СВЕТА

Содержание

[Держава Света](#)

[Культура](#)

[Прекрасное \(Приветствие Школе Дальтона\)](#)

[Духовные сокровища](#)

[Преображение жизни](#)

[Женщинам \(Посвящается Единению Женщин Общества имени Рериха\)](#)

[Корни культуры \(к десятилетию Института Объединенных искусств Музея Рериха\)](#)

[Собирание](#)

[Мудрость радости](#)

[Заботливый Хранитель \(Письмо Конференции музейных экспертов в Риме\)](#)

[Здоровье](#)

[Master Virgo inter Virgines \(Для Чикагского Института Искусств\)](#)

[Легенды](#)

[Сожжение тьмы \(Привет Молодым\)](#)

[Знамя Мира](#)

[Конференция в Брюгге, 1931 г.](#)

[Знамя Мира \(Конференция в Бельгии\)](#)

[Привет конференции Знамени Мира \(Конференция в Брюгге, 1931\)](#)

[К открытию Французского Общества имени Рериха в Париже](#)

[Привет Франции \(«Пари Пресс»\)](#)

[Созидательная работа \(Декларация Комитету Французского Общества имени Рериха в Париже\)](#)

[Кооперация \(Обращение к Британскому Обществу имени Рериха\)](#)

[Привет к открытию Болгарской Ассоциации](#)

[Вехи Культуры \(Германскому Обществу имени Рериха в Берлине\)](#)

Чары Финляндии (Финскому Обществу имени Рериха)
Наследие майя (Южно-Американским Обществам имени Рериха)
Гималаи (Обращение к Гималайскому Обществу имени Рериха)
Правильный путь (Обращение к Южно-Африканскому Обществу имени Рериха)
Слово на освящение часовни Св. Преподобного Сергия,
сооруженной Сибирским отделом Общества друзей Музея Рериха в
Радонеге, Чураевка, штат Коннектикут
Зов о Культуре (Обращение на учредительном собрании Комитета
Общества Друзей Культуры)
Мир всему живущему (Обращение к Обществу Маха-Бодхи в
Калькутте)
Латвийскому Обществу имени Рериха
Обществу Славянской Культуры
Сокровище дома (Обращение к Конвенции библиотекарей в Нью-
Йорке)
Весна Священная (Обращение в аудитории Ваннамэкера на собрании
Лиги Композиторов, Нью-Йорк)
Творящая мысль (Обращение к студентам Ховарда Джайльса)
Семь Святых (Предисловие к книге «Фламбо»)
Хвала художникам (Вступление к книге «Художники Америки»)
Любовь непобедимая (К Ассоциации Св. Франциска Общества
имени Рериха)
Адамант (К Ассоциации Оригена при Обществе имени Рериха)
Слава самураев (Японскому Обществу имени Рериха)
Путь Твердый (Колумбийскому Обществу имени Рериха)
На пороге десятилетия (Совету Музея Рериха в Нью-Йорке)
Мир и Культура (Буддийской Ассоциации Молодежи в Коломбо)
Здоровье духа (Вашигтонскому Обществу имени Рериха)
Благословенная Иерархия (Привет Молодым Друзьям)
Священные основы (Обращение к Академии Творческих Наук)
Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой
Венок Дягилеву (Журнал Лиги Композиторов)
Виджая, Тагор! (К семидесятилетию Рабиндратата Тагора)

Стража Матери Мира (Федерации Женских Клубов штата Нью-Йорк)

Свет пустыти (Листы экспедиции)

Держава Культуры (Декларация Комитету Французского Общества и русской секции)

ДЕРЖАВА СВЕТА

“Ангел Благое Молчание”. Кто не восхищался пламенной тайной в образе огневого Ангела? Кто не преклонялся перед всепроникающей вестью этого жданно-нежданного Гостя? Он безмолвен, как сердце постигшее. В нем хранима нетленная красота духа. Красота в вечности безмолвного и кроткого духа, — он и хранит и напутствует. “Ангел есть неосязаемое, огневидное, пламеносное”, — говорит Зерцало. “Языка для слова и уха для слышания не требует; без голоса и слышания слова подает един другому разума своя”... “Мечтательное тело надевают ангелы для явления людям”. В молчании было видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста, и скрестил руки, и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принес Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайностью Он дал знак ко благу. В дерзании Он напомнил о Несказуемом. Без устали в часы дня и ночи будит Он сердце человеческое. Он сказывает приказ к победе духа и каждый поймет и примет его на языке своего сердца.

Кто же запечатлел Ангела Благое Молчание? — Образ Его писем поморских. Но не только от полученного моря тайна сия. В ней ясен и покрытый лик вестника Византии. В ней и тайна Креста. Запечатлен Ангел Молчания тою же рукою и мыслью, что сложила образ Софии — Премудрости Божией. Пламенны крылья устремленной Софии, пламенны же и крыла Ангела Благого Молчания. Огненны кони Илию возносящие. И пламенное крещение

над апостолами. Все тот же огонь, Агни всеведения и возношения, который проникает все Сущее и перед которым слово не нужно. Рассекают пространство искры динамо. В напряжении расцветают они спиралями восхождения и сверкают, как древо, ветвями и листьями Огня. Логос Мысли нагнетает прану и в трепете смущается человеческое естество перед блистанием языка молнии. Вспыхивает огонь Кундалини. Вращаются колеса Иезекииля, вращаются чакра Индии, грозен глаз Капилы... Где же предел сиянию, где размер мощи? Но невидим стал свет и звук потонул... Ничто не мерцает и сам аромат праны растворяется. Это высшее напряжение. Недоступно глазу и неслышно уху. Лишь сердце знает, что вызывает молчание и переполнена чаша. Сперва молния и гром, и вихрь, и трепетание и лишь затем в молчании Глас Несказуемый. Благовествует Агни-Йога: первый завет грому подобен, но последний творится в молчании. Сперва Вестник Пламенный, а затем Сама Пречистая София — Премудрость...

Сказано: Благодать пугливая птица; стремительны крыла Софии — горе неусмотревшему, горе непостижному, отогнавшему. Крыло, пламенное по Благодати, ставшее Явным, почему явится опять жестокому или робкому глазу. Но сколько огней, уже различных даже неиспытанным оком. Об обителях света мечтает человечество. Мечтает в молчании, среди мрака, в дерзании признаваясь себе. Даже верит ночью, но днем не исповедует. Хотя и помнит закон: верую и исповедую. Сами отлично знают, что вера без утверждения лишь призрак. Лишь отвлеченность. Но ведь Благодать есть привлеченность и утвержденность. Иначе к чему все туманные воздыхания? К чему наука, если дух не дерзает на приложение? Никодим во нощи — лишь символ веры без последствий. Лишь искра без пламени и отепления.

Смердяще разложение. Невыносим холод невежества. Недопустим по вреду своему, по заражению накоплений, по разложению основ. Уже многожды испуганная Благодать — птица трепещет белыми крылами у закрытых окон, но боимся всего нарушающего невежество наше и надеемся на затворы. Если даже

глаз увидит — мы назовем случаем, если ухо подтвердит — мы скажем совпадение. Для нас даже Икс-лучи и радиий просто нечто, а электричество есть просто фонарь для удобства. Если вам скажут, что мысль изменяет вес тела, и это не смутит механиков цивилизации. Необычно увеличивается неправильность кровообращения и губительное давление крови. Последняя форма инфлуэнцы, подобно легочной чуме, сжигает легкие. Пылает гортань. Свирепствует астма. Усиливается менингит и непонятные сердечные явления. Но для нас эти показатели пока лишь модные болезни, не заслужившие еще общего внимания. Мы слышим о переполнении пространства волнами радио, об отравлении газолином, об особенностях пресыщения электричеством. Но думать о будущем неприятно и судьба шара для гольфа равняется иногда судьбе шарика планеты. Мы боимся обратиться, подобно мудрой Хатшепсут, к тем, которые будут жить в грядущие годы, которые обратят сердца свои и будут взирать на будущее. Но если даже пугающее понятие “будущее” и будет произнесено, то обычно оно будет обставлено такими пережитками вчерашнего дня, что путь к нему сразу превратится в подземелья темницы. Между тем первое условие познания — не стеснять методом изучения. Не настаивать на условных методах. Познание складывается дерзанием, внутренними особыми накоплениями. Подходы к Единому Знанию так многообразны. Описание этих зовов и вех жизни составило бы нужнейшую и ободряющую книгу. Не настаивать, не урезать, не угнетать указкою, но напоминать о свете, об огнях пространства, о высоких энергиях, о сужденных победах необходимо. Надо собрать все факты, еще не вошедшие в элементарные учебники. Надо нанизывать эти факты с полнейшей добросовестностью, не презирая и не высокомерничая. Также и без лицемерия, ибо за ним скрыт личный страх, иначе — невежество. Никогда нельзя знать, откуда придет полезное зерно или звено завершающее. Физик, биохимик, ботаник, врач или священник, или историк, или философ, или тибетский лама, или брамин-пандит, или раввин-каббалист, или конфуцианец, или старуха-знахарка, или, наконец, спутник, имя

которого почему-то забыли спросить, — кто и как принесет? В каждой жизни так много замечательного, светлого, необычного. Только вспомнить. Среди напоминаний вспыхивают лучшие, временно затемненные звезды. Итак, опять, не покидая трудового дня, мы близимся не к запрещениям, но к возможностям, освещающим жизнь. Именно, не наше дело настаивать, чтобы не перейти в насилие. Ибо насилием ничто не достигнуто. Но, твержу, следует напоминать о радостях возможных. Имена этих радостей духа трудно выразимы на языке плотского мира. Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, — заповедует Преподобный Исаак Сирин. Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой. Счастливы те, кто, осознав беспредельность, полюбили труды каждого дня. После святоотеческих заветов вспомним и последнюю книгу проф. Эддингтона “Звезды и Атомы”. Говоря о неземных условиях прочих светил, профессор отмечает: “И было бы более правильно сказать, что причина данного явления в том, что оно земное и не относится к звездам”. Ведь еще недавно люди пытались приписывать земные условия всем остальным мирам.

Нужна непредубежденность. Горение нужно. Огонь костра сзывает в пустыне путников. Так и зов напоминания стучится и доходит под всеми одеяниями до созревшего сердца. Путевые вехи разнообразны. Неожиданные зовы. Но ведь неустанная зоркость и заботливое внимание будут ключами к затворенным вратам. Невместны отрицания, где заповедано широкое вмещение, честность познания и почитание иерархии Блага. В жизнь науки начинает входить непредубежденность. С трудом, под усмешки, но уже в разных странах освобожденные от страха души устремляются к сужденным синтезам. Может быть, скоро будут возможны съезды этих работников созидания. Уже слагаются центры, где безбоязненно, неосужденно невежеством или завистью, можно обмениваться доверчивыми мыслями. Будем со всею заботливостью бережно собирать эти разносисящие цветы единого сада Культуры, помня: “Не бо врагам тайну повем, ни лобзание дам, яко Иуда”. Без

холода осуждения, без невежества отрицания откроем двери приветов и светлого утверждения каждому зерну Истины.

Мы делаем из огненного восхищения возвышенных духов Hysteria Magna с повышенной температурой. Вишудха — центр гортани — лишь клубок истерический. Огни Святых Терезы, Клары, Радегунды; сердечная теплота Отцов Добротолюбия; Туммо Тибетских высоких лам; или хождение по огню в Индии — обряд, живущий и до сего времени; ведь Агни-Дику — престол Огня, тоже издревле помещался в Индии, где тысяча глав горы Маха Меру, — все это еще в пределах ненормальности повышения температуры. Даже разница веса картофеля до разложения и потеря в весе при сложении отдельных частей его не заставляет подумать об энергиях, которые пока что избегали изучать чистосердечно и добросовестно. Между тем каждый искренний химик сознается, что при любой реакции воздействует какое-то несказуемое условие, может быть, условие личности самого экспериментатора. Присутствие определенного лица воспрепятствовало смерти растений в лаборатории Sir Jagadis Bose. Но так как Sir Bose истинный ученый, то он сейчас же отметил это явление. Мало кто обращает внимание на воздействие природы человеческой на жизнь растений. Мало кто настолько утончен и зорок, чтобы принимать факт так, как он есть, а не так, как ему предписали суеверия, предрассудки, эгоизм и самомнение.

Светоносность (танджаси) Манаса та же действительность, как и светоносные излучения, возникающие особенно при напряжении мысли высокого качества. Художники христианского иконописания так же, как и буддийские мастера, изображали световые излучения с великим знанием. Вглядитесь и сопоставьте эти изображения, и вы найдете наглядное изложение кристаллизации света. Эту действительность ценности мысли, ценности света пора изучать и прилагать в жизни. Пора подумать, что, произнося великое понятие Благодать, мы не впадаем в отвлеченность, но осознаем реальность и благоценность действительности. Наступило время установления ценности находимых лучей и энергий. Предстояли долговременные

сознательные опыты над воздействиями и последствиями радия, Х-лучей и всей той мощи, которая незримо напитывает и нагнетает атмосферу планеты. Вез отрицания, в упорном познании, нужно предпринять лабораторный опыт именно многолетних изучений. Там же будет исследоваться и психическая энергия, физиология духа, и мысль, и светоносность, и жизнедатели, и жизнехранители. Огромное целебное и творческое поле, и в самой длительности опытов отразится безбоязненность перед беспредельностью.

Огонь и свет; весь прогресс человечества приходит к этой вездесущей, всепроникающей стихии. Вызванная, она или будет осознана и законно приложена, или опалит неразумие несознательности. И в этом искании слово “Единство” зовет еще раз, и стираются условные наросты Запада и Востока, Севера и Юга, и всех пыльных недоразумений. То же умное делание, та же тонкая боль познающего сердца, то же восхищение духа. И, отбрасывая мелочи наростов, мы усиливаемся тем же Неделимым, Единым и вместе с апостолом повторяем: “Лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком”. Не оставим действительные ценности в отвлеченности, но будем неотложно применять их без предрассудков. Перенос действительности в абстракцию есть одно из прискорбных преступлений против культуры. Еще до сих пор часто не чувствуют различия между цивилизацией и культурой и тем отсылают ценности последней в облачную недосягаемость. Сколько уже сужденного изгнано, засорено страхом и лицемерием... Но рано или поздно от страха нужно лечиться и освободить ту массу энергии, которую мы тратим на страх, раздражение, ложь и предательство. Скорей научимся запечатлевать фильмом наши излучения — мы увидим истинный паспорт духа. Говорит Агни-Йога: “Оглушая обыденностью, тьма кричит. Тьма не выносит дерзновение света”.

Святая Тереза, Св. Франциск, Св. Жан де Ла Круа в экстазе поднимались к потолку келий. Но что ж, скажете, просто нарушение поляризации... к тому же теперь уже вообще неочевидное. Ну, а если и теперь есть свидетели левитаций и изменения веса? Пламенный сослужил Святому Сергию. От пламенеющей чаши Сергей

приобщался. В великом огне прозревались незримые истины. Возвышенное сознание озарилось пламенными языками. Во время молитвы Св. Франциска так сиял монастырь, что путники вставали, думая, не заря ли.

Сияние возгоралось над монастырем, когда молилась Св. Клара. Однажды свет сделался так блистателен, что окрестные крестьяне сбежались, подумав: не пожар ли.

Много преданий, а вот и нехитрый рассказ о Псково-Печорском монастыре:

“Наш монастырь особенный. Отойдите в темную ночь подальше от монастыря да оглянитесь вокруг. Кругом — мрак беспросветный, зги не видать, а над монастырем светло. Сам сколько раз видел.

— Может быть, это от огней монастырских?

— Вот и другие, кто не знает, так говорят. Какие в монастыре огни? Два фонаря керосиновых, да две лампы перед иконами. Вот и все освещение. В городе у нас электричество горит, да и то в темноте не узнаешь, в какой он стороне находится. Нет, это свет особенный”.

Так же сбежались на пожар и в Гималаях и так же, вместо пламени уничтожения, нашли сияние духа.

Так же стояли горы, окаймленные синими листьями огненного лотоса. Вспыхивал неопалюющий огонь. И пролетали молнии очищения. И не в предании, а теперь, когда знаки так нужны; когда познание опять начинает подходить к явлениям с благостною рукою и глазами открытыми; когда неотложно выступили многие знаки. И стали их замечать на разных материках различные люди. После всех оговорок, после всех извинений, люди стали сознаваться, что не по оплошности глаза, но подлинно видят они самые разнообразные огненные явления. Особое проявление электричества. А что есть электричество — того так и не сказали опять.

При землетрясении в Италии видели все небо в языках пламени. Над Англией видели огненный крест. Суеверие ли только? Или просто кто-то увидал то, что часто не замечали?

Попробуйте проверить внимательность людей и вы ужаснетесь, насколько мы не умеем изощрять нашу подвижность и зоркость. И сама мысль — этот действительный магнит и мощная стрела — не заострена и засорена в пренебрежении. Смейтесь, смейтесь, а все-таки не пытайтесь мыслить четко.

Впрочем, и бокс, и гольф, и крокет, и бейсбол вряд ли требуют силу мысли? Да и скачки, пожалуй, не для мышления. Можно придумать множество занятий, оправдывающих пренебрежение к мысли, но все-таки к творчеству мысленному обратиться придется и потому малые упражнения внимания не будут излишни. Положительно в школах надо устроить особые курсы обострения внимания и мысли. Ведь редко умеют диктовать два письма или писать двумя руками или вести два разговора. Часто совсем не умеют сохранить в представлении четкое изображение предмета и запомнить даже незатейливую обстановку. Для некоторых даже почти все иноземцы — на одно лицо. А ведь маленькая внимательность и четкость мысли дала бы огромные находения. Среди гигиены мышления заметим многое такое, что в мещанстве называют феноменами. И еще одна отвлеченность станет реальностью. И еще одна возможность заменит отчаяние отрицания.

Нам не уйти от века огня. И потому лучше оценить и овладеть этим сокровищем. Скепсис хорош в мере разумности, но как сомнение невежества он будет лишь разлагателем. Между тем весь мир сейчас особенно ярко разделился на разрушителей и созидателей. С кем будем?

Наслышаны мы о всяких световых излучениях, но все-таки презрительно слушаем об аурах человеческих и животных. Даже если фотографическая пластинка запечатлевает их, мы скорее напомним на случайный дефект пластинки, нежели вспомним об общеизвестном издревле законе.

Когда мы вспоминаем о странных экспериментах Келли, мы скорее назовем его шарлатаном, но не подумаем об особом психическом свойстве его природы. Аппарат действовал в его руках, но отказывался действовать в руках других. Почему тогда каждая

машина устает в одних руках быстрее, нежели в иных? Каждый опытный инженер замечал это. Почему усталость коня зависит от всадника? И рука сокращает жизнь букета цветов. Ходим вокруг психической энергии. Знаем, что подобно мощной старой *Militia crucifera evangelica*, собравшейся вокруг символа Креста, так же должны мы собираться вокруг понятия Культуры. Не умаляя, не унижая это великое ведущее начало, но служа ему во всеоружии беспристрастного познания.

И сложно и прекрасно наше время, когда в горниле сплавов сияют многоцветные звезды. Опытные старцы заповедуют о дивном в сердце делании. “Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего Имя Господа, как молния вращается в пространстве пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту внутреннюю надлежит вести так-де, как ведут войну обыкновенную”.

“Когда же солнцем правды рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления”.

Или: “У того, кто установился в трезвении (сознании), чистое сердце соделывается мысленным небом со своим солнцем, луною и звездами, бывает вместилищем невместимого Бога по таинственному видению и восторжению ума.

Сядь или лучше встань в неслетлом и безмолвном углу в молитвенном положении. Не распускай членов. Сведи ум из головы в сердце. Храни внимание и не принимай на ум никаких мыслей, ни худых, ни добрых. Имей спокойное терпение. Держи умеренное воздержание.

Чтобы успособить этот труд. Св. Отцы указали особое некое делание, назвав его художеством и даже художеством художеств. Естественное художество, как входить внутрь сердца путем дыхания, много способствующее к собранию мыслей.

Дыхание через легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь и, собрав ум свой, вводи его сим путем дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом низойти в самое сердце и держи

его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему хотелось. Держа же его там, не оставляй его праздным, но дай ему священные слова. Попекись навикнуть сему внутри пребывание и блюди, чтобы ум твой нескоро выходил оттуда, ибо вначале он будет очень унывать. За то, когда навикнет, ему там будет весело и радостно пребывать и он сам захочет остаться там. Если ты успеешь войти в сердце тем путем, который я тебе показал, и держись этого делания всегда; оно научит тебя тому, о чем ты и не думал.

Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Деятельность — умносердечная молитва совершается так: сядь на стульце в одну пядь вышиною, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его там и оттоле взывай умно-сердечно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! — Ведай и то, что все такие приспособительные положения тела предписываются и считаются нужными, пока не стяжется чистая и не парительная в сердце молитва. Когда же Благодатью Господа достигнешь сего, тогда, оставив многие и различные делания, пребудешь паче слова соединенным с единым Господом в чистой и не парительной молитве сердечной, не нуждаясь в тех приспособлениях. Не забудь при этом, что ты, когда по временам будет приходить тебе самоохотная чистая молитва, ни под каким видом не должен разорять ее своими молитвенными правилами... Оставь тогда правила свои и сколько сил есть простирайся прилепиться к Господу, и Он просветит сердце твое в делании духовном.

Даже в глубоком сне молитвенные благоухания будут восходить из сердца без труда: если и умолкнет она во сне, но внутри тайно всегда священнодействоваться будет не прерываясь.

Ибо только сей посвященный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать врагов вспять и посекать, опалять, как огонь солому”.

Многотомно можно выписывать из Отцов Церкви и из заветов пустынно-жителей и подвижников правила их, ими выношенные и примененные в жизни. “Когда сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздействию Благодатью, весь

соделывается световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему, но перешел от смерти в живот. Неизреченны и неизъяснимы блистания божественной красоты. Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажешь, на светлость ли луны, на свет ли солнца — все это неуважительно в сравнении со славою оною и больше скудно перед лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла перед чистейшим светом. Так может говорить познавший из опыта, что есть сокровенный сердца человек — свет, который во тьме светит и тьме его не объять”.

Не отвлеченные символы, но реальное сознание отображал Макарий Египетский, когда писал: “Те, кто суть сыны света и сыны служения во Св. Духе, те от людей ничему не научатся, ибо они суть богонаученные. Ибо сама Благодать пишет в их сердцах законы Духа. Им не нужно достигать полноты убеждения в писаниях, написанных чернилами, но на скрижалях сердца божественная Благодать пишет законы Духа и небесные тайны. Сердце же начальствует над всеми органами тела. И если Благодать проникла в долины сердца, то она властвует над всеми членами тела и над всеми помышлениями”. “Начало тайны врача — знание хода сердца” — заповедует египетский папирус. Тот, кто знает духовное сердце, тот знает и тонкую боль сердца физического, о чем так проникновенно говорит Добротолюбие. Знающий эту тонкую боль познал и огонь любви — не любви воздыхания, но любви действия и подвига. Той любви, которая издревле зовется богочеловеческою, вознося людское чувство. “Какой мудрец знания не будет владыкою любви?” — заповедует Агни-Йога.

Тонкая боль, жар огня сердечного ведом потрудившимся в накоплениях опыта. Ведом тем, у кого труд осознанный вошел в молитву, а молитва претворилась в неумолчное биение сердца, в ритм жизни. Спросят ли вас, что есть ритм и почему важно назначение его? Значит, спросивший не знает тонкую боль сердца и не знает пространства и не прислушался к гимну природы. Без

собственного напряжения не познает он искр подвига, приближающих его сердце к мере созвучия с Бытием и Любовью. Центр Духа связан с центром организма. Связь эта, веками известная, ни научно, ни философски не разгадана, но вместе с тем совершенно очевидна. Чаша опыта. И этим путем мы опять подойдем к творчеству мыслью — к таинственному, но непреложному “Слово плоть бысть”. Таким путем Логос воплощается и в телесное. Тайна эта явлена в каждом человеке, в каждом воплощенном духе. Бог вложил человеку вечность в сердце, — обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света. Тонкая боль есть шевеление тонкой энергии, а светоносность есть один из первых признаков действия энергий этих. Когда нагнетется свет этот, когда делается видим и нашему глазу, — этот момент всегда остается жданно-нежданным. Завещано держать светильники зажженными, но момент вестника несказуем. Так несказуема и тонкая боль, и завет, что радость есть особая мудрость. Можно вспомнить заветы “Бхагавадгиты” и Агни-Йоги и Каббалы и пророков Библии и огонь Зороастра.

Платоновское солнцеподобие относится к тем же несказуемым, но светоносным понятиям. Встречаются испытывавшие, и для них не нужен словарь, но в движении едином, и даже в молчании они взаимно поймут язык всех словесных различий. Потому исповедуйте, испытывайте, ибо не знаете, где лучший час ваш и когда вспыхнет огонь над чашею накоплений. Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремленность будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгорать заповедано.

Звучание сердечного центра, подслушанное и Сократом, созвучит ритму блага. Очищение материи Спинозы озонируется теми же волнами света. Световой центр сердца может засиять всеозаряющим пламенем — карбункул легенд Грааля.

Агни-Йога говорит: “В основе всей Вселенной ищите сердце. Творчество сердца напрягается чакрою Чаши. Величайшая мощь лежит в магните сердца. Слово, не содержащее в себе утверждение

сердца, — пусто. Жемчужина сердца — тончайшая напряженность. Архат, как пламя, несет в сердце все огни жизни”.

Ориген утверждает: “Глазами сердца видим Бытие”.

“Для чистых все чисто”, — безбоязненно заповедует апостол Павел. Он знал чистоту и действенность сердца, когда оно ведаёт лишь благо и, как магнит, собирает вокруг себя лишь доброе. Магнитоподобность сердца упоминается часто, хотя научно также ещё не познана. Между тем сокровища премудрости и ведения постигаются именно умом сердца, чашею любви и самоотверженного действия. Где сокровища ваши, там и сердце ваше. Светоносность сердца подобна флуоресценции моря, когда движение возжигает зримые бесчисленные световые образования. Так и дуновение творческой любви возжигает светочи сердца. “Да будет свет”, — говорится Мыслью Великого.

Внутренний человек хочет только добра и в минуты сердечного сияния он необманно знает, где благо. Из сердечного сияния истекает лишь благо, и свет излучаемый может пресекать все изломы нарощенного невежества. Ибо грех, невежество — братья мрака. Жить в духе — значит сиять и благодетельствовать, и постигать, жить в плоти — значит затемнять и осуждать, и невежествовать и удлинять путь. Но не следует забывать, что удлиняя наш путь, мы затрудняем и путь близких, потому всякий эгоизм, думание о себе, саможаление, гордыня, всякое невежество — есть престол тьмы. Во имя близких мы не должны нарушать ритм волн света. Полезны наблюдения над цветами. Сад света также нуждается в заботе и уходе, и струи чистых мыслей лучшее для него питание. Чем напряженнее свет, тем слабее тьма. Даже светоносное сердце прекрасного ангела могло избрать свободу омрачения вместо свободы служения и сияния. Потому нужно неотложное питание сада света, иначе пятнистые языки тигровых лилий пожрут лилии Благовещения, и предательская белладонна скроет фризий сияния вершин. Надо светиться, надо рождать и усиливать свет сердца. Сосияния и созвучия света в свободе познания усиливаются взаимно. Безмерна мощь объединённых благом мыслей. Уготован каждому свет, но можем закрыть его сосудом

пустым. Сказано: “От падения лепестка розы мира содрогаются и перо крыла птицы рождает громы на дальних мирах” — какая прекрасная, великая ответственность, и не обернем громы, рожденные легкомыслием, на бытие земли.

Из этой возводящей ответственности истекает светоносное стремление добросовестно, без разочарований, изучать все окружающее. Даже каждый виртуоз нуждается в ежедневных упражнениях. Повторено: “Если ты устал — начни еще. Если ты изнемог — начни еще и еще. И как щит любовь призови”.

Теплота любви так же реальна, как тонкая боль сердца. Свет сияния мысли не только ощутим глазом, но и доступен фильму. Неотложно нужно несуетное изучение, безбоязненное и неэгоистичное. Очевидность родственна плоти, но не духу. Истина — в действительности, но не в патологии очевидности.

Сердце — великий трансмутатор энергий — знает, где содрогание ужаса и где трепет восхищения. Дух отличает пятна ужаса и сияние восторга. Столько лучей и энергий улавливается вниманием ученых; это же внимание должно быть проявлено каждым человеком к ритму и свету, ведущим каждую жизнь. Зачем опалиться и обуглиться, если можно сиять в нетлении? “Бог есть огонь, согревающий сердца”, — говорит преподобный Серафим.

“Он знает тайны сердца”, — поет псалмопевец в созвучии восхищения. Когда говорим о прекрасном, о тайнах сердца, то прежде всего имеются в виду прекрасные, творящие мысли. Как самые нежные цветы, их нужно растить, нужно поливать непрестанно радостными струями Благодати. Нужно ежедневно учиться четко и благостно мыслить. Нужно научиться мечтам — этим высшим ростками мысли. Дерзнем! Не убоимся мечтать в высоте. С горы — виднее.

С гор — скрижали Завета.

С гор — герои и подвиг.

Мечта светоносна.

Пламенная мечта — порог Благодати.

Огонь и мысль. Пламенные крылья Софии — Премудрости Божией.

КУЛЬТУРА

Друзья мои!

Скажем кратко, в чем сущность наших задач и стремлений. Все определенное может быть выражено кратко: мы помогаем Культуре. А если кто в минуту дерзновения возьмет на себя бремя сказать: “Мы слагаем Культуру”, то он будет не далек от истины. Каждый помогающий разве не является и сотрудником?

Мы просим наших друзей каждый день мыслить, произносить и применять понятия Красоты и Культуры. В этом нет ничего нового, ибо вообще ничего нового нет. Но мы собираем около этих ценных понятий новое усилие, мы стремимся помочь напряжению созидательной энергии. Мы стремимся изучать и воплощать так называемую абстракцию в реальность. Очень легко из каждого действия сделать абстракцию. И в этой отвлеченности утратить возможность действительности.

Мы видим постоянно, что самое реальное учение жизни превращается искусной риторикой в недостижимую абстракцию и для успокоения малодушия передается в неосязаемую облачность. Сделать эти искусственно созданные великие абстракции реальностью и сущностью жизни есть ближайшая задача Культуры. Невозможно представить себе, чтобы истинное познание сущности, истинное учение жизни, что-то только запрещало, отсекало и омертвляло.

Истина будет там, где будет явлено беспрепятственное строительное расширение, вмещение и любовь к неустанному подвигу. Враги наши говорят, что мы будто бы образуем из себя какое-то особое племя. Если бы под этим они подразумевали народ культуры, то, пожалуй, и это вражеское определение, как это часто бывает, явилось бы близким к истине. Этой истины мы и не будем бояться. Если как высшее обвинение отживающий черный век

скажет нам: “Вот, собрались мечтатели и воображают, что они могут помочь человечеству”. Ведь именно в этой помощи человечеству нас и укоряют. Но каждый из рассеянных по всем странам соратников наших при этом улыбнется и скажет: “А разве каждый естественный труд не является помощью человечеству?” Ибо мерзко было бы думать, что каждый трудящийся трудится лишь для себя самого. Нет, он трудится для кого-то ему неизвестного. И тот неизвестный примет этот безымянный труд как некое выражение Благодати, облегчающее ему прохождение земного пути. Не мечтатели, но воплоители мыслей; мечта улетает в безбрежный воздушный океан, но воплощение мыслей творит сущности и цементирует пространство грядущими созданиями. О творчестве мыслью во многообразии говорили все религии, все учения. За многие тысячелетия до нашей эры египтяне знали это творчество мысленное. И еще сказано всюду: “Мысль и любовь”. И под видом сердца и змия и чаши во всем многообразии благих символов дается то же предначертание мудрое: “Мысль и любовь”.

Ведь из мысли, эманации совершенно реальной, мы ухитрились сделать отвлеченность. Мы забыли, что не рука, но мысль и творит, и убивает. А из любви мы сделали или кислое воздыхание, или мерзость блуда. Дошло до того, что некоторые отрасли Христианской Церкви совершенно недавно даже санкционировали аборт. Это несчастное узаконение должно понимать как высшую меру отрицания духовности. Подумайте, если Церковь, вместо мудрого распределения сил и воздержания, будет рекомендовать убийство, если постоянно говорится о делении мира на созидателей и разрушителей, то ведь эта мера была бы страшным знаком разрушения. Но культура, по сущности своей, не знает разрушения как такового. Она безудержно, беспрестанно создает, она постоянно покрывает новым, высшим куполом несовершенство вчерашнего дня. Но где же тот камень, который не пригодился бы мудрому строителю, берегущему каждую возможность? Истинно, в разных частях света сейчас возникает напряжение строительной энергии. Ряды молодых работников вопиют: “Мы изнемогли от разрушения,

мы отяжелели от бессмысленной механизации, мы хотим творить, мы хотим делать ту полезную работу, которая соединила бы нас с светлым будущим”. В старых учениях всегда указывался мост, соединяющий старый и новый мир. И нигде не говорилось ни о разрушении, ни о насилии.

Если мыслить о духовности будущего, то ведь эта духовность не будет отвлеченной, но снова она вернется в зримость, в осязательность, в непреложность. И снова Благодать станет вещественною, как вещественна и весома даже мысль. Если кто облагораживает жизнь свою, если кто вместо сорительного злоречия старается вернуться к творчеству светлому, разве это смешно? Ведь хихикать будут только невежды, для которых само Знание уже является отвлеченностью, а сама Красота ненужною роскошью, и сама Благодать младенческою сказкою. Но самые серьезные ученые уже давно пришли к заключению, что сказка есть сказание. А сказание есть исторический факт, который нужно разглядеть в дымке веков.

Те же ученые показали нам, что Культура и достижение государств строились Красотою. Уберите памятники Красоты, и весь аспект истории нарушится. Живучесть Красоты, вековая жизнеспособность культуры говорит нам об истинном претворении отвлеченности в явленную жизнь.

Вот и мы, вовсе не мечтатели, но работники жизни, и апостолат наш прежде всего в том, что мы стремимся сказать народу: “Помни о Красоте, не изгоняй ее облик из жизни и зови действительно и других к этой трапезе радости! А если увидишь союзников, не отгони их, но найди всю меру благого вмещения, чтобы позвать нас на то же мирное необъятное поле труда и созидания. В Красоте и в духе укрепятся силы твои, и взглянешь ты ввысь и прострешь крылья свои, как завоеватель сужденного Света...” В дни особых смятений и содроганий мы будем твердить о том же созидании, о том же благодатном Свете. И нет такого условия, которое бы могло отворотить вступившего на путь созидания.

Не убоимся во имя Прекрасного и будем помнить, что насмешка невежества лишь толчок для подвига.

Отрешаясь от эгоизма, если будем не только сами стремиться по пути Прекрасного, но и будем всемерно открывать его близким, мы уже будем выполнять ближайшую задачу осветления Культуры — восхождения духа.

ПРЕКРАСНОЕ

Приветствие Школе Дальтона

Какая разница Востока от Запада? Когда этот вопрос был предложен мне в Индии, я ответил: “Самые прекрасные розы Востока и Запада одинаково благоухают”. Мы говорили о неразрешимых проблемах, о непереходимых пропастях, тогда как перед нами великий Свет открывает прямой путь: Закон Прекрасного, закон ведущий и благостный, могущий все объединить в свете всепонимания.

Если мы не достигаем порога Прекрасного, скажем: “моя вина”, осознаем, что только мы сами виноваты, ибо мы не нашли силы прислушаться к великому закону совершенствования. Если мы не глухи, не слепы, не поражены умственным параличом, мы должны различить, где та эволюция, которая будет достойна доблестных примеров прошлого, которая может обеспечить действительное счастье наших потомков.

Наблюдать устремленное шествие героев всех веков — это значит оказаться перед беспредельными далями, наполняющими нас священным трепетом. По существу нашему мы не имеем права отступать. Вы, молодежь, которая готовится строить твердыню жизни вашей, вы хотите счастья, и, обращаясь к вашим старшим, вы спрашиваете их:

“Как же сложить наш очаг?”

Я работал сорок лет и прошел более двадцати пяти стран, и на этом опыте могу дать совет вам:

“Только Прекрасным!”

Даже ужасающий Хаос разделений, уходов, ограничений претворится в Свет и гармонию там, где прикасается луч Прекрасного. Замечаете, что я не употребляю слово Красота, но говорю Прекрасное, этим я хочу выразить не только физические выявления, осязательные в Красоте — музыку, живопись, драму, танец, но я хочу подчеркнуть понятие Прекрасного, которое проникает всюду. Вы, молодые друзья, поймите же невидимый великий смысл этого основного понятия и сделайте его устоем вашей жизни, это обязанность ваша.

Часто мы слышим: “Он потерял прямой путь”. Спросим себя, были ли очаг этого несчастного беглеца прекрасным внешне и духовно?

Возможно ли вводить Прекрасное в нашу каждодневную обычность? Но разве работа нашего каждого дня не истинная молитва? И сознательная дисциплина, разве это не есть истинная свобода?

Скажут нам: “Конечно, подобная мечта увлекательна, но каким образом можно украсить жизнь?”

Лишь в невежестве мы думаем, что Прекрасное суждено только богатым и недоступно трудящимся. В превратном мышлении мы, пожалуй, придем к опасному заключению, что Прекрасное есть не что иное, как роскошь. Нужно раз навсегда понять, что одухотворяющая сущность Прекрасного не имеет ничего общего с роскошью. Прекрасное — это не есть праздничный отдых, это не есть гость случайный. Прекрасное — это благородный водитель всей нашей жизни! Беспреданно Прекрасное твердит нам о мудрости утверждения, сердечного и объединяющего, и предостерегает не поддаваться звериному отрицанию, враждебному и свирепому. В мудром утверждении выражено величие самосознания.

Благородно служить Прекрасному — это не значит быть мячом судьбы. В разных странах мы видели, какими непреложными средствами можно возделывать плодоносные пашни Прекрасного. Люди бедные получают богатую жатву, как, например, собиратели искусства. Вспоминаю трогательный пример. Собиратель —

полковник армии, вы знаете, как скромно вознаграждение полковника, и не было у него личного состояния. Но жила в нем любовь к Прекрасному, он был природный собиратель. Конечно, он не мог надеяться составить собрание картин. Но он знал, что кроме картин существуют предшествующие им эскизы. Будучи истинным ценителем, он знал, что иногда первая мысль, зажегшая художника, бывает вдохновеннее условно законченного выражения. И так наш собиратель начал коллекцию эскизов. Он приходил в наши мастерские и с достойной удивления настойчивостью находил наши первые наброски. Он был удивительно настойчив, и в результате десяти лет он составил замечательное собрание, которое подарил нации. В некоторых отношениях эта коллекция эскизов была даже более ценной, нежели собрание законченных картин.

И не только составил он собрание истинных выражений искусства, но устремление его создало вокруг этой коллекции атмосферу преданности и успеха. Вы знаете, как близки понятия преданности и любви понятию победы.

Основная задача — поощрять всячески развитие внутреннего сознания Прекрасного, этого истинного щита против тьмы невежества.

Не все обладают способностью внешнего выражения искусства, но каждый имеет в существе своем возможность осознания Прекрасного. Очень часто создание мысленное гораздо выше выраженных при посредстве внешних средств искусства. Не забудем эту простую истину, ибо она поможет нам понять те возможности, которые скрыты в существе нашем. Не однажды вы слышали: “Моя жизнь окончена, я не могу даже мечтать о чем-либо Прекрасном, я не имею времени сосредоточиться мечтать”. Точно мысль нуждается в каком-то особенном времени. Часто вы замечаете очень одаренного, который носит в себе замечательные идеи, полон своеобразных понятий, которые он выражает с силою, как только его эгоистические жалобы смолкают. Он глубоко способен посылать полезные мысли в пространство. Трудно понять, что все мысли, являющиеся следствием нагнетения энергии, запечатлеваются в пространстве и

подлежат общим физическим законам. Потому мы должны дисциплинировать себя в творческом мышлении, и в этом прекрасном творчестве сотрудничать со всем Космосом. Указывают, что мысль может изменять вес; человек, озаренный глубокою мыслью, теряет в весе. Для этого прежде всего нужно иметь мысль истинно сильную. Напряженная мысль имеет все качества магнита.

В самопожертвовании, в творении бескорыстного создания красоты, на котором мы сосредоточим высшую духовную силу, мы станем истинными сотрудниками Вышнего.

Посетив все континенты, изучая народы Азии с их многообразными обычаями, с их древнейшими символами, мы знаем, до какой степени ценна сила развития мысли для построения будущего.

Вместо того, чтобы доступы Красоты и Искусства в жизнь вымучивать, нужно лучше понять, что просвещенная жизнь есть выражение Прекрасного.

Кто-то спросил нас: “Как могли вы провести пять лет без театра, без музыки?” Ответили с улыбкою: “Каждый день мы имели театр в жизни; ибо сама жизнь есть музыка, радость духа есть песнь, изображать природу — это значит воздать лучшее приношение Создателю”.

В пустыне Монголии, в Центральной Гоби, мы слышали прекрасную песнь, мы просили монгола повторить ее, он отказался: “Невозможно, эта песнь лишь для пустыни”.

Мы стараемся сделать наше искусство жизненным. Не показывают ли нам лучшие эпохи истории, что именно жизнь была направляема Прекрасным?

Мы часто задаем себе вопрос, как ввести театр в жизнь? Вспомните мою картину священных танцев в Монголии. В пустыне высятся гигантские знамена, великолепно расцвеченные, мощные трубы сливаются с величественными хорами. С утра и до вечера протекают священные танцы. День за днем огромные толпы принимают участие в священных обрядах. Они вносят в жизнь осознание Прекрасного, утверждают в необычном.

Дельфийские Мистерии, священные обряды Египта уже так далеки от нас, что делаются принадлежностью хроники и исторической книги. Но когда вы оказываетесь свидетелем мощных проявлений Красоты в современной жизни, вы чувствуете, как многое еще может быть достигнуто. Еще раз вы понимаете, почему мудрые люди придавали такое значение живописности и музыкальности всех общественных обрядов. Поистине, обязанность наша вводить Прекрасное во всем и всюду; если это трудно иногда, но все же возможно. Убедимся, что во все времена и во всех странах были те же трудности, но и те же возможности. Каждая трудность есть и возможность.

Осознать эти благословенные трудности будет значить уже понять, как улучшить жизнь. И разве не наша первейшая обязанность заслуженно оценить мощь мысли?

Мы часто легкомысленно говорим о силе воли. Если бы только мы могли применять эту силу с благой целью! Часто мы очень изобретательны в разрушении, очень изысканны в отрицаниях, но как слабы мы бываем в созидании, в даянии, в помощи!

Иногда мы даже не знаем слов благословения. И все же незыблем закон, что лишь в даянии мы получаем.

Когда мы говорим о телепатии, о ясновидении и яснослышании, нам кажется, что мы говорим о чем-то отвлеченном, даже сверхъестественном, феноменальном. Но феноменальное и оккультное существует лишь для тех, кто не знает этих явлений. Не считают ли дети телефон очень таинственным предметом? Еще недавно не был ли славный изобретатель фонографа Эдисон называем шарлатаном? Наше суеверие, наши предрассудки, поистине, безграничны. Необходимо создать панацею против этих болезней, так опасных. Высшая наука, самые вдохновенные знаки всегда будут подозреваемы невеждами. Очень поучительно наблюдать, насколько истинные творцы и ученые обладают всепониманием и терпимостью, потому что они действительно знают. Они знают, что существуют безграничные возможности, они

прикасаются к едва ощутимым мощным энергиям. Не преступление следовать великому закону Истины.

Великие Истины не должны быть ограничены воскресною Службою, но предназначены для совершенствования жизни. Осветить работу лучами Прекрасного — не значит ли превратить в праздник все дни недели?. Не радостно ли заменить туманные и печальные призраки невежества светлыми и полезными находждениями знания? Столько превосходных открытий дается каждый день человечеству. Мы можем видеть, насколько они изменяют все условия жизни.

В горах Азии много говорят об Агни-Йоге — Учении Огня. Эта Йога синтезирует все предыдущие Йоги. Как вы должны знать, все Йоги не имеют ничего в себе сверхъестественного. Они лишь учат, как пользоваться природными нашими силами. После всех открытий в области электричества, магнетизма, радио и дальновидения, которые нам предлагаются механическими усовершенствованиями, не удивительно ли слышать, как на Востоке почитают всепроникающую стихию — Огонь Пространства. Вы слышите, как они говорят: “Приближается век Огня”, и рассуждают об этой стихии, поистине, научно. При этом вы вспоминаете, что проф. Милликен недавно открыл так называемый Космический луч и устремляется применить эту новую силу. Самые древние Учения Азии, на пространстве многих веков, говорят о великолепной стихии Огня. Говорится, что если бы люди сумели овладеть благостно этой стихией, то планету ожидала бы счастливая Эра. Но в противном великий Огонь может стать опасным и разрушительным. Со времен Будды упоминаются железные птицы Огня, которые будут служить человечеству. Глубочайшая древность знает железных змиев, полезных людям. Как замечательно находить в Ригведах и в других тысячелетних Учениях факты точной науки, сокрытые в символах. Может быть, язык их нам сразу покажется странным, нас удивят метафоры и сравнения, но если мы честно разберем эти длинные мудрые свитки, не впадая в предрассудки, мы можем различить множество полезных указаний.

Главная наша задача изучать факты честно. Мы должны почитать науку как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством. Могут ли некоторые ученые утверждать, что они умеют относиться к фактам и умеют упоминать их с полной честностью? Но мы должны брать факты так, как они есть, без эгоистического перетолкования. Разве мы не являемся иногда еще более суеверными, нежели люди пустынь? Свет разгоняет Тьму. Радостно осознать, что имеются такие ученые, как Эйнштейн, Милликен, Бругли, и мы чувствуем себя безопасными под научным руководством этих испытанных пилотов. Вы следили за чудесными опытами Бругли над электронами, над трансмутацией энергии и материи. Вы читали, как Милликен приближается к первичным энергиям, и вы удивлялись, какая широта зрения лежит в основе его изысканий. Вы рукоплескали теории Эйнштейна. Эти ваши рукоплескания уже показали, что вы освобождены от суеверий. Эти великие открытия входят в сферу Прекрасного; в момент подобных открытий ученый вибрирует высоким вдохновением. В момент высшего открытия исследователь испытывает высший экстаз: он, поистине, у порога Вечности!

Все новейшие школы должны иметь лаборатории, посвященные естественным наукам. Вы уже знаете, что электрон рождается от скрещения двух энергий. Это прекрасный момент, когда две энергии, еще невесомые, производят уже что-то измеряемое, нечто физическое. Вы видите, как важно выявлять вашу собственную потенциальную энергию. Вам говорят о научных энергиях, об оккультных энергиях, об энергии Огня и о множестве прочих. Не есть ли все они грани одной и той же творящей энергии, которая заключена и в каждом из нас. Большое заблуждение думать, что только какие-то особенные ученые и художники ею обладают.

Каждый созидатель, каждый работник может совершенствовать эту природную способность, поскольку он будет действовать сознательно. Это сознание приобретается не только через учение. Творческий опыт развивается самодеятельностью, осознанием силы, неуклонною волею. Из этого же понимания происходит и

терпимость. Не забывайте о ней, она вам будет так нужна в жизни вашей! Как мы уже говорили, нетерпимость есть невежество, которое уже разрушило такое множество дел, полезных и прекрасных. Посмотрев на невежество, вы приходите к заключению о единстве науки и искусства, энтузиазма и творческого экстаза. Единство Света, разве это сознание не будет для нас источником постоянной радости?

Иногда нам кажется, что мы устали. Но это тоже признак своего рода невежества. Попросту мы слишком много утруждали один нервный центр. Достаточно переменить работу, чтобы заставить действовать другие центры. Эта простейшая перемена труда принесет нам отдых. Ибо не следует думать, что только сон или бездействие восстанавливают нервы.

Раздражение и злоба отравляют существо наше. Мы не должны забывать, что каждое раздражение оставляет в нашем организме физические отложения, известные многим врачам. Они знают, насколько опасен этот отравленный кристалл гнева, как его, между прочим, называют и в Азии.

Если вы осознаете всю опасность гнева, не только физическую, но и духовную, вы избегнете всякую возможность раздражения. Если вы осознаете, что кто-то пришел с целью раздражить вас, ведь вы его встретите улыбкою. Велика сила знать, что именно вы хотите. При этом стрела улыбки гораздо более могущественна, нежели стрела гнева. Кроме того, подойдя совсем близко к врагу, вы ему не дадите возможности метнуть отравленное копьё.

Надеюсь, что вы меня не обвините в том, что я говорил вам о чем-то отвлеченном, оккультном или мистическом. Что называют мистицизмом? Нечто туманное и непонятное. Но мы не имеем ничего общего с туманами, мы занимаемся фактами, точными и светлыми. Эти дела Света претворят всю жизнь вашу и облегчат и украсят ее.

Когда мы спрашивали иногда молодежь: “Что вы считаете самым существенным в жизни вашей?” — Они шептали в ответ: “Нет у нас ни существенного, ни замечательного. Сера наша жизнь”. — “Я

служу в банке”. — “Я работаю на фабрике”. — “Я занят на телеграфе...”

Молодежь, неужели вы забыли Великого Плотника?

На земном плане знаменитый английский хирург Джон Хентер провел годы молодости на фабрике мебели. Он всегда приписывал замечательную верность руки столярному опыту. Знаменитый эльзасский философ Яков Беме был сапожником. Он обдумывал свои философские системы, делая сапоги. Сколько замечательных людей исполняли, казалось бы, скромную работу! Перечтете ли их подвиги?

Каждая истинная работа имеет свою красоту.

Наша каждодневная жизнь есть Пранаяма совершенствования. Но будет действительна эта Пранаяма, если вы проведете ее в полном осознании. Совершенный ремесленник неотделим от художника, даже если он начнет складывать рисунки паркета. Изысканность и четкость японцев разве не принадлежит к области Красоты?

Когда человек выделяется в исполнении работы своей, мы естественно думаем: “Надо доверить ему что-либо более значительное”. И из совершенства работы рождается чудо — работа протекает в постоянной радости, потому что работник ощущает законную гордость совершенства. Велико несчастье прикасаться к работе без любви к ней, с единственным желанием поскорее от нее отвязаться. Работающий в сердечном увлечении не чувствует усталости, энтузиазм умножает его силы, он не нуждается ни в сне, ни в пище, лишь бы не нарушить своего возрастающего устремления.

Когда вы ищете совершенствования, вы забываете себя во имя творимого вами, вы отрешаетесь от эгоизма, и в этом самоотречении заключается один из видов Прекрасного.

В Музеях вы видите много анонимных произведений искусства. Имя, как лист отсохший, унесено вихрями времени. Но живет Прекрасное, оно лишь умножается временем. Имя может пережить художника на несколько веков, но творение может жить тысячелетия.

Истинно, самоотречение является одной из форм Прекрасного. Всякое Я в существе своем обособлено, ограничено. Всякое Мы

сильно и безгранично. Это благостное Мы, как истинное сотрудничество, ложится в основу жизненного начинания. Во все эпохи возрождения, и на Западе и на Востоке, можно встречаться с многозначительным понятием Учителя — Гуру. Выбрать Учителя и следовать ему не было рабством, но было осознанием Иерархии Знания и чувством сотрудничества. Это значило стать звеном беспредельной Цепи, от несведущего до Всезнающего, это значило приобщиться к бесконечным созвучиям всеобъединяющим. Восходите путем энтузиазма, блага, жизни, сотрудничества!

Не думайте о себе в работе, но ощущайте всю ответственность перед теми, кто следует за вами. Никогда не забывайте бедствий, наносимых озлоблением, страхом, ленью, эгоизмом — этими порождениями невежества.

Осознание единения врожденно всем народам. Каждый народ имеет сказания, традиции, которые выражают эту истину.

Мы слышали, что Азия и Америка когда-то составляли один континент; в красивой сказке люди Азии расскажут вам о катаклизме, разделившей эти континенты, и вы почувствуете, что образ Азии не менее прекрасен, нежели образ Атлантиды.

Знание преображается в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно.

Как народы Пустыни умеют говорить об искусстве и о художниках! Хотелось бы, чтобы наши критики искусства обладали такими же образными и благостными словарями, оценивая творчество.

В дальних Кучарах, в Центральной Азии, нам рассказали:

“Однажды принес художник картину заимодавцу, чтобы получить под нее ссуду. Займодавец отсутствовал, но оставшийся за него мальчик восхитился картиной и выдал за нее большую сумму художнику. Вернулся хозяин, в гневе услышал случившееся и закричал: “Сумасшедший, ты дал столько тысяч саров за какую-то капусту, никогда не увижу моих денег более”. И обозленный хозяин выгнал мальчика, и забросил в угол картину, а на ней была

действительно капуста и бабочки. Кончилось время залога, и художник принес взятую сумму, требуя картину обратно. Но осмотрев картину, он отказался принять ее, сказав: “Это не моя картина, на ней была капуста и бабочки, а на этой одна лишь капуста”. Заимодавец в ужасе заметил, что бабочки, действительно, исчезли. В конце концов, художник сказал ему: “Ты изгнал мальчика, оказавшего мне услугу. Но только он может избавить тебя из затруднения. Найди его, может быть, он согласится помочь тебе”. Мальчик был найден и сказал хозяину: “Искусство этого художника так высоко, что во всех его произведениях отображены все законы природы. Картина была принята нами летом, теперь же зима: бабочки не могут жить без тепла и солнца. Поставьте картину у огня и под негою тепла опять возродятся бабочки”. Так и случилось, у благодетельного пламени бабочки вновь ожили и опять окружили капусту. Настолько искусство этого художника было совершенно. Мальчик же был принят обратно и сделался великим и полезным человеком, ибо дух его мог проникнуть в прекрасные тайны Искусства”.

Разве не прекрасно, что народ в далеких пустынях в таких изысканных сравнениях мыслит о прекрасном совершенстве?

В жизни вашей оставайтесь верными Прекрасному, храните энтузиазм. Растите в себе творческие мысли, помня, что по мощи ничто не сравнится с силою мысли. Действие лишь выражает мысль, потому мы ответственны не только за наши действия, но еще более за мысли. Даю вам жизненный совет: имейте мысли чистые и сильные. Наполняйте жизнь вашу несломимым энтузиазмом и тем обращайтесь ее в постоянный праздник. С улыбкою истинного познания внушайте детям вашим непобедимое желание созидать. Эта бесконечная цепь труда, совершенствования и блага приведет вас к Прекрасному.

Нью-Йорк. 1930 г.

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА

В собирании красот духа, если мы начнем вспоминать события последних лет, нас поразит одно укореняющееся обстоятельство, вызывающее особые соображения. За последние десятилетия мы проводили в далекий путь многих замечательных людей. При этом ценно было почувствовать, какие искренние сожаления об утрате их вызывались в сердцах самых разных людей, на разных материках. Словно бы уходило что-то родное, нужное, слагавшее восходящие основы жизненного строительства. У самых, казалось бы, непричастных людей сверкала слеза — эта чистая жемчужина неэгоистической вибрации. Помним, как провожали уход Льва Толстого, или Пастера, или Вагнера, или Менделеева, и многих таких же ценных творцов для улучшения и очищения человеческого сознания. Вспоминаем и другое ощущение, тоже не менее ценное, а именно: приветствие производившимся опытам и культурным достижениям. Не бездушная хроника отмечала и приветствовала новые завоевания человечества. Они возбуждали горячие оценки и неминуемые осуждения, сопровождавшие эти события вспышкой искр, в свою очередь творящих и возбуждающих внимание.

Так ли оно стоит сейчас? Хроника отмечает открытие, отводя несомненно большее место бирже и спорту. Появление крупных людей встречается недоверчивым сомнением, а уход их сопровождается официальным вставанием и искусственным молчанием, и никогда не знаешь качества мыслей во время этой минуты предписанного молчания.

Что же значит это? Может быть, это знак необыкновенного духовного богатства? Может быть, гиганты мысли, гиганты творчества стали так обычны, что уход их более не может занимать общественного внимания?

Так ли это? Не обозначает ли сказанное как раз обратное? Не значит ли оно пренебрежение к духовным ценностям? Не значит ли оно увлечение материальными, телесными, преходящими понятиями,

при которых, как пыльным облаком, застилается свет и отодвигаются во мглу ценности культуры? Нам не нужно взаимно убеждать друг друга об истинных причинах происходящего очевидного явления. Мы собрались во имя культуры и каждый из нас, конечно, остро чувствует необходимость истинного сплочения вокруг этого руководящего эволюцией понятия. Но если мы в той или иной мере чувствуем вышесказанное, то не есть ли наш долг выявить это и посылить каждому в своей сфере обратить внимание окружающего на небрежение духовными ценностями?

Сказано и повторено на всех скрижалях заветов, что сад духовный нуждается в том же ежедневном орошении, как и сад цветочный. Если мы все еще считаем физические цветы истинным украшением жизни нашей, то кольми паче мы обязаны вспомнить и уделять главенствующее место в окружающей жизни творческим ценностям духа. Будем же неусыпно на вечной страже благостно отмечать появление работников культуры и стремиться всячески облегчать этот трудный путь подвига.

Так же точно будем отмечать и находить место в жизни уходящим героям, помня, что имя их уже не является личным со всеми свойствами ограниченного эго, но оно является достоянием всемирной культуры и должно быть обережено и прочно возвращено в наиболее благодатных условиях.

Этим мы будем лишь продолжать их самоотверженный труд и будем растить их творческие посевы, которые так часто, как мы видим, засоряются пылью непонимания и зарастают бурьяном невежества.

Духовных находений творческих откровений очень мало. Мы не можем объяснить развитием стандарта жизни небрежение к руководящим светильникам. Пусть на наших улицах уже горят электрические фонари, еще недавно бывшие редкостью. Но на нас надвинулось сокровище новых, еще неиспытанных энергий, и проявление их во всех областях связано с такими же самоотверженными жертвами и трудами, которые должны занимать общественное внимание, ибо в этом внимании мы как бы

сотрудничаем с Творцом и в наших благих мысленных посылках мы усилием возможности нахождения.

Итак, среди занятий наших культурных ассоциаций будем же отводить должное внимание к творениям и находениям во всех отраслях искусства и знания. Будем приносить наши искренние мысли в преуспевание трудов, как вновь приходящих, так и уходящих носителей света. Пусть это будет не сомнительное пожимание плечами. Пусть это будут не холодные некрологи, но мы, как бы почетная стража, будем охранять ростки света. Освобожденные от предрассудков и суеверий, служа победой красоте и всеподымающему знанию, мы приложим во всех размерах и отраслях ревностную мысль утверждения блага, тем способствуя дальнейшим ветвям изучения и улучшения жизни.

Как драгоценно, что наши ассоциации находятся в различных странах. Тем легче всемирно следить за проявлениями творчества и опытов, тем легче взаимно обмениваться и обогатить друг друга полезными и ободряющими сведениями, которые иначе, быть может, потонули бы в безбрежных потоках хроник мелкого шрифта. Никто не знает, к чему непременно нужно творцам истинного прогресса приходиться изгнанными и уходить с земного плана осужденными!

Как уже повторено: заповедано не обуглиться, но сиять. Обугливающее злопыхание может быть легко контролируемо сознательными усилиями объединенных культурных ассоциаций, искренно направленных к созидательному творящему познанию.

Конечно, наша основная программа действия — обмениваться художественными выявлениями всех отраслей и научными проявлениями, взаимно знакомясь с духовными ценностями всех народов. И потому среди программы художественных и научных выявлений и обмена, которыми мы взаимно обогащаемся, не забудем и благородную работу собирания и установления культурных ценностей, которые так часто могли бы быть пренебрежены в отливах и приливах океана жизни.

Итак, друзья, введем в ближайшую программу нашу этот обмен о созидательных, познавательных подвигах. И будем помнить, что

пренебрежение к культурным ценностям есть позорное преступление невежества. Поэтому неустанно и бесстрашно будем взаимно укреплять и освещать путь, приближающий нас к свету.

Гималаи. 1 января 1931 г.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Минувшим летом в Лондоне на самом многолюдном перекрестке был установлен робот для регулирования уличного сообщения. Этот механический человек первое время добросовестно исполнял свои обязанности, причем некоторые шутники указывали, насколько многие человеческие обязанности могли бы быть заменены роботами. Но вот произошло неожиданное обстоятельство, которое сразу нарушило эту теорию механической стандартизации. После сумрачного дня ударил в робота яркий луч солнца и, повидимому от нагревания, произошло частичное короткое замыкание, словом, робот, только что благополучно заменявший человека, под лучом солнца скоропостижно обезумел, начал махать бессмысленно руками и привел в смятение на целый час самое нужное уличное движение столицы. Полисмены и механики должны были применить крайние меры, чтобы прекратить это безумие. Крупным шрифтом газеты отметили это необычайное уличное происшествие.

И другой случай был отмечен газетами. Во время бокса человеческий счет был заменен роботом и в силу этого даже и в этом излюбленном сейчас занятии было внесено смятение, и даже — о ужас! — произошли денежные потери. Опять очень характерный случай.

Но мы должны увидеть в нем нечто далеко за пределами улицы. Предел механизации. Предел безумия. Насколько необходимо подумать о нужности равновесия между духовными энергиями и механическими приспособлениями. Именно теперь всемирная цивилизация приходит к решению этой важнейшей проблемы. В

обратном увлечении еще недавно люди думали, что фотография может убить искусство, и сейчас мы еще думаем, что граммофон и говорящие кинематографы могут убить музыку и театр. Но еще на нашем веку человечество должно было бы ослепнуть от электричества и оглохнуть от телефона, как предсказывали житейские мудрецы. Еще не так давно моторы считались непрактичным изобретением и ехидно предсказывалась неудача беспроводного телеграфа и воздухоплавания. И вот, столько необычайных побед уже дано людям, и как быстро ухитрились они даже из этих применений энергий и стихий сделать подлую стандартизацию, убивая уже сужденные разветвления этих завоеваний. Попробуем повертеть регулятор обыкновенного радио, чтобы удостовериться, чем насыщено пространство — настоящий бедлам, какой-то адский несвязный хор ответит вам из беспредельности. И все проклятия ненависти и зависти так же точно висят в пространстве и отягощают, и убивают целебную прану.

Мы достигли того, что в две минуты человеческое слово может облететь планету. Но что же принесет оно в этой поспешности? Или сведения биржи, или спорта, или клоунады. Как же необходимо всеми мерами очистить качество мышления, чтобы не унижать и не обезображивать прекрасные завоевания человеческого гения. В школах уже начинают говорить иногда о необходимости развития творческого начала и организации мысли. Если из этого благого предприятия не будет сделана убийственная стандартизация, то, может быть, где-то произойдет толчок, который поможет школьным поколениям задуматься над тем, что есть благородство мысли? Что есть героизм? Что есть самоотвержение и самопожертвование? И именно тогда кто-то поймет ту простую истину, что лишь отдавая мы получаем и жертвуя мы обогащаемся. И поймет это не только в узко материальном значении, но и во всем том истинном богатстве, источником которого является дух. Вот эта физиология духа, о которой именно так часто теперь приходится говорить, и будет тем практическим жизненным началом, которое еще раз привлечет абстракцию в действительность.

В наших объединениях не будем бояться этих синтезов понимания жизни, без псевдоокультизма и мистицизма. Да, мы приветствуем каждое завоевание духа и света, и мы понимаем, что механика тогда делается истинной механикой, когда с нею соединено и понятие искусства.

Итак, через друзей наших будем объяснять всепроникающее понятие прекрасного искусства, которое спасут нас от мертвящей стандартизации, от губительного засорения жизни. Мы будем твердить, что это не общие места. Повторим, что понятие благородства и достоинства мышления не есть ханжество, но есть признак истинного творчества, которому обязывает нас Божественная искра духа человеческого. Укрепляясь взаимно сами, мы скажем эти же слова и школьным поколениям. При этом покажем им, что мы не пытаемся унижить их детскими игрушками, но истинно зовем их к сотрудничеству. Ведь каждый ребенок гордится, если ему поручают работу большого. Только тогда он действует осмотрительно и бережно, стараясь не унизиться перед взрослыми. Обратите внимание, дети гораздо больше любят книги взрослых, нежели искусственно стилизованные, якобы детские книги, в которых какие-то большие старались натянуть себе детские штанишки. Эти же соображения относятся и к толпе, которая по существу своему гораздо лучше, нежели обычно полагают. Лишь невежество думает, что для толпы необходима вульгарность, — нет, можно назвать тысячу примеров, когда знак геройства одухотворял толпу гораздо возвышеннее и действеннее, нежели клоунада и плоская шутка. Благородство и героизм для нас пусть не будут отвлеченностью, но пусть сделаются почетными гостями наших повседневных трапез. И опять, пусть не будет в устах наших пустым звуком, когда мы скажем, что мы все будем посвящать наши силы положительному началу творчества. Изучая историю искусств, мы видим, какие именно признаки сопровождали созидательные и разрушительные моменты. Бережно и непредубежденно будем выбирать эти искры положительного творчества и будем пытаться вносить их во всю нашу повседневную жизнь.

ЖЕНЩИНАМ

*Посвящается Единению Женщин
Общества имени Рериха*

Матерь Мира. Сколько необыкновенно трогательного и мощного слилось в этом священном понятии всех веков и народов.

Космическими волнами приближается это великое понятие к человеческому сознанию. В спирали нарастания иногда точно удаляется, но это не есть отход, это есть лишь фазы движения, недоступные нашему глазу.

Учения говорят о наступившей эпохе Матери Мира. Близкая всем сердцам, Почитаемая умом каждого рожденного, Матерь Мира опять становится у великого кормила. Будет счастлив и убережен тот, кто поймет этот Лик эволюции!

Трогательно и проникновенно посвящает христианство Богоматери следующую легенду:

“Обеспокоился Апостол Петр, ключарь Рая. Сказывает Господу: “Весь день берегу врата, никого не пускаю, а наутро новые люди в Раю”.

И сказал Господь: “Пойдем, Петр, ночным дозором”.

Пошли ночью и видят: Пресвятая Богоматерь опустила за стену рая белоснежный шарф Свой и принимает по нему какие-то души.

Возревновал Петр и вмешаться хотел, но Господь шепнул: “Ш-ш! не мешай!”

Восток посвящает Матери Мира следующий гимн:

“Покрывшая Лик Свой, Соткавшая пряжу Дальних Миров,
Посланница Несказанного, Повелительница Неуловимого,
Дательница Неповторенного.

Твоим приказом океан замолкает и вихри черты невидимых знаков наносят.

И она, Лик Сокрывшая, встанет на страже Одна в сиянии знаков.

И никто не взойдет на вершину, никто не увидит сияние Додекаэдрона, знака Ее Мощи.

Из спирали Света знак соткала Сама в Молчании. Она Водительница идущих на подвиг.

Четыре угла — знак Утверждения — явлен Ею в напутствие решившимся”.

В древнейшем городе Кише был найден культ Матери Мира, и самая старая литература Китая приветствовала Матерь Мира вдохновенным песнопением. Она и Скоропомогающая, Она и Сторучица, Она и Тысячеокая, Она Охраняющая Покровом Своим всех прибегающих к Ней. Будь то в лике Куанин или в светотканой мантии Мадонны.

Прекрасная артистка Мария Германова, прославленная русская Дузе, минувшим летом обратилась ко мне со следующим трогательным и зовущим письмом.

Письмо это тем более ответило нашим сердечным устремлениям, что мысль о Женском Единении уже давно, как у Елены Ивановны, так и у меня складывалась в формы новых организаций, которые в широком понимании призвуют мир к новому строительству. В марте 1930 года Елена Ивановна писала в Америку о необходимости начала Женского Единения. Задолго до этого оформилась идея Сестер Алтая — Сестер Золотой Горы. Не раз мне приходилось приветствовать женские организации и писать о Великой Матери Мира и о таинственном женском покрывале. В этой статье я спрашивал, почему издревле венок является истинным украшением женского чела? — Венок — венец подвига... И во имя этого венца подвига так ответило нашим старым решениям письмо М. Н. Германовой.

Привожу его:

“Горе имеем сердца!..”

Есть старая поговорка: когда дети малы — они бремя для колен матери, когда они выросли — для сердца. И действительно, дети вырастают, перерастают нас, отлетают из гнезда, не надо их мыть,

кормить, одевать, но сердце-то матери все так же полно забот, тревог и молитвы за любимых.

Сердце матери, сердце женщины — великое сокровище. Оно зажигает нас, освещает семью. Кто учил вас молиться, кто все поймет и простит? — Мать, женщина. Кто вдохновит на подвиг? Возлюбленная, подруга, женщина.

Чаще и чаще, тверже и тверже осознается теперь, что настала эра женщины, и много лампадочек женских сердец зажигаются в одиночестве, тайне, и часто в плену у мрака. Но зажжены они одним огнем — любви, Красоты материнства, женственности.

Если бы соединиться во время этого огня? Если бы знать, что мы не одиноки, как легко и радостно воспрянет пламя наших сердец!

Мы, женщины, все женщины, старые, молодые, матери, жены, подруги, счастливые и одинокие, если мы опоясаемся силой Любви, какая божественная сила воздвигнется, какая светлая рать ополчится против тьмы и зла на помощь всему человечеству, которое находится в небывалой еще опасности.

Мы спасем землю, мы преобразим жизнь.

Не надо нам в единении наших сердец собираться в клубах и собраниях, читать доклады и лекции и покидать для этого близких и дом. Нет, именно в доме понесем мы наш свет.

Как много мы можем! Мы изгоним безобразие, пошлость из нашего обихода и позовем в гости красоту.

Выметем сор и паутину, не только из углов дома, но и из отношений, слов, мыслей, чтобы духу было легко дышать. Подумаем не только об обеде, но и о том, чтобы не было отравы для духа, выбросим яд ссор, сплетен, пересудов и дадим смеху радости почетное место за нашим столом.

Отправляя в дорогу или на работу, позаботимся не только о чемоданах и деньгах на расходы, но пошлем чистые благие мысли и молитвы.

Да, не пересказать сразу все возможности творчества, подвига, что лежат перед женщиной, как земля обетованная.

Положим душу нашу за милых наших.

Жанна д'Арк спасла родину.

Мы, если все вместе, спасем землю.

Нет Воскресения без Голгофы, так и зов этот возник от боли. Одно истерзанное женское сердце Елены Ивановны Рерих, — закинутой в чужую, далекую страну, куда так самоотверженно привело ее служение Просвещению. Она больна, одинока, тоскует, и по близким, и разлучена с мужем и друзьями, которым по непонятным, несправедливым, необъяснимым причинам не дают визы и возможности утешить, успокоить, исцелить эту боль и тоску матери.

Встанем на защиту этого истерзанного сердца. Пусть оно будет нашей орифламмой.

Оно омыто огнем вечного страдания и будет, как путеводная звезда, которая приведет нас к победе.

Письмо в частности обращалось к Е. И. Рерих, которая так пламенно писала и говорила о Матери Мира. Приведу ее вдохновляющее ответное письмо:

Родная Мария Николаевна! Получила ваше вдохновенное письмо и возрадовалась духом. Истинно, мысль создать единение женщин всего мира сейчас более нежели своевременна.

В тяжкие дни космических катаклизмов и человеческого разъединения и дегенерации, забвения всех высших принципов бытия, дающих истинную жизнь и ведущих к эволюции мира, должен подняться голос, призывающий к воскрешению духа, к внесению огня подвига во все действия жизни, и, конечно, этим голосом должен быть голос женщины, испившей чашу страдания и унижения и закалившейся в великом терпении.

Пусть теперь женщина — Мать Мира — скажет: Да будет Свет!

Каков же будет этот Свет и в чем будет заключаться огненный подвиг? — В поднятии знамени Духа, на котором будет начертано — Любовь, Знание и Красота.

Да, лишь сердце женщины-матери может собрать под это знамя детей всего мира, без различия пола, рас, национальностей и религий.

Женщина-Мать и жена, свидетельница развития мужского гения, может оценить все великое значение культуры мысли, знания.

Женщина — вдохновительница Красоты — знает всю силу, всю синтетическую мощь Красоты.

Итак, немедленно приступим к несению Великого Знамени Новой Эры эры Матери Мира. Пусть каждая женщина раздвинет пределы своего очага и вместит очаги всего мира. Эти многочисленные огни укрепят и украсят ее очаг.

Будем помнить, что каждое ограничение ведет к разрушению и каждое расширение даст созидание. Потому всеми силами устремимся к расширению нашего сознания, к утончению нашей мысли и чувствований, чтоб этим огнем зажечь наши очаги.

Положите в основу единения устремление к истинному знанию, не знающему человеческих разграничений. Но как достичь истинного знания? — спросят вас.

Скажите — это знание лежит в вашем духе, в вашем сердце, сумеете разбудить его.

Устремление к Красоте будет ключом к нему. Знание это лежит в каждом устремлении к Общему Благу. Знание это рассыпано во всех Великих Учениях, дававшихся миру. Знание это разлито в каждом проявлении Космоса, и лишь разучившись наблюдать космические явления, люди утратили ключ ко многим тайнам Бытия, которые могли дать им понимание причин всех ныне происходящих бедствий.

Потому, собирая воительниц духа, устремите их к несению этого знания.

Человечество должно осознать великий Космический закон, закон величия и равновесия двух Начал как основу Бытия. Все принципы, лишённые этих двух Начал, вызывают неуравновешенность и разрушение. Но пусть женщина, осознавшая этот закон, стремясь к уравниванию Начал, сохранит всю

красоту женского облика, пусть не утерять мягкость сердца, тонкость чувств, самопожертвование и мужество терпения.

Вы, родная, воспринявшая чутким сердцем Учение Владыки, можете стать зовущей, зажигая готовые души огненным Словом величайшего Сердца. Сумейте дать каждой по сознанию ее и расширяйте сознания легкими, осторожными касаниями, не нарушая естественного и индивидуального роста каждой. Пусть каждая развивается в близком ей направлении и приносит по уровню сознания своего. Красота заключается в разнообразии. Дайте всем общую основу, основу устремления к Общему Благу. Ведь самая широкая кооперация начертана на Знамени Владыки. Его купол вмещает все и всех. Явим самую широкую терпимость.

Сестры Золотой Горы! Перед нами грозное, но прекрасное время, шлю вам призыв сердца, вооружитесь огнем устремления, терпения и мужества, через все препятствия пронесите Знамя Матери Мира, знамя Самопожертвования и Красоты, чтобы в час победы водрузить его на вершинах Мира.

Родная, чую сердце ваше, чую будущую работу нашу и шлю вам силы и радость духа на созидание великого Единения. С нами Владыка Сердца.

Духом и сердцем с Вами,
Елена Рерих.

В радости ответил я Германовой следующими словами:

Дорогая Мария Николаевна!

Поистине радовался я вашей записке об образовании Единения Женщин при Музее. Истинно, ко времени эта мысль, так всегда мне близкая. И посвящение вашей мысли Елене Ивановне меня глубоко трогает.

Кто же, как не женщина, должна сейчас восстать и объединиться во имя Культуры и Прекрасного? Ведь именно женщине было суждено первой благовестить о Воскресении.

Перечислять совершенное и вдохновленное женщиной, значило бы описать историю мира. Если мы говорим о внесении Прекрасного во всю полноту жизни, если мы знаем, что сужденная эволюция покоится на краеугольных камнях Красоты и Знания, то кто же будет самым верным союзником и проводником этих основ в глубине человеческого сознания?

Прекрасное предание говорит о наступившей эре Матери Мира. Под многоразличными покровами человеческая мудрость слагает все тот же единый облик Красоты, Самоотверженности и Терпения. И опять на новую гору должна идти женщина, толкуя близким своим о вечных путях.

Сестры Золотой Горы — скажут на Западе. Сестры Алтая — скажут в Азии. Матери, жены, сестры, возлюбленные — все это запечатлевается поверх наречий и границ земных. Еще раз в этом единении нам покажется единый смысл Красоты и единым покажется подвиг, единою всесвязующая и дающая силы Благодать.

Лучше других женщина знает стихию огня, ту стихию, с которой связано ближайшее будущее. От древнейших времен к самым сокровенным опытам призывалась женщина. Так и теперь, к самому широко понятому знанию она призывается, ибо сердцем своим поймет она, как многоразлично и бережно нужно зажигать огни понимания и отзывчивости.

Дойдя до крайней черты расчленения и разъединения, человечество опять мыслит о собирании и о созидании. Пути разрушения уже доходят до бездны. Путь зла уже как бы являет границы. А ведь соизмерить границу зла с безграничностью добра можно только сопоставляя ограниченность — сравнительную зла с безбрежием Блага. Когда все ухищрения злобы уже искажены в ужасе бессилия, тогда еще необозрим строй светлых воителей.

Именно, не только ставшие уже условными женские собрания, о чем-то сожалеющие или что-то осуждающие, но единение женщин при бодром живом обмене всеми созидательными возможностями единения, зовущее к осознанию Блага совместной работы, даст желанные следствия.

Уже много было всяких Союзов и Объединений. И все-таки вы правильно чувствуете, что единение женщин, которое соткет сверкающие нити от очага через все иерархии в бесконечность, именно теперь особенно нужно.

Жизнь сама сложностью своею повелительно созывает строителей. В разных концах земли женщины мечтают: “За морями земли великие”. Именно этот облик женщины, устремившейся к крайнему берегу в осознании сужденных сокровищ духа, казался мне в этой картине. И как апофеоз этого духовного стремления, мне хотелось в картине “Ведущая” дать светлый облик женщины, ведущей искателя подвига к сияющим вершинам.

Первым отличием этого Объединения Женщин от многих других должно быть, что участницы его будут сходиться для внесения каждая в своих пределах, в своих знаниях и возможностях. Эта чаша Священного приношения осветит собрания и обратит тяжкие будни в праздник труда и достижений.

Мне радостно чувствовать, что к этим великим твердыням духа устремляются женщины. А стремиться по правильному направлению уже значит приближаться к победе. А без битвы не может быть и победы.

И потому желаю вам. Сестры Алтая, Сестры Золотой Горы, преодолеть все огненные преграды, отвергнув всякий страх и сомнение, и безудержно, неустомимо, героически терпеливо строить светлый Звенигород, создавая несокрушимый Кремль Красоты.

И воздыхание станет вдохновением Благодати. И в Победе Духа будут сиять дерзание и восторг и Красота.

Духом с Вами, Н. Р.

Итак, уже сложилось Женское Единение, воздвигнутое не деловым расчетом, но сердечным влечением — тем сердечным порывом, который оживотворяет и земное и надземное.

И в Америке, и в Европе, и в Южной Америке уже наметились представительницы отделов этого Общества, и новые творческие зерна опять взойдут в лоне великого подвига.

Как это хорошо, что красота и знание неразрывно сливаются с лучшими великими подвигами и крепнут сами на ступенях к великому преображению жизни.

Сейчас трудное время.

Не нужно думать, что школ достаточно. Не следует утешаться, что кем-то и что-то уже сделано. Творческий труд оценен слабо. Мало понято, что не деньги делают идеи. Мир переживает материальный кризис огромнейшего значения. Каждый чувствует, что невозможно излечить денежный знак лишь денежным знаком. Конечно, нужно противопоставить иные ценности. Сокровища духа, идеи, познания творчества и просветления лишь будут достаточной панацеей при крушении поверхностной механической цивилизации. Условность несознательной жизни может быть преображена лишь тем светлым утверждающим понятием, которое выражено в священном слове “Культура”.

Но культура не бурьян и растет лишь в духовно возделанных садах.

Неотложно действие.

Помните, женщины, помните, матери, жены и сёстры, сколько прекрасного должно объединять вас. За пределами тесных будней вырастает великий праздник. В нощи уже готовятся и зажигаются светильники, которые будут освещать Великое Восхождение Матери Мира. Прекрасное одухотворение Ее светозарным Покровом.

Женщины, ведь вы соткете и развернете знамя мира. Вы безбоязненно станете на страже улучшения жизни. Вы зажжете у каждого очага огонь прекрасный, творящий и ободряющий. Вы скажете детям первое слово о красоте. Вы научите их благословенной иерархии знания. Вы скажете малым о творчестве мысли. Вы можете уберечь их от разложения и с первых дней жизни вложить понятие героизма и подвига. Вы первые скажете малым о преимуществе духовных ценностей. Вы произнесете священное слово Культура.

Великое и прекрасное дело заповедано вам, женщинам!

Привет и поклон вам!

КОРНИ КУЛЬТУРЫ

*К десятилетию Института Объединенных Искусств
Музея Рериха*

Уже прошло десять лет, как мы положили основание Институту Объединенных Искусств. Как незаметно прошло это десятилетие, ибо когда много обстоятельств и происшествий, тогда время идет особенно быстро.

Как вчера, представляется, что мы с М. М. Лихтманом спешим снять помещение в Отеле Артистов в Нью-Йорке. Случайно по дороге задерживаемся и, благодаря этой случайности, при входе в подземную железную дорогу к нам бросается греческий художник с неожиданным возгласом: “Уже три месяца ищу вас — не нужна ли вам большая мастерская?” — “Конечно, нужна, где она?” — “В доме Греческой Церкви, на 54-й улице”. — “Хорошо, завтра же пойдем осмотреть ее”.

“Нет, невозможно, не могу больше держать ее. Если хотите видеть, идемте сейчас же”.

И вот, вместо Отеля Артистов, мы сидим у отца Лазариса, Настоятеля Греческого Собора, который уверяет меня, что я духовное лицо. Тут же решаем снять помещение и под крестом Греческого Собора полагается начало давно задуманному Институту Объединенных Искусств. Мастерская большая, но всего одна комната.

Говорят нам: “Неужели вы можете мечтать иметь Институт Объединенных Искусств в одной студии?”

Отвечаю: “Каждое дерево должно расти. Если дело жизненно, оно разрастется, если ему суждено умереть, все равно умирать придется в одной комнате”.

Итак, раздаются первые фортепианные этюды и реализуются мечты о живописных, вокальных и скульптурных классах. Скоро

студию пришлось разделить на три помещения, и сама жизнь поддержала идею объединения.

Вот с нами такие опытные творческие руководители, как Джайлс, Сач, Мордкин, Лихтманы, Грант, Германова, Бистран, Андога, Вагенер, Апия...

Уже семьдесят сотрудников работают по разным отраслям и сотни учащихся наполняют классы и аудитории. Уже растет новое поколение преподавателей, и Кеттунен, Фрида Лазарис, Лида Капобиянка и другие наши ученики составляют уже вторую наступательную линию. Двенадцать лет тому назад, на основании долгого школьного опыта, я брал на себя смелость утверждать следующее:

“Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата священного источника. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, кому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...”

Помню, что тогда некоторые друзья улыбались между собою, перешептываясь: прекрасные мечты, но как отзовется на них жизнь?

Но главный наш принцип: допущение и доброжелательность. Мы и наши сотрудники не любим мертвого “нет” и пытаемся при каждой возможности сказать “да”. Недаром все народы выражают утверждение открытым звуком, а для отрицания избрали немое, полужвериное “нет”.

Какие же еще соображения подтвердил опыт последнего десятилетия?

Жизнь подтвердила, что всякое объединение полезно. Подтвердила, что практично (не убоимся и этого слова) иметь под одной крышей разные отрасли искусства, имея общую библиотеку, общую канцелярию, общее художественное выступление, общее руководство и ближайший обмен между отдельными отраслями. Жизненно дать возможность учащимся пробовать свои силы в разных отраслях, пока они не остановятся на окончательном избрании. Жизненно, чтобы происходило общение музыкантов, живописцев, декораторов. Жизненно оказать преподавателю полное доверие, предоставив ему выявить в жизни свои методы. Результаты покажут, прав ли он, ибо, как и во всей жизни, мы должны судить по следствиям. Жизненно дать возможность учащимся как можно скорее пробовать свои силы в жизни, уча их мужеству и охраняя от вульгарности. Жизненно, как делали Джайлс и Бистран, дать музыку во время живописных классов и давать лекции, своим художественным и философским содержанием поднимающие и объединяющие дух всей художественно рабочей гильдии. Жизненно давать примеры из истории искусства, которая еще раз научит, насколько искусство являлось творящим мирным началом во всей государственной жизни. А главное — меньше отрицать, помня, что большинство отрицаний имеет в основе невежество.

Таким образом преподаватели обращаются в руководителей, передавая учащимся не только технику, но и жизненный опыт и делясь с ними ценными накоплениями, которые окажутся для подрастающих крепким щитом.

Сколько раз запутавшееся в проблемах человечество пыталось отрицать значение Учителя. В упадочной эпохе иногда точно бы удавалось потрясти это основное понятие духовной иерархии. Но не долго держалась эта темнота. С расцветом эпохи неминуемо опять кристаллизовалось великое учительство, и люди опять начинали чувствовать лестницу восхождения и благословенную руку Водящего. Малые умы не раз смущались, не будут ли они подавлены личностью Учителя. Те, кому мало чего терять, те особенно часто беспокоятся, не потерять бы. В этом отношении сейчас мы вступаем

опять в очень значительную эпоху. Дух отрицания только что успел в некоторых слоях человечества возбудить протест против Учителя. Но, как и всегда бывает, отрицание может возвыситься лишь кратковременно, и творческие начала человечества опять выводят странников жизни на путь утверждения безбоязненного искания — на путь творчества и красоты. Люди опять вспомнили об Учителях. Конечно, эти Учителя не должны быть дедушкиным кабинетом, со всеми окаменелыми пережитками. Учитель Тот, Кто открывает, умудряет и ободряет. Тот, кто скажет: “Благословенны препятствия — ими мы растем”. Тот, кто вспомнит прекрасные Голгофы знания и искусства, ибо в них творящий, созидающий подвиг. Тот, кто сможет напомнить, научить подвигу, тот не будет отвергнут сильными духами. Тот и сам осознает ценность иерархии знания и в постоянном движении своем создает восходящие исследования.

Сколько школ и полезных распространений знания может быть организовано при наших обществах. Всем им можно дать тот же совет: каждое древо может быть посажено лишь в малом отростке. Лишь в постепенности оно привыкнет и обоснует прочные корни. Потому, если где есть сердечное желание помочь распространению знания и красоты, пусть его выполняют безотлагательно. Пусть не стесняются малыми возможностями. Жизненность не в размере, но во внутренней субстанции зерна.

Гималаи. 1931 г.

СОБИРАНИЕ

Издrevле собиpание являлось признаком устойчивости и самоуглубленности. Очень поучительно обозpевать от наших дней до глубины веков различные способы собиpания и изучения искусства. Опять, как и во всех спиралях нарастания, мы видим какие-то почти завершающиеся круги, но иногда почти неуловимое повышение сознания создает новую ступень, которая отражается на многих

страницах истории искусства. Мы видим, как чередуются специализация и синтез. Обобщительные собрания, сложенные внутренним сознанием собирателя, сменяются почти аптечной классификацией, в педантичности иногда уничтожая всякий огонь новых открытий. Еще не так давно считалось бы дилетантством комбинировать готические примитивы с ультрасовременными исканиями. Даже считалось бы непозволительным иметь просто коллекцию красивых медалей и монет. Педантизм заставил бы сократить кругозор лишь на известной эпохе, ограничив известным типом и характером предметов. Таким порядком сияющие красками иконы и примитивы превращались уже в иконографию, где описательная часть решительно затемнила весь истинный художественный смысл.

Таким порядком еще недавно история искусств преподавалась, как собрание житейских анекдотов, а рассуждения о скульптуре и технике живописи сводились к перечню пропорций и механике построения, отталкивая и отвлекая внимание от существа творения. Даже начали появляться странные руководства, в которых можно было натолкнуться на такие необыкновенные главы: “Как написать осла”, и при этом рекомендовалась какая-то несуществующая серая краска. Помню, как-то внимание привлек на пароходе характерный спор между матерью и маленькой дочерью, причем мать серьезно уверяла, что перед ними вдалеке гора черная, а малютка непосредственно утверждала, что она синяя. Думается, не были ли засорены глаза матери изучением какого-то руководства о том, как писать ослов.

Какая это радость для детей, если в родном их доме они с малых лет встречаются с предметами истинного искусства и с серьезными книгами. Конечно, необходимо, чтобы эти художественные предметы не переставали жить и не показывались бы в том жалком положении, иногда по целому десятку лет оставаясь вверх ногами — значит душа собирателя давно отлетела на кладбище, а преемники его почему-то нравственно ослепли.

В самые последние годы нам неоднократно приходилось радоваться вновь появившейся синтетической системе собирания. Не боясь прослыть эксцентриками или дилетантами, чуткие собиратели начали составлять свои сокровища из разнообразных предметов, связанных внутренним смыслом. Так — самые новейшие картины могли комбинироваться с теми мастерами, которые в свое время проявляли яркое горение к обновлению смысла творчества.

В новейших собраниях можно видеть таких гигантов обновленных исканий, как Эль Греко, Джорджоне, Питер Брейгель и вся благородная фаланга не боявшихся в свое время оказываться искателями и новаторами.

И как убедительно среди новейшей живописи оказывались формы романского характера, и сотрудники Джотто и Чимабуэ, и новгородские иконы, и древние китайцы.

Все условности разделения и разграничения спадали, и перед вами, как маяки, светились сопостановления творческих и духовных находений вне условных границ народов. Если же обстоятельства не позволяли вносить в дом самые оригиналы, то или эскизы, или даже толково исполненные воспроизведения могли вводить в мир возвышающий, позволяющий светло мечтать о завтрашнем дне.

Мне уже приходилось писать о трогательных собирателях, начавших свою творческую деятельность еще со школьной скамьи. Вероятно, многие художники вспомнят также, как приходилось испытывать и мне, когда иногда совершенные малыши приходили ко мне на выставке и, скромно протягивая один доллар, просили дать им взамен какой-либо набросок.

Другой случай был еще более трогательным, когда учащиеся одной школы между собою сделали подписку на приобретение картины. Значит, где-то уже зашевелилась и обозначилась действительность, и вместо словесной легкомысленности они хотели перейти к факту, к осязательному действию. Без этого повелительного импульса к осязательному действию сколько легкокрылых мыслей-бабочек опалается в порхании.

В разных странах мы можем помочь опытом и советом в вопросах начинающегося собирательства. Это одно из наших ближайших обязательств — открыть дверь робко стучащимся. И еще раз не только открыть, но и разъяснить им, чтобы они стучались бодро, без предубеждения, что пользование искусством лишь удел богачей. Нет, это прежде всего удел светлых и бодрых духов, которые стремятся украсить существование свое, и вместо мертвенного азарта игры решили усилить себя проявлениями человеческого духа, который, как бесконечное динамо, животворяще напитывает все сделанное им. Сколько радостей на этом пиру творчества! Сколько потемок в жизни может быть так легко заменено сияющими лучами восхищения. Наша снятая ответственность помочь этому.

Мы говорим о собирательстве. Кто-то усмехнется: время ли? Когда даже наиболее богатые страны подавлены ужасом от общего кризиса, время ли говорить о художественных ценностях? Но ответим ему твердо и сознательно — именно время.

По нашим последним сведениям, несмотря на жестокий кризис в Америке, цены на художественные произведения не упали и мы не удивляемся этому и даже считаем это характерным признаком действительности кризиса.

Мы видели, как во время самых суровых потрясений в России, в Австрии, в Германии именно художественные цены сравнительно стояли твердо. В некоторых случаях именно художественные ценности вывели целое государство из финансовых затруднений. Мы бережем этот неоспоримый факт как доказательство истинной валюты человеческого духа. Когда все наши условные ценности потрясены, сознание людей инстинктивно обращается к тому, что среди эфемерного является относительно более ценным.

И духовные творческие ценности, пренебреженные во время торжества желудка, опять являются прибежищем. Поэтому говорить о росте духовного творчества, утверждать о собирании и о хранении всегда уместно, но особенно нужно оно, когда эволюция переживает

трудные моменты, не зная, как решить возросшие проблемы. А решить их можно только в духе и в красоте.

В 1921 году в адресе о значении искусства я указывал формулы, потом вошедшие в мотто Международного Художественного Центра Музея. Говорилось:

“Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже земные люди поняли действенное значение красоты”.

А кончалось это обращение: “Не на снежных вершинах, но в суете города теперь мы произносим эти слова. И чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее”.

Говорилось это на основании тридцатилетнего опыта. Сейчас прошло еще десять лет. Изменились ли данные формулы? Нет. Опыт многих стран подтвердил и даже усилил сказанное. А ведь мы должны основывать все заключения именно на опыте. Теория для нас лишь следствие практики. И та же практика подсказывает нам ту счастливую улыбку, которою мы должны встречать будущее. Если бы именно улыбка знания и мужества сделалась бы знаменем наших собраний! Для приложения знания мы объединяемся, и каждая крупица знания пусть одухотворяет нашу улыбку.

Гималаи. 1931 г.

МУДРОСТЬ РАДОСТИ

И враги будут у нас. И даже в большом количестве. Подобно древним римлянам, пусть мы скажем: скажи мне, кто твои враги и я скажу, кто ты есть. Великий Император Акбар говорил всегда, что враги — это тень человека и что человек измеряется по количеству

врагов. При этом соображая врагов своих, он добавлял: тень моя очень длинна.

Откуда же возьмутся главным образом враги наши, при нашей мирной культурной работе, которая, казалось, никого не умаляет и никого не задевает. Только ли от непонимания и от зависти? Конечно, нет. Нам придется встретиться еще с одним глубоко гнездящимся человеческим свойством, проистекающим также от невежества. Нам придется всеми способами говорить и распространять сведения о значении истинного искусства и знания. Нам придется неустанно говорить о внесении предметов искусства в обиход нашей жизни. Также придется говорить о друзьях нашей жизни, о книгах, которые находятся в пренебрежении во многих домах наших. Придется нам и обращаться к правителям и президентам целых стран, прося их считать министерство Народного Просвещения и Изыщных Искусств не в конце списка их государственных учреждений. При этом нам придется встретиться со многими замечаниями, утверждающими, что эти два живейших фактора эволюции вовсе не заслуживают первых мест. Часто это будет говориться не в силу какой-либо особой ненависти к просвещению и украшению жизни, но просто в силу каких-то пережитков и окаменелых традиций. Вот это обстоятельство породит значительное количество врагов наших, но, проверяя список их, мы будем гордиться, что именно эти люди оказались врагами культуры, а не наоборот. Кроме того, как однажды я говорил в статье Похвала Врагам (см. книгу “Пути Благословения”): никто так не помогает нам в жизни нашей, как именно такого свойства враги. Нашей зоркости, нашей неусыпности, нашей трудоспособности мы обязаны им в большой степени. Эти враги, как вы знаете, не останавливаются на малых формулах, наоборот, именно они щедры на преувеличения. Они располагают роскошным словарем ненависти, перед которым язык друзей часто бледнеет и кажется пресным. Слишком часто в жизни нашей мы теряем словарь добра, признательности и похвалы. Мы стыдимся часто даже предположить, что кто-то может заподозрить, что мы можем быть благодарны. Часто мы боимся быть

заподозренными, что почитаем иерархию Блага, но враги, побуждая нас к неустанной деятельности, куют нам и доспехи подвига.

Помню, как один большой художник, когда ему передавали, что кто-то поносит его, задумался и, покачав головой, сказал: странно, а ведь я ему ничего хорошего не сделал. В этом замечании сказалась большая житейская мудрость. Та же житейская мудрость также может подсказать нам, что, несмотря ни на что, неустанно мы должны проталкивать в жизнь простую истину об охране и освещении культуры.

Опыт долгого времени указывает нам, что искусство и знание расцветали там, где сверху они признавались величайшими стимулами жизни. Там, где главы государства, где владыки церкви и все руководители жизни сходились в стремлении к прекрасному, там и происходил ренессанс, то возрождение, о котором теперь пишутся такие восхищенные книги. Если мы знаем, какие именно внешние факторы способствовали искусству и знанию, то, казалось бы, легче всего во имя культуры применить те же приемы и теперь. Ведь зародыши всех этих возможностей существуют и обычно только задавлены омертвелыми традициями неудачных эпох. Но мы знаем, что действия в этом направлении являются настоящими благородными действиями, и потому с полной искренностью мы можем усиливать друг друга в этом подвиге. Подумайте, какое счастье сознавать, что мы, рассеянные в разных странах, можем чувствовать невидимую дружескую руку, всегда готовую на духовную помощь и поддержку. Когда мы обращаемся во имя прекрасного, во имя культуры к главам государств и церквей, мы приносим им помощь, потому что многие из них и хотели бы оказаться Лоренцо Великолепными в лучшем смысле этого слова, но маленькие суеверия и предрассудки мешают их превосходным порывам.

Кто-то может спросить, неужели именно теперь, во время общего материального кризиса, уместно говорить об искусстве и науке? Вот именно уместно.

Расцвет искусства и науки является разрешением житейских кризисов. Именно он обращает упадочное перепроизводство к более

высокому качеству. Именно он заставляет людей задуматься над проблемами жизни, которые могут быть разрешены через мост прекрасного. Именно он окрыляет тех людей, которые иначе, под неволею условностей, обращаются в Панургово стадо. Словом, расцвет искусства и знания одухотворяет достоинство личности человеческой. Как это старо, и как это нужно сейчас, когда разрушительные силы так действенны. Именно теперь ни на минуту нельзя забыть о преимуществах истинно культурных эпох, чтобы опираясь на эти грехи прошлого, мужественно направляться в будущее.

Можно много критиковать, но критическое разложение уже доставило много невзгод человечеству. Сейчас так повелительно нужно созидать, слагать, собираться и почерпать обоюдную бодрость в сознании, что за горами и морями всюду есть друзья наши, готовые обоюдно радоваться.

Гималаи. Март, 1931 г.

ЗАБОТЛИВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

*Письмо к Конференции музейных экспертов в Риме,
1930 год*

Очень рад был получить ваше любезное приглашение высказаться на Конференции в Риме, устроенной Институтом Международного Интеллектуального Сотрудничества. К моему сожалению, спешные работы не позволят мне лично участвовать на Конференции, но мне хотелось бы выразить некоторые мысли, входящие в программу обсуждений. Эти мысли мне представляются не только нужными в жизни современного искусства, но и неотложными.

В течение последних лет охранение художественных сокровищ строится на новых методах, на которые мы должны обратить серьезное внимание и относиться к ним очень осторожно. Икс-лучи,

этот новый мощный фактор, внесен в исследования художественных произведений. Конечно, мы восхищаемся новыми возможностями, предоставляемыми наукою в искании истины. Но мы должны быть уверены, что этот новый метод с течением времени не даст нежелательных последствий на состояние красок и других материалов художественных произведений.

Не сомневаемся, что могущественные Икс-лучи произведут какие-то последствия, может быть, благоприятные, но, может быть, и разрушительные. Но даже высшие авторитеты не в состоянии удостоверить, какие последствия вызовут эти новые лучи. Одно ясно, что никто не будет утверждать, что эти лучи абсолютно нейтральны и не производят никакого воздействия. Слишком коротко время со дня открытия Икс-лучей, чтобы позволить судить о их конечном воздействии. Конечно, никто никогда не хотел изобретать вредные пигменты и лаки, и все же мы, к сожалению, удостоверяемся, что многие из этих так называемых улучшений в течение веков дали самые плачевные последствия и погубили жизнеспособность многих мастерских созданий.

Конечно, вовсе не значит, что мы должны окаменеть в старинных методах, лишая себя возможности новых приближений к истине. Все должно эволюционировать. Среди этих новых полезных предприятий мы считаем лабораторию, устроенную в Лувре, благодаря просвещенной инициативе и энергии г-на Генри Верна — в ней могут быть исследуемы и проверяемы новые методы и открытия. Могу всеми силами приветствовать это полезное учреждение. Могу пожелать, чтобы подобные лаборатории для исследования новейших научных открытий были бы учреждены во всех странах. Так мы можем исследовать воздействие климата и всех местных пигментаций, также как и применение техники, созданных исключительными условиями местности.

Также необходимо, чтобы работы подобных лабораторий были координированы и был установлен точный обмен их результатов. Также точно нужно, чтобы были предприняты долговременные опыты. Без сомнения, человеческая жизнь не достаточна для

выяснения последствий различных нововведений. Но для будущего, рано или поздно, необходимо начать эти координированные опыты, которые дадут свои благостные последствия лишь для будущих эпох. Мы должны примирить новейшие открытия с опытом давних веков, которые донесли до нас памятники искусства сохраненными и таким образом заслуживают полного внимания. Например, мы знаем, что очищение масел и прочих препаратов производилось многолетними процессами. Также точно приготовление старинных лаков и олифы иконописателей, также как и особый выбор качеств досок, уже не говоря о самих порошковых красках, — все эти, так внимательно осознанные нашими предшественниками, условия обязывают и нас с осторожностью отнестись к современным методам.

Если Конференция согласна с предлагаемой мною координацией лабораторий для исследований при музеях, я мог бы предложить сотрудничество нашего Музея в Нью-Йорке в этой полезной музейной ассоциации.

Само назначение Института Интеллектуальной Кооперации как бы предугадывает уже зачаток этих осознанных и объединенных работ. Таким образом может создаваться для будущих поколений еще один вид плодотворного сотрудничества.

Кроме усовершенствования технических средств, нужно принимать во внимание еще один вопрос чрезвычайного значения. Вопрос об обмене художественными произведениями и о посылке художественных сокровищ на иностранные выставки.

Этот вопрос вызывает очень существенное размышление.

С одной стороны, каждый понимает, что истинное международное понимание лучше всего создается на почве искусства и науки. Ничто в нашем мире не может сравниться с этими созидателями сердечности и мирного энтузиазма. Но, с другой стороны, мы не должны забывать об опасностях, сопряженных с перевозкою художественных сокровищ. Кроме опасностей транспорта как такового, несмотря на все лучшие предосторожности, мы знаем, что произведения искусства, как живые организмы, разделяются на “кочевников” и “оседлых”. Как ни странно, но

произведения, которые волею судьбы сделались кочевыми, гораздо легче переносят путешествие, нежели те, которые веками сохранялись в одном месте, не встречаясь со случайностями жизни. Сколько раз мы удостоверялись в зловердных последствиях перевозок, когда создавалась настоящая болезнь произведения. Сколько раз мы огорчались непоправимыми последствиями перевозки художественных произведений через океан. Несмотря на толстые доски, несмотря на паркет, картины лопались и выгибались.

Эти последствия вызывали всегда нежелательную операцию переноса на новый холст или проглаживание поднявшихся мест. Все вещи, наклеенные на дерево, поднимаются пузырями. Такие же несчастья окружают и деревянные скульптуры, и резьбу по кости. Подобные разрушения ни одно страховое общество не может покрыть. Также, кроме мыслей о сохранности самих произведений, мы не должны забывать и полезное соображение о развитии туризма, развитие которого, оставляя произведения нетронутыми на местах их долговременной жизни, несет за собою поучительное и ничем незаменимое ознакомление с условиями, окружавшими само зарождение художественного произведения.

Все хранители художественных сокровищ знают то прискорбное чувство, когда вверенное им произведение подверглось неисправимой порче. Мы знаем, сколько справедливых сожалений сопровождают каждую перевозку художественных произведений. Необходимы особые соображения для выбора этих вестников народного единопонимания, принимая во внимание не только их физическое состояние, но и внутреннюю ценность и всю прежнюю их жизнь. Согласительные исследования музейных лабораторий, вышепредложенных, будут полезны во всех отношениях. Было бы особенно полезно узнать мнение Конференции об этом предмете, в котором, повторяю, наши Учреждения были бы очень рады сотрудничать на общую пользу.

ЗДОРОВЬЕ

Некий житейский дядюшка завещал племяннику своему:

“Люби самого себя больше, чем ближнего своего. Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра. Никогда не делай сам того, что можешь заставить делать других. Не плати долгов, покуда не наступят на горло. Помни: создан человек, чтобы лежать на мягком, сосать сладкое и слушать приятное. Главное же, помни, что без желудка ты существовать не можешь”.

Умудренный своеобразным житейским опытом дядюшка не мог думать выше желудка и желудок подсказал ему те человеконенавистнические формулы, сказанные им в шутливой форме. Но таких дядюшек много, и почитателей чрева Молоха бесконечное количество. А из этого пожирающего чрева возникает и ненавистничество. Все эти почитатели чрева очень много заботятся о здоровье. Обратите внимание, самый близкий им разговор будет о применении каких-то неведомых им самим лекарств. И патентованные лекарства эти, обычно содержа в себе какие-то разновидности наркотиков, ядов, являются тоже своеобразным приношением чреву Молоха.

Но нигде не сказано, что человечество должно презирать здоровье. Наоборот, во всех учениях, в той или иной форме, здравоохранение утверждается очень внушительно. Сказавший — в здоровом теле здоровая мысль — был прав. Но вопрос в том, что есть здоровое тело и что есть здоровая мысль?

Опять же во многих учениях говорится о возможности формации новых болезней, очень губительных для целых множеств. Инфлюэнца, рак, менингит, сонная болезнь, астма, всякие формы гортанных, сердечных, легочных и нервных заболеваний, нервные спазмы, часто принимаемые за аппендицит, действительно, принимают размеры, иногда более опасные, чем старые эпидемии, против которых уже найдены и прививки и профилактика.

Все эти новые болезни обращают наше внимание не к дядюшкиному желудку, а куда-то повыше — в сердце, в гортань, в мозг. Обращая внимание на эти вышние центры, нам представляется иначе и здоровое тело и здоровая мысль.

Спорт и движение на воздухе, которые в известной мере, конечно, полезны, не могут вполне заменить питание нервной системы человечества. Правда, человечество устало, но устало оно не от количества работы, ибо разумно распределенная работа утомить не может. Действительный отдых заключается не в бездельи, а в мудром распределении и в смене вида работы.

Оздоровление тела, особенно теперь, когда в обиходе введено такое большое количество вновь открываемых энергий и лучей, требует иного, более заботливого отношения, нежели грубое урегулирование желудка или примитивный и часто однобокий спорт.

Существо человеческое тянется к культуре. Оно страдает от несносного извращения жизни. Если мы не можем уйти от этой искривленной жизни, то во всяком случае мы можем вносить в нее признаки внутреннего ее оздоровления. Повелительно вдруг вспомним мы древнюю истину, что звук и цвет (в сущности одно и то же) имеют на нас огромное влияние. Помню, как в Лондоне д-р Юнг исследовал влияние цвета картин на различные заболевания, а также применение цветных лучей и, конечно, получал очень поучительные наблюдения. Интересно вспомнить брошюру слепой ученицы Института Объединенных Искусств в Нью-Йорке Леониды Хирш, несмотря на полную слепоту, узнававшей тональность картин.

Кроме того, вспомним все изумительные опыты сэра Джагадис Боше и все разнообразные наблюдения воздействия цвета и звука на животных и на растения. Также вспомним, что уже учреждаются целые институты лечения цветом в Америке, Германии, Индии.

Даже простой огородник уже понимает ценность цветных лучей для своего огорода. Неужели же человеческий, чуткий более всего организм, не будет самым усиленным образом подвергаться тому, что чувствует даже капуста?

Но, говоря даже о деталях, останемся в размерах культуры. Откуда же придет изысканный звук и утонченный цвет, как не из общекультурного понимания? Потому, если нам скажут, что мы заботимся, говоря о культуре, только о небесном, ответим: “Нет, мы заботимся и о теле, чтобы оно было действительно здоровым, отвечая требованиям истинной культуры. Население планеты, со всеми монстрами, чудовищами, великанами, карликами, давно закончилось. Человечество понимает, что не только расширение сознания, но именно утончение его, сейчас безотлагательно нужно”. Без утончения сознания мы никогда не разрешим тех сложных проблем жизни, которые нахлынули на человечество и вызывают разные разрушительные эксцессы. Мысля созидательно, мы неминуемо придем к введению культурных основ в жизнь. Эти основы не будут оставаться в пределах лишь единично высоких явлений, но должны войти в массы, освещая собою именно ежедневность и одухотворяя смысл каждой работы.

Агни-Йога дает настоятельные советы врачу обратить внимание на своеобразные новые заболевания, которые, если не будут предусмотрены, могут залить человечество неслыханными бедствиями.

Парижская радиостанция жалуется, что переполнение атмосферы является прямым препятствием для передачи. В Бельгии туман, полный ядовитых испарений, принес многие смертные случаи. Продолжите этот единичный факт в бесконечность и вы получите новое бедствие, которое может угрожать населению целых городов. Сердце не выдерживало ядовитых туманов, сердце человеческое ослабевает, и одним поддержанием желудка вы не дадите жизнь сердцу.

Не только нужны жизнеохранители и жизнедатели, но нужно и осознание могущественной психической энергии, так тесно связанной с качеством нашей мысли. Чтобы применить эту благодетельную, если правильно понятую, высокую энергию, нужно осознать и высокие пути овладения ею. Вот мы опять без всяких

предвзятостей приходим к той же необходимости проведения принципов высокой культуры во все проявления жизни.

Сэр Джипс через радио в Лондоне оповещает мир, что мы живем “в постоянном взрыве Вселенной”. Доктор Мартин Джиль, директор Аргентинской метеорологической обсерватории, по поводу недавнего ядовитого тумана замечает, что такие явления имеют глубокие космические причины. Он напоминает о подобных же проявлениях в Европе, Северной Африке и Боливии, ставя их в связь со звездною пылью и указывая, что кроме фактического отравления, они способствуют вспышкам различных эпидемий. Синьор Джиль объясняет, что прохождение массы звездной пыли через земную атмосферу безошибочно образует поле интенсивной электромагнитной деятельности, которая вызывает органические и дыхательные нарушения у лиц нервночувствительной системы.

Дмитрий Мережковский говорит: “Научные изобретения, чудеса механики могут быть чудесами дьявола.... Учёный троглодит с чудесами дьявола — самый дикий из дикарей”. “Я очень бы хотел ошибиться, но мне все больше кажется, что всемирный корабль тонет”.

Он же приводит слова из “Авесты”: “В последние дни земля будет подобна овце, падающей от страха перед волком”.

Всегда чуткий Рабиндранат Тагор в своей последней статье в Америке восклицает: “Знаю, что вопию в пустыне, когда возвышаю голос предостережения. В то время, когда Запад занят организацией машинноделанного мира, он продолжает питать своими несправедливостями подземные силы землетрясений”.

В своей последней речи Альберт Эйнштейн призывает к усиленному изучению сокровенных сил природы. Туда же направлены пытливые взгляды Милликена и Михельсона. Так, на разных континентах, по различным причинам, лучшие умы обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов. В новом свете вырастает вопрос истинного здоровья далеко за пределами однобокого спорта и непонятого “отдыха”.

Лучшие умы многообразно направляют человеческое мышление к расширению сознания, в котором только и заключена истинная профилактика и предвидение возможности светлого строительства. Кончается время мертвой схоластики. Вымирают темные предрассудки. Светлые умы зовут к творческому синтезу, в котором старый завет “in corpore sano mens sana” приобретает особое значение и можно действительно понять, что чистый творческий дух является обитателем чистого здорового организма. И в конечном синтезе, при неразделимости духа от материи, круг заключается и в обратном положении: чистый творческий дух оздоровит и тело. Так, вопрос о здоровье из врачебного департамента вырастает в сферу истинного народного просвещения и вдохновения.

Гималаи. 1931 г.

“MASTER VIRGO INTER VIRGINES”

Для Чикагского Института Искусств

С большим интересом читается статья г-на Даниеля Каттона Рича в мартовском выпуске Бюллетеня Чикагского Института Искусств. Касаясь замечательной картины “Се Человек”, поступившей из нашего Музея в Чикаго, г-н Рич замечает: “Многие картины этого периода тяжело пострадали от реставраций или чрезмерного смывания, но эта — “Се Человек” — дошла до нас в нетронutom виде, необыкновенно свежая красками”.

Это справедливое замечание для меня имеет особое значение. Когда в 1923 году в Риме мы приобрели эту замечательную картину для коллекции наших учреждений, я был привлечен не только редкою характерностью этой картины, но и ее прекрасною сохранностью. Первоначально я относил эту редкую сохранность к тому, что картина эта долгое время находилась в монастыре Св. Луки, где, оставленная в покое, не была повреждена ни реставрацией, ни перевозками. Во время последней конференции

музейных экспертов в Риме, устроенной международным Институтом Интеллектуальной Кооперации Лиги Наций, мною было выражено мнение, единогласно принятое конференцией о непоправимом вреде для картин от частых передвижений. Но в случае указываемой картины “Се Человек” другое, очень характерное, обстоятельство было указано мне, благодаря которому сохранилась ненарушенная поверхность картины. Оказывается, долгое время наша картина была записана сверху позднейшим священным сюжетом. Разница времени в течение нескольких веков позволила снять верхние наносы, оставив совершенно неприкосновенной первоначальную живопись.

Подобные случаи неоднократно встречались мне в течение моего коллекционирования. Не раз приходилось улыбаться, свидетельствуя, как подобный акт вандализма, когда прекрасная старая картина употреблялась позднейшим художником как доска для его более модных сюжетов, — как этот вандализм донес до нас в сохранности целый ряд отличных произведений. Вспоминаю несколько случаев из моего собрания. Помню картину Барента ван Орлея, которая была покрыта ужасно написанным портретом старика. Помню, как в картине Абраама Блемарта “Поклонение Пастырей” все небо было покрыто, очевидно позднее, тяжело написанными облаками, под которыми открылся совершенно неиспорченный, очень колоритный хор херувимов. Подобный вандализм записывания сверху сохранил также характерную картину Ролланда Саварея “Ноев Ковчег”, которая была записана огромными деревьями, каким-то замком и безобразными хороводами вакханок. Другая картина так и осталась скрытою, но она была записана самим Корреджо также сюжетом “Се Человек”. Через краски Корреджо вы могли совершенно ясно различать силуэт мужского портрета сидящего в кресле. Это мог быть портрет Папы или Кардинала, но картина Корреджо была так замечательна, что скрытое сокровище, может быть, еще более ценное, так и осталось не вскрытым. Эти случаи напоминают нам еще раз о значении преходящей моды, которая часто загоняла во временное изгнание даже мастерские

произведения, закрывая их более модными, но низшими по качеству наслоениями. Но, как видим, это справедливое изгнание послужило многим мастерам лишь во славу, донеся до нас их произведения непопорченными. Конечно, к сожалению, часто рука вандала иногда обращалась безжалостно с закрываемым произведением и предварительно для уравнивания поверхности сцарапывала его. Мы видели несколько таких умышленно сглаженных мастерских произведений, когда только выжженный на обороте знак гильдии Святого Луки напоминал о безвозвратно погибшем сокровище.

Во всяком случае можно радоваться, что в картине “Се Человек”, которая по щедрости г-на Рейерсона теперь находится в Чикагском Институте Искусств, долговременное покрытие картины сохранило до нашего времени нетронутым красоту этого мастерского создания.

ЛЕГЕНДЫ

Профессор Варшавского Университета Зелинский в своих интересных исследованиях о древних мифах пришел к заключению, что герои этих мифов вовсе не легендарные фигуры, но реально существовавшие деятели. К тому же заключению пришли и многие другие авторы, таким образом опровергая материалистическую тенденцию прошлого столетия, которая пыталась изображать все героическое лишь какими-то отвлеченными мифами. Так, французский ученый Сенар пытался доказать, что Будда никогда не существовал, и не что иное, как солнечный миф, что было сейчас же опровергнуто археологическими находками. Такие же попытки были делаемы, чтобы доказать, что и Христос никогда не существовал, хотя мы имеем свидетельства очень близкие к Его времени. Кроме того, в Сирии недавно была найдена плита с римскою надписью — эдикт против первых христиан, по времени чрезвычайно близкая к манифестации Христа. В этой борьбе между познающими и отрицающими так ясна граница, разделяющая всю мировую психологию. При этом чрезвычайно поучительно наблюдать,

насколько все отрицатели со временем оказываются побежденными; те же, кто защищал героизм, истину, великую реальность, они находят оправдание в самой действительности.

Тот, кто истинно понимал героев и мифы и кто временно считался мечтателем, оказывался величайшим реалистом, тогда как скептик-отрицатель по справедливости занял место “мечтателя”, поверившего или клевете, или извращенному источнику. Так медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды.

Оглянемся и заметим, как быстро и как легко человечество забывает даже недавние события и деятелей. Еще недавно такие лица, как Парацельс или Томас Воган, отмечались в энциклопедиях как обманщики. Но затем некоторые люди, в которых была жива справедливость, дали себе труд ознакомиться с их произведениями и нашли, вместо оглашенных шарлатанов, глубоких ученых, открытия которых принесли человечеству много блага. Вспоминаю, как в детстве мы увлекались книгою Гастона Тиссандье “Мученики Науки”. Те, которые погибли жертвами всесожжения, в пытках, на эшафоте, теперь признаны как великие ученые. Но лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и, вместо прежних мучеников, спешит изобрести других, чтобы затем они, в свою очередь, так же были почтены памятниками и народными торжествами.

За последние годы в общественных направлениях замечаются некоторые отдельные действия, которые дают надежду, что вредоносное отрицание как будто уже осознается и, таким образом, будем надеяться, займет заслуженный темный угол.

Люди начинают стремиться к жизнеописаниям. Но и в этом шептуны-скептики не хотят уступить. Пожимая плечами, они скажут вам: “Как вы можете быть уверены относительно истинных побуждений, родивших поступки, отображенные в биографии?” Или: “Как вы можете быть уверены, что не были случайностями те события, которые окрасили жизнеописания ваших героев?” Или:

“Можете ли вы утверждать, что биограф был искренен и беспристрастен?”

Допустим, что эти замечания, до известной степени, могут иметь под собою почву. Отдадим некоторую окраску жизнеописания личности самого биографа. Но тем не менее архивы исторических документов доносят до нас все же многие несомненные жизненные вехи действительности. Еще в недавнем прошлом летописи считались как сомнительные документы, не заслуживавшие серьезного внимания. Но археологические и исторические находки и документы, современные летописям, показывают, что они заслуживают гораздо большего почтения, нежели еще недавно поверхностные умы полагали. Конечно, будем надеяться, что человечество теперь не будет терять целые века для верного освещения выдающихся явлений.

Отдавая должное летописям и жизнеописаниям, человечество научится и писать их. Было бы величайшей ошибкой думать, что понятие героев совместно лишь с прошлым. Синтез нашей Эры выкристаллизовывает своих героев. Позволительно надеяться, что костры, тюрьмы и казни более не будут непременными атрибутами этих великих душ!

Устанавливая, что боги древности были героями, запечатленными в памяти народа, мы укрепим себя в сознании, что и в наши дни индивидуальность и личность управляют рулем человечества. Утверждая существование таких индивидуальностей, мы научимся, по примеру предков, в благожелательном позитивном исследовании передать сущность их личности в последующие поколения. Не забудем, что в будущем эти жизнеописания войдут в народные школы как Светочи Прогресса. Потому научим молодежь не только читать биографии, но и уметь писать их или, вернее, различать — что из проявлений их современников войдет в историю.

Читая легенды, молодежь научится мечтать. Это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодежь познает, как различать, где истина. Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет

великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательных мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчет, но именно высокую жизненную мечту.

Да, легенды не отвлеченность, но сама реальность. Поистине, мечты не знаки безграмотности, но отличия утонченных душ. Потому всячески поощрим в молодежи нашей стремления к зовущим и творящим сказаниям, и вместе с молодежью, оставаясь молодыми, почтим мечту как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Устремление, Иерархия, Беспредельность, Красота — только по этим вехам мы движемся несомненно вперед. Существо нашей деятельности мы должны приложить в жизни немедленно. Воздавая должное мечте, мы не сделаемся “мечтателями”.

Пусть будет эта мечта Творца. В этой мечте не будет ни одурманивания, ни изменчивости, но будет непреложное Знание, собранное в глубинах нашего духа. И, прежде всего, будем помнить, что слово Культура может значить “Культ—Ур” — Культ Света.

СОЖЖЕНИЕ ТЬМЫ

Привет Молодым

Итак, не устанем мы повторять, что в основе существования лежит творящая мысль. Жизненно осознаем глубокое значение ритма, как внутреннее динамо нашей работы. Будем помнить завет Света, что прежде всего, самое важное для нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте — богатство. Если же вползающая Тьма начнет шептать нам сладким голосом: “Прежде всего богатство, затем тело и здоровье, а как последнее — творчество и дух”, тогда скажем мы: “Знаем тебя, переодевшийся гомункул! Опять ты вполз! Ты воспользовался незапертой дверью, покуда привратник ушел на время обеда. Ты опять надеялся на человеческую слабость, на людское непостоянство и опять ты мечтал оживить семена предательства. Но как бы ты ни переодевался, мы распознаем тебя. Со своими материалистическими переоценками ценностей ты открыл себя и свое разлагающее влияние. Но будущая эволюция не построится на твоих основаниях, гомункул! Напрасно стараешься; твой маскарад тебе не поможет! Твердо мы знаем, что лишь ценности духа и творчества лежат в основе Бытия. Только эти ценности будут спасением человечества”.

Зорко проникая в законы, ведущие человечество, мы всюду замечаем спасительные искры. Обратите внимание, гомункулы, как прототипы предательского Миме, мечтавшего уничтожить героя Зигфрида, всегда так или иначе выдают свои тайные умыслы. Вы, конечно, помните, как сладко успокаивал Миме настороженность Зигфрида. Как сладко шептал Миме: “Я и поил, я и кормил тебя”. Он даже говорил Зигфриду о геройском подвиге, конечно, с единственной целью, чтобы воспользоваться следствиями гигантского задания, когда Зигфрид погибнет от его предательства. Но по чудесному закону Миме начинает говорить не то, что хотел бы

произнести, но то, что он думает. Истинно, устремляя внимание, вы всегда различите настоящие формулы гомункула, рано или поздно он произнесет их в вашем присутствии. Обостряйте ваше внимание, а для этого простейшими способами научайтесь углублять ваше сосредоточение. Также будьте всегда подвижны, чтобы в нужное мгновение не оказаться затемненными какими-нибудь туманными, жалкими мыслями. Сказано, что преступник всегда бывает привлечен на место своего преступления и тем выдает себя. Также и гомункул выдаст себя, ибо все, что стремится к разложению, будет позорно выявлено. Гомункул боится будущего так же точно, как некоторые люди становятся атеистами только для того, чтобы отогнать мысли о будущем.

Идея “Духа Ведущего”, идея “Высокого Водительства” проходит через все века, ибо в ней заключен противовес Тьме гомункула. Начав с обращения к выявленному гомункулу, мы вспомним некоторые заветы великого Света, которые твердо и вечно ведут мятущееся человечество.

Вот, что заповедано Восточною Мудростью.

“При сооружении утвержденных начинаний нужно помнить, что построенное всегда идет вверх. При построении (Именем Владыки) есть один лишь путь, который приводит к Творящему Источнику, путь мощной Иерархии; путь мощного Водительства Великого Служения. Потому прикосновение к творческому принципу устремляет дух к утвержденному закону Иерархии. Каждое строение требует осознания устремления вверх. Потому только закон послушания Иерархии может дать законное напряжение. Только так можно осознать путь, ведущий к мощной Беспредельности”.

“Как же утвердиться в Учении? Как же приблизиться к высшему закону Иерархии? Только утончением мышления и расширением сознания. Как можно вместить Указ Свыше, если нет утверждения соответствия? Ведь нужно суметь принять ширь Учения. Ведь только соответствие может позволить наполнение сосуда. Потому явление широты достойно широкого сознания. На пути к Нам можно достигать только Иерархией”.

“В религиях введены телодвижения и положения тела, способствующие нагнетению энергии и устремляющие к Высшему. У Нас, конечно, можно преуспеть без утомительных движений наполнением сердца. Кто преуспел этим путем, тот имеет преимущество, ибо не престанет источник сердца. Лик Владыки, введенный в сердце, не потускнеет и в любой час готов на помощь. Этот путь сердца самый древний, но нуждается в значительном расширении сознания. Нельзя говорить о сердце с первой беседы, иначе можно без цели перегрузить его. Также бесцельно говорить о любви, если сердце еще не вместило Образ Владыки. Но приходит час, когда нужно указать на мощь сердца. Советую обратиться к сердцу не только потому, что Образ Владыки уже близок, но по космическим причинам. Легче переходить через пропасть, если крепка связь с Владыкою”.

“Так нелегко быть без Владыки. Не устами только повторяйте Имя Владыки, но вращайте его в сердце, и не выйдет Он оттуда, как камень, вточенный горною водою в расселину. У Нас называется “Cor Reale”, когда Царь Сердца входит в чертог сужденный. Нужно оборониться Владыкою!”

“Вездесущий огонь насыщает каждое жизненное проявление. Вездесущий огонь напрягает каждое действие. Вездесущий огонь устремляет каждое стремление, каждое начинание, потому как же не проникнуться ведущим огнем? Космическая мощь, которая заложена в каждом импульсе человека и творческой силе, направлена к сознательному созиданию. Как нужно бережно собирать эти тождественные энергии для созидания лучшего будущего! Ведь только сознательное отношение к овладению силою соизмеримости может явить творчество, достойное лучшей ступени. Потому каждый на пути к Нам должен устремиться к созиданию, сознательно направляя свои распознавания”.

“Как важно сохранять огонь импульса! Без этого двигателя нельзя насыщать начинание лучшими возможностями. Силы, прилагаемые к начинанию, умножаются огнем импульса. Потому так необходимо устремление к умножению данных сил Первоисточника.

Во всех построениях нужно соблюдать стройность и соизмеримость, потому для насыщения Наших начинаний нужно соизмерять данное с приложенными мерами. Огонь и импульс поддерживают жизнь в каждом начинании. Без этого начинание теряет свою жизненность. Так устремимся к утвержденному огню, данному Владыкою! Так можно достичь насыщения огненного”.

“При посадке на корабль у путника украли кошель с золотом. Все возмутились, но пострадавший улыбнулся и твердил: “Кто знает?” Сделалась буря и корабль погиб. Лишь один наш путник был выброшен на берег. Когда островитяне сочли его спасение чудом, он опять улыбнулся и сказал: “Просто я заплатил дорожке других за проезд”. Не знаем, когда восходят зерна хорошие и долго ли зреет жатва ядовитых мыслей. Нужно им то же время, чтобы созреть. Потому бойтесь ядовитых мыслей, ни одна из них не пропадет без следа. Но где та страна, где тот час, когда назреет колос яда? Пусть он будет даже мал, но колюч, и не будет куска хлеба, который не раздирал бы горло”.

“Можно ли не иметь жатвы посева своего? Пусть зерно будет доброе, иначе яд родит яд. Можно избежать многое, но хранилище мысли самое прочное. Мысль как высшая энергия неразстворима и может быть отлагаема. Явление опыта над растениями может показать силу мысли. Также может ученый брать с полки нужную книгу, если мысль напряжена”.

“Импульс огня дает всему Космосу жизнь. Каждая творческая искра приводит в движение устремление духа. Как же не утвердить в каждом явлении огненный импульс, который питает все напряжения и насыщает каждое действие. Потому нужно растить чудесный импульс огня, который всему придает жизнь. Так насыщенный огонь может притянуть все соответственные энергии. В культуре мысли нужно прежде всего растить огненный импульс. Как творческий импульс собирает созвучия, так мысль притягивает соответствия — так берегите импульс огня”.

“Как прекрасны искры духа, который являет огонь и устремление. Служение огненное принесет человечеству столько

знаков новой эволюции. Потому так жизненно вошла Агни-Йога и столько знаков перерождают и угрожают планете, только нужно принять все посылаемое человечеству”.

“Главная ошибка людей, что они почитают себя вне Сущего. Из этого истекает отсутствие сотрудничества. Невозможно объяснить стоящему вне, что он ответственен за происходящее внутри него. Явленный отец эгоизма посеял сомнение и самообольщение, чтоб отрезать провод с хранилищем Света. Никто не хочет представить себе, что Свет есть следствие мысли, но множество населяющих межпланетные пространства подтвердят охотно мощь мысленного сотрудничества. Они знают сотрудничество и понимают ответственность. Можно внедрить себя в мировую мысль и тем явить себе крылья в небе и в основании на земле. Много ценных напоминаний о связи с дальними мирами разбросано!”

“Искра духа зажигает сердце, потому Наше Учение нуждается в распространении огнем сердца. Как можно зажечь факелы духа без огня сердца? Ведь только огонь поднимает творчество и насыщает каждое действие. Энергия, которая устремляет к жизненному импульсу, должна иметь явленный жизненный огонь. Так в этом законе заключены творческие силы”.

Когда мы вспоминаем великие Заветы Восточной Мудрости, прекрасный пример из нашей современности встает перед нами. Подвижники Озарения, благословенный Рамакришна и огненный Вивекананда! Какой незабываемый пример благословенной Иерархии Учительства! Какой пример для молодежи, как трогательно молился Рамакришна о приближении духа Вивекананды, и как мудро возвышенно нес Вивекананда в жизни основы своего Гуру. Истинно, мы видим блестящее следствие принятой в духе Иерархии. В памятный день Рамакришны миллионы паломников объединяются в духе во имя его вдохновенной самоотверженной молитвою. Так же мощно растет имя Вивекананды и нет такой грамотной страны, где бы эти великие имена не почитались вместе с Абхеданандой, Параманандой, Браманандой, Сараданандой и другими славными учениками Рамакришны.

Высоки были основы их Учений и мудро было применение в Жизни. Каждым прикосновением они выжигали часть Тьмы. И ничего не было разрушительного в их Учении. Светоносно звучит призыв Рамакришны и Вивекананды — “Не разрушай!” — Ибо благословенная Иерархия знает лишь положительное строительство.

Вдохновляюще знать, что мы имеем не только славные подвиги древних времен, но и в дни наших смятений перед нами также встают блестящие примеры.

Изучайте без предрассудков историю человечества и вы увидите, что во всех своих одеяниях гомункул одинаково ненавидит Свет и прежде всего Иерархию Блага и Знания. Прикасаясь к этой Светоносной Иерархии, гомункул в смятении начинает вслух бормотать свои скрытые формулы. Но все, что произнесено, уже не опасно. Тонкая паутина Тьмы будет немедленно разрушена огнем пространства.

В служении великой Культуре мы не должны ограничивать себя одною стандартной программой. Каждый стандарт ведет к тирании. Основное пламя Культуры будет едино, но искры его в жизни будут индивидуально и драгоценно многообразны. Как заботливый садовник, истинный носитель Культуры не будет вырывать те цветы, которые расцвели не со стороны главной дороги, если они принадлежат к тем ценным породам, которые он охраняет.

Выявления Культуры так же многообразны, как бесчисленны разнообразия самой жизни. Они облагораживают Бытие. Они, как истинные ветви единого священного древа, корни которого держат мир.

Если вас спросят, в какой стране вы хотели бы жить и о каком будущем государственном устройстве вы мечтаете? С достоинством вы можете ответить: “Мы хотели бы жить в стране великой Культуры”. Страна великой Культуры будет вашим благородным девизом: вы будете знать, что в этой стране будет мир, который бывает там, где почитаемы истинная Красота и Знание. Пусть все военные министры не сужаются, но им придется уступить их первые места министрам Народного Просвещения. Несмотря на всех

гомункулов, которые шпионят из своих щелей, вы будете выполнять ваши обязанности во имя великой Культуры. Вы будете укреплены сознанием, что только жалкие гомункулы будут врагами вашими. Ничего не может быть благороднее, нежели иметь врагом гомункула. Ничто не может быть чище и возвышеннее, нежели стремиться к будущей стране Великой Культуры.

Гималаи. Март, 1930 г.

ЗНАМЯ МИРА

Многообразно устремляется человечество к Миру. Каждый в сердце своем сознает, что это созидательное действо пророчески выражает Новую Эру. Неуместно создаются суждения о предпочтении известному типу пуль или конвенции, определяющие, что ближе Мировому Единению — один или два броненосца с дальнобойными орудиями. Но представим себе даже и такие убийственные рассуждения, как примитивные ступени к тому же самому великому понятию Мира, которое когда-то обуздает воинственные инстинкты человечества духовными радостями созидания.

Но факт все же остается, что пушки, хотя бы одного из избранных броненосцев, могут так же уничтожить величайшее сокровище искусства и науки, как и целый флот. Мы оплакивали библиотеку Лувена и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто — “Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою”. Но все же пагубные заблуждения в той или иной форме могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут опять быть разрушены.

Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленные меры. Даже в начале своем эти меры охранения дадут многие полезные следствия. Никто не будет отрицать, что флаг Красного Креста оказал неоценимые услуги и напомнил миру о человечности и сострадании. С этой целью проект Международного Мирного Договора, охраняющего все сокровища Искусства и Науки под международно признанным флагом, представлен нашим Музеем иностранным правительствам. По этому проекту, который был представлен Государственному Департаменту и Комитету Иностранных Сношений, должно быть воспрепятствовано повторение зверств последней войны, когда было разрушено такое множество соборов, музеев, книгохранилищ и прочих сокровищниц творений человеческого гения. Этот план предусматривает особый флаг, который будет почитаем, как международная нейтральная территория; это Знамя должно быть поднято над музеями, соборами, библиотеками, университетами и прочими культурными центрами. Мой план, представленный нашим Музеем, был обработан согласно кодексу Международного Права доктором Международного Права и Политических Наук Парижского Университета, лектором Института Международных Наук Г. Г. Шклявером, по совещании с профессором Альбертом Жоффр де ла Прадель, членом Гаагского Мирного Суда, вице-президентом Института Международного Права и членом Факультета Сорбонны. Оба состоят почетными советниками нашего Музея

Первый параграф Пакта говорит: “Просветительное и художественное учреждение, художественные и научные Миссии, их персонал, собственность и собрания должны быть признаны нейтральными и как таковые должны быть охранены и уважаемы враждующими сторонами”.

“Охрана и уважение означенных учреждений и миссий будет под суверенитетом договаривающихся Держав без различия подданства каждого указанного учреждения”.

Когда идея международного Флага Культуры впервые была мною оповещена, мы нисколько не были удивлены, что она была встречена

всеобщим интересом и энтузиазмом. Опытные государственные деятели изумлялись, как нечто подобное не было сделано уже ранее. Когда мы просили наших почетных советников д-ра Шклявера и проф. Жоффри де ла Прадель уложить этот проект в международные формулы, мы вскоре получили прекрасно оформленный Международный Договор, который сопровождался горячими общечеловеческими симпатиями.

Этот Международный Флаг Культуры для охраны Искусства и Науки никого не умаляет и не нарушает ничьих мирных интересов. Наоборот, он подымает мировое понимание эволюционных сокровищ. Он помогает ценностям грядущего творчества и в существе своем ведет к великому понятию Прогресса и Мира. В этом понимании, в творческом стремлении, понятие Мира становится более реальным. Это Знамя, как Страж Мира, напомним о необходимости каталогирования всех культурных сокровищ мира. Это совсем нетрудно и в некоторых странах уже почти завершено, но все же остается много пробелов и каждое завоевание мирового сознания должно быть приветствовано.

Флаг Красного Креста не нуждается в объяснениях даже для наиболее некультурных умов. Так же точно и Новое Знамя, этот Страж культурных сокровищ, говорит само за себя. Нетрудно объяснить даже дикарю значение охранения сокровищ Искусства и Науки. Мы часто твердим, что краеугольный камень будущей Культуры покоится на Красоте и Знании. Теперь мы дожили до действия в этом благословенном поле и должны действовать безотлагательно. Лига Наций, которая работает для Международного Согласия, не может восстать против этого Знамени, ибо оно является одним из знаков мирного единения.

Не случайно эта идея возникла на почве Америки. По своему географическому положению Америка менее других стран в военное время находится в опасности подобных разрушений. Потому что это предложение исходит из страны, сокровища которой менее подвержены сказанной опасности, это еще более подчеркивает, что

предложенный флаг есть символ всего Мира, не одной страны, но всего цивилизованного Мира.

Предложенное Знамя имеет на белом фоне в круге три соединенные амарантовые Сферы как символ Вечности и Единения. Хотя мы не знаем, когда именно это Знамя будет развеяться над всеми культурными памятниками, но несомненно, что семя уже взросло. Оно уже привлекло внимание больших умов и устремляется от сердца к сердцу, пробуждая еще раз среди людских множеств идею Мира и Доброжелательства.

Повелительно принять немедленные меры, чтобы оградить от опасности благородное наследие Прошлого для славного Будущего. Это произойдет тогда, когда все страны торжественно поклянутся охранять сокровища Культуры, которые в сущности принадлежат не одному народу, но Миру. Этим путем мы можем создать еще одно приближение к расцвету Культуры и Мира.

Нью-Йорк. Март, 1930 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ В БРЮГГЕ, 1931 ГОД

Письмо г-ну К. Тюльпинку

Дорогой собрат! Г-жа де Во Фалипо мне сообщила письмо ваше от 25-го марта. От всего сердца благодарю вас за инициативу конференции в Брюгге. Физически, к сожалению, не могу присутствовать, так как в это время буду находиться за горными цепями Гималаев.

Ваша благородная идея собрать международную конференция в Брюгге для утверждения нашего Пакта Мира меня глубоко трогает. Драгоценно видеть светлую инициативу в области Культуры на защиту сокровищ человеческого гения. Конечно, героическая Бельгия так же, как и доблестная Франция, имеют в этом вопросе глубокие исторические основания. Герои Бельгии свидетельствовали разрушение своих бесценных соборов, исторических зданий, книгохранилищ и других памятников искусства, которые ничем не

могут быть восстановлены. И не только во время войны подобные человеческие заблуждения могут проявляться; каждое восстание и внутренняя враждебность окружают памятники Культуры теми же опасностями, так же тяжкими, как и во время войны.

Именно теперь человечество всеми силами духа должно заняться охраною этих творческих сокровищ. Если Знамя Красного Креста не всегда доставляло полную безопасность, то все же оно ввело в сознание человеческое огромный стимул человеколюбия. Тоже и Знамя, нами предложенное для охраны культурных сокровищ, если оно и не всегда спасет драгоценные памятники, то все же оно постоянно напомнит о нашей ответственности и необходимости забот о сокровищах человеческого гения. Это Знамя внесет в сознание еще один стимул, стимул Культуры, стимул уважения ко всему, что создает эволюцию человечества. Мы, собиратели, имевшие много дела с музеями, мы знаем Голгофы бесчисленных творений искусства и науки. Никто не дерзнет сказать, что желание охранить сокровища творчества может быть излишне или не нужно. Нет, каждое углубление этого сознания приносит новые культурные возможности. Так, наше предложение откроет возможность просмотреть и каталогировать истинные сокровища и поставить их под защиту всего человечества, не только во время войны, но, усиленно подчеркиваю, и во время так называемого мира.

Драгоценно наблюдать, сколько исключительных симпатий вызвало наше предложение во всех концах мира. Вы будете рады узнать, что не только Правительства и отдельные представители Культуры, но и многомиллионные Общественные Организации вдохновились нашею идеей. На собрании 24-го марта, в Нью-Йорке, посвященном нашему Пакту, г-жа Спорборг, представительница Женских Федераций штата Нью-Йорка, поручилась именем Федерации поддерживать наше Знамя. А в этих Федерациях более четырехсот тысяч членов. Кроме того, пришло постановление о подобной же поддержке от организации с тремя миллионами членов. Так, идея охранения Культуры поддерживается общественным мнением. Кто же дерзнет противодействовать эмблеме

дружественного союза и охранению Культуры? Отрицание Культуры всегда останется самым позорным знаком. Истинные работники Культуры во всех областях ее не будут отрицателями, ибо по природе своей они строители. Без творения нет и жизни. Конечно, говоря это, я только выражаю мысли, которые объединяют нас на пространстве всего мира.

Приветствую и Вашу благородную инициативу, и сочувствие г-на Министра Дестре и Маркиза Аддачи. Выражаю те же лучшие чувства всем сочленам, которые объединяются в строительных, мирных устремлениях. Покуда мы действуем на защиту Блага, Прекрасного и Культуры, мы непобедимы в нашем энтузиазме.

Не случайно Конференция собирается в Брюгге. Ваш город, этот живописный памятник старины, сущностью своею уже молит о Culture. Знамениты колокола Брюгге, которые вдохновляли меня во время посещения вашей прекрасной сокровищницы; пусть эти колокола будут колоколами победы Конференции Знамени Мира. Всегда вспоминаю, что музыка ко вступлению посвященной мне оперы “Принцесса Мален” построена на благостные гармонии колоколов древнего Брюгге.

Во имя Мира всего Мира, во имя Культуры и светоносной творческой мощи, во имя подвига и облагораживания человечества я шлю мой сердечный привет вам, дорогой собрат, всем членам Конференции и героическому народу Бельгии.

Гималаи. 24 апреля 1931 г.

ЗНАМЯ МИРА

Конференция в Бельгии

В конце Кали-Юги тяжкие и как бы непобедимые трудности отягощают человечество. Множество будто бы неразрешимых проблем подавляют жизнь и разделяют народы, государства, общежития, семьи... Народ безнадежно старается разрешить их материалистическою находчивостью, но даже величайшие колоссы

механической цивилизации оказываются потрясенными. Каждый день приносит новые смятения, столкновения, недоразумения и лжетолкования. Жизнь наполняется множеством маленьких кривд. Все вдохновляющее и зовущее ввысь становится в глазах невежд чем-то стыдным и недоступным. Так описывают Вишну-Пураны конец Кали-Юги.

Но те же Пураны возвещают также и благословенную Сатию-Югу. Какое же великое понятие, какая Благодать прежде всего будет в основе этого очищения и преобразования жизни. Конечно, это будет та Благодать, которой объединяется все вмещение, все прекрасное, все вдохновляющее и все воздымающее. Поистине, это будет то великое понятие, которое человечество понимает под словом Культура. Именно к этому величайшему понятию направим все наши лучшие мысли и творчество. В этом осознании явим древнюю мудрость для доблестного будущего. Во славу этого сокровища осознаем и нашу взаимную высокую ответственность и не будем мешать друг другу нести торжественно эту скинию Света. Поймем ежедневную работу не как отвратительные кандалы, но как пранаяму, которая пробуждает и координирует наши высочайшие энергии. Не потеряем ни дня, ни ночи для посева благословенных семян утончения и возвышения духа и для несения культуры в широкие массы.

Для этого великого Служения был предложен наш мирный договор со Знаменем Мира для охранения всех культурных сокровищ человечества. Наш великий Рабиндранат Тагор, являющийся одним из наиболее просвещенных покровителей культуры, пишет нам следующее по поводу Пакта Мира:

“Я зорко следил за вашими замечательными достижениями в области искусства и за вашей великою гуманитарною работою во благо всех народов, для которых ваш Пакт Мира, с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ, будет исключительно действенным символом. Я искренно радуюсь, что этот Пакт принят Музейным Комитетом Лиги Наций, и я чувствую глубоко, что он

будет иметь огромные последствия на культурную гармонию народов”.

Мы не удивлялись, получая такое множество восторженных ответов по поводу нашего Знамени Мира. Прошлое наполнено ужасающими и непоправимыми разрушениями. Мы видим, что не только во время войны, но и при всех прочих заблуждениях сокровища человеческого гения беспощадно разрушались. В то же время избранные человечества понимают, что никакая эволюция невозможна без этих накоплений культуры. Мы понимаем, насколько несказуемо трудны пути культуры, но тем заботливее мы должны охранять доступы, к ней ведущие. Наша неотложная обязанность создавать для молодого поколения традиции культуры. Там, где культура, там и мир. Там и подвиг, там и правильное решение труднейших социальных проблем. Культура есть накопление высочайшей Благодати, высочайшей Красоты, высочайшего Знания. Человечество ни в какой мере не может гордиться, что оно сделало достаточно для расцвета культуры. После невежества мы достигаем цивилизации, затем мы получаем образование, затем следует интеллигентность, затем утончение и после этого синтез открывает врата высокой культуры. Мы должны сознаться, что наши драгоценные исключительные сокровища искусства и науки даже не вполне каталогированы. Если Знамя Мира даст толчок хотя бы к этой манифестации, то уже одно это будет колоссальным достижением. Как много полезного и прекрасного может быть достигнуто простейшими средствами. Представим себе всемирный день культуры, когда одновременно во всех школах и просветительных учреждениях всего мира будет возведено об истинных сокровищах нации и человечества. Среди многообразных выражений энтузиазма мы должны отметить глубокое движение женщин Америки. На последнем собрании, посвященном Знамени Мира, представительница полумиллиона женщин В. Д. Спорборг поручилась за их поддержку Знамени Мира. Сейчас получено сочувствие трех миллионов женщин. Велик список организаций, обществ, музеев, библиотек, школ, научных и государственных

деятелей, которые выразили нам свою горячую надежду, что этот проект войдет в жизнь. Несколько учреждений уже подняли наше Знамя над своими сокровищами. Музейный комитет Лиги Наций под председательством Ж. Дестрей, бельгийского министра, единогласно принял этот проект. А теперь, благодаря инициативе г-на К. Тюльпинка, под покровительством маркиза Аддачи, президента Постоянного Международного Суда в старом городе Брюгге, организована особая Конференция, для которой выработана широкая программа. В связи с этой конференцией заслуживает большого внимания предположенная Лига Городов, объединенных тем же Знаменем Мира. К. Тюльпинк и другие просвещенные деятели горячо объединились на этой идее. Письмо из Парижа сообщает, что наш друг поэт Марк Шено уполномочен представить древний город Руан. Только что получена важная брошюра д-ра Г. Г. Шклявера под заглавием “Пакт Рериха и Лига Наций”, первоначально напечатанная в Обзрении Международного Права. Автор горячо рекомендует Пакт с точки зрения международного права. Истинно, охранение сокровищ культуры принадлежит тем всеобъединяющим основам, на которых мы можем дружественно объединиться без всяких жалких чувств зависти и злобы. Мы утомлены разрушениями и отрицаниями. Положительная созидательность есть основное качество духа человеческого. В жизни нашей все, что может поднять и облагородить дух наш, должно иметь господствующее место. Вехи славного прошлого от раннего детства устремляют наш дух к прекрасному будущему. Поверьте, не трюизм говорить о неотложности стремлений к культуре. Если какой-то невежда найдет, что эта идея не нужна и излишня, скажите ему: “Бедный невежда, оставайся вне эволюции, но помни, что нас целое воинство и мы никак не отступим от идеи Знамени Мира. Если ты создашь препятствия, мы обернем твои препятствия в возможности”.

Вспомните, сколько полезнейших начинаний так легко может быть введено в жизнь. Возвращаясь к моей давнишней идее о мировом дне культуры, когда одновременно под одним знаменем по всему миру раздастся светлое слово о сокровищах культуры

народных, всемирных. Сенотафы напоминают нам лишь о прошлом, но все соединенное с культурой, с бесчисленными славными мученическими и гигантскими подвигами направит наш ум к будущему. Только подумайте, с какими малыми средствами человечество, в единении, может создать традицию высокого значения для молодых поколений!

Поистине, я хотел бы приветствовать Конференцию в Брюгге как начало Лиги Культуры. Хотелось, чтобы все сочлены и друзья Конференции радостно сошлись на этой все вмещающей, все обобщающей, все облагораживающей мысли. В таком движении мы бы могли показать прекрасный пример всем тем, которые в невежестве разделяют, расчленяют и уничтожают. Без сомнения, внутреннее значение Конференции в Брюгге будет очень замечательным и откроет новые врата для всех будущих славных построений в области культуры. Конференция в Брюгге не окажется тем мотыльком, который обжигает крылья на первом пламени. Она образует тот светоносный легион, пламенные крылья которого будут расти в созвучии с подвигом великой красоты и славной необходимости.

В городском музее Падуи находится картина Гуариенто “Ангелы Мира”. В торжественном круге собрался совет ангельский. Каждый ангел держит сферу как всеобнимающий знак и ветвь мира, которая в руке ангела сурова, как меч непобедимый. Эта картина встает передо мною, когда я думаю о нашей Конференции. Ангелы благостны, но непреклонны. Так же благостным и непреклонным я представляю себе легионы Мира и Культуры.

Будем приветствовать всех тех, которые, преодолевая личные трудности, обходя жалкое себялюбие, устремляют дух свой к охранению культуры, которая превыше всего принесет блестящее будущее.

Всеми средствами воздымайте прекрасную необходимость культуры. Если бы в нашем распоряжении были другие определительные величия, мы должны были бы употреблять их, говоря о самом значительном понятии мира.

Мы не должны бояться энтузиазма. Только невежды и духовно бессильные могут глумиться над этим великим и чистым чувством, но такие насмешки не что иное, как знак истинного почетного легиона. Было бы ужасно, если бы при великих выявлениях употреблялись как определительные слова “малое” и “ничтожное”. Мы должны всячески оберегаться от самого постыдного действия — от умаления. Это значило бы разложение. Ничто не может мешать нам послужить сложению культуры, поскольку мы сами верим в это и поскольку даем этому наши лучшие пламенные мысли.

Не умаляйте! Великий Агни сжигает поникшие крылья. Только в созвучии с эволюцией мы можем восходить и ничто не может погасить бескорыстные пламенные крылья энтузиазма.

Для Висва-Бхарати, Шантиникетан. 1931 г.

ПРИВЕТ КОНФЕРЕНЦИИ ЗНАМЕНИ МИРА

Конференция в Брюгге, 1931

Сердечный привет всем вам, собравшимся во имя Знамени Мира, во имя культурных ценностей. Я уже выражал мое восхищение благородной идеей Камилла Тюльпинка о созыве Конференции в Брюгге для распространения и укрепления в жизни нашего Пакта Мира. Конечно, г-н Тюльпинк ознакомит почтенное собрание с некоторыми положениями моих писем к нему. Также мне хочется обратиться ко всем присутствующим, чтобы, приветствуя, засвидетельствовать тот энтузиазм, который мы ощутили из стран всего мира.

Для меня настоящее собрание является как бы основанием долгожданной Лиги Культуры. Эта Лига укрепит всемирное сознание, что истинная эволюция совершается лишь на основах Знания и Красоты. Лишь ценности Культуры дадут разрешение труднейшим житейским проблемам. Лишь во имя ценностей Культуры человечество может преуспевать. В самом корне этого священного для нас понятия заключено все почитание Света, все

служению Благу. Именно понятие Культуры предполагает не отвлеченность, не холодную абстракцию, но действительность творчества, оно живет понятием неустанного подвига жизни, просвещенным трудом, творением. Не для нас самих, ибо мы уже это знаем, но для подрастающих поколений повторим, что во все лучшие периоды человеческой истории возрождение и расцвет создавались там, где вырастала традиция почитания Культуры.

И мы знаем, что не мгновенно укрепляется эта светлая традиция, ее нужно каждодневно орошать благодатью Света. Ибо даже лучший духовный сад засыхает в темноте и безводии. Потому для нас Знамя Мира является вовсе не только нужным во время войны, но может быть еще более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто совершаются такие же непоправимые ошибки против Культуры. Всемирное значение имеют культурные духовные ценности человечества и так же мирно обобщающе будет дружественное рукопожатие во имя этих светлых находений всех поколений.

В широкой программе будут обсуждены многообразные способы применения заботы о Culture. Конечно, мы услышим множества полезных предложений, которые все будут нужны в этом мировом деле, и лишь будет вопросом, в каком порядке и как лучше применить их.

Мы услышим и о мировом Дне Culture, когда во всех школах и просветительных обществах одновременно будет посвящен день осознанию национальных и мировых культурных сокровищ. Мы обсудим, какие именно памятники Culture и собрания культурные будет охранять Знамя Мира. Обсудим и всемирное каталогирование всех ценностей человеческого гения. Будет обсужден весь комплекс забот о Красоте и Знании, который, поистине, является обязательностью всего мыслящего человечества, внося в жизнь прочные устои. Конечно, будет обсуждено и учреждение особых комитетов во всех странах, представители которых уже выразили или готовы выразить симпатию этому культурному делу.

Начало подобного комитета в Америке уже положено. В нашем первом Ежегоднике, предлагаемом настоящему собранию, выражены

все те действия, которые до сих пор нами были произведены по этому Пакту. Конечно, мы уверены, что не только Ежегодник будет отображать развитие Пакта, но появится и другое издание, посвященное вопросам всемирной каталогизации культурных сокровищ.

С будущей осени, имея в основании симпатии и одобрение Пакту многомиллионными организациями, кладется основание Фонду Знамени Мира. Особое собрание, посвященное Знамени Мира в нашем Музее в Нью-Йорке, еще раз показало, какие мощные симпатии стоят за этой идеей. Нельзя не отметить, что некоторые учреждения уже подняли над своими хранилищами наше Знамя, тем подтверждая непреложность этого решения. Нет надобности подчеркивать, что все эти действия должны идти по одному руслу. Понятие Культуры должно вызывать в нас и соответствующее понятие единения.

Мы устали от разрушений и взаимного непонимания. Лишь Культура, лишь всеобобщающие понятия Красоты и Знания могут вернуть нам общечеловеческий язык. Это не мечтание! Это наблюдение опыта сорокадвухлетней деятельности на поприще Культуры, Искусства, Науки. И в одном мы можем принести нерушимую клятву, что от этой охраны Культуры, от Лиги Культуры ни мы, ни последователи наши не отступимся. Нас нельзя разочаровать, ибо наблюдения в поле Искусства и Знания наполнят нас несломимым энтузиазмом. Не одна нация, не один класс с нами, но все множества человеческие, ибо, в конце концов, сердце человеческое открыто Красоте творчества.

Со снежных вершин Гималаев во имя этой всеобнимающей, всепобедной красоты творчества, в самом широком понимании, я приветствую вас, приветствую друзей-единомышленников Культуры, и это единение в Прекрасном умножит силы наши, волею согласие в мышление наше, и убедительностью прекрасной необходимости привлечет к нам множество сотрудников Культуры.

Ведь понятие Культуры принадлежит к нерушимым синтезирующим понятиям. Против Культуры может быть лишь

невежество и, если бы таковое где обнаружилось, мы можем лишь сожалеть об этом темном начале. При этом будем помнить, как медленно входят в сознание даже совершенно очевидные идеи. Будем помнить, что даже знамя Красного Креста, уже оказавшее человечеству бесчисленные услуги, вначале было принято с усмешкою, недоверием и сарказмом. О том же говорят бесчисленные примеры полезнейших открытий и нововведений. Но эти факты своею прискорбностью вливают в нас новую энергию о необходимости и жизненности Знамени Мира и Лиги Культуры.

В конце концов, то, что мы предлагаем, ничто и никого не умаляет, ничто не затрудняет и достижимо самыми простыми средствами. Конечно, большие дела не могут быть выполнены немедленно — требуется неустанная, длительная работа, к которой мы и готовы. Но огонь зажигается мгновенно и пусть этот священный огонь, огонь Чаши Возношения, мгновенно объединит нас всех сойтись и дружно поднять Знамя Мира, Знамя Культуры!

К ОТКРЫТИЮ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ИМЕНИ РЕРИХА В ПАРИЖЕ

С особенною радостью узнал я об учреждении в Париже ветви общества друзей моего Музея. Франция, Париж всегда связаны для меня с лучшими воспоминаниями. Здесь я окончил мое художественное образование; здесь были выставки мои и театральные выступления. Здесь уважаемый Жак Бланш возгласил восторг от полонецких плясок. Здесь каждый складывал утонченное мышление и преклонение перед прекрасным.

Вижу особое значение в связи американского музея с друзьями Франции. Блестящее искусство французского гения широко проникло в сердца Америки. С глубокою оценкою и уважением отведены достойные места в музеях и собраниях Америки произведениям великого творчества Франции.

Народное чутье приводит эти великие нации к единению. Всегда говорил я о лучшем мире и взаимном понимании через искусство и

знание. Эти верные оплоты мира и человеческой взаимности будут лучшими водителями достойной эволюции.

Конфуций заповедал: “Если каждый день буду приносить горсть земли, то, в конце концов, все-таки создам гору”. В неустанности личной дружбы, в непрестанном устремлении к творениям духа и достижениям знания, мы наносим эту гору благодати, которая укрепит будущие шаги человечества.

Ведь не для нас самих мы встречаемся и собираем все близкое и лучшее для нашего развития. Мы делаем это для тех неведомых нам, для будущих, которые оценят все, что делалось для мира всех, для мира всего мира.

Смотрю на ваше собрание здесь не как на случайное собрание частных людей. Новое крыло создается между Францией и Америкой, новое желание взаимного понимания и взаимного преуспевания посылается в пространство. И когда мы отрешаемся от наших лично человеческих желаний, и эта творческая мощь переносится в план всеобщего блага, тогда нечего желать успеха, ибо успех уже есть налицо, он там, где есть строительство общего блага. Итак, дело общественных учреждений приобретает межгосударственное значение для истинного мира и мирного культурного строительства.

Приношу друзьям Франции мои лучшие чувства и знаю, что они будут оценены в утонченной мысли французского гения. Я буду так рад передать нашим американским друзьям, как лучшие умы Франции мыслят и собираются во имя общих задач культуры.

1929 г.

ПРИВЕТ ФРАНЦИИ

Приезжая в Париж, по моему старому обычаю, прежде всего посещаю Собор Богоматери. Под сенью благородных сводов, в сиянии розет, я еще раз чувствую геройский дух французского народа, этот “дух Франции”, во имя которого объединилось наше

Французское Общество и в Нью-Йорке и в Париже. Во время открытия Общества Генеральный Консул Монжендр и проф. “Коледж де Франс” Меллье произнесли прекрасные речи, в которых была выражена накопленная веками культура.

Когда проф. Меллье говорил о жизни на других планетах, он вознесся выше всех предрассудков в области творческого сознания. Вспоминаю, как один из присутствовавших, сидевший очень далеко в переполненной аудитории и не могший слышать тихого голоса проф. Меллье, сказал мне: “Должно быть, он говорил о чем-то очень прекрасном”. — “Почему?” — спросил я. — “Так был вдохновлен лик его”, — ответил мой друг. Действительно, тонкие черты французского ученого были еще более облагорожены долгими годами научного труда, тем несказуемым светом, который дается только каждодневным общением с сокровищами красоты и знания.

То же думал я, когда Генри Верн показывал мне в Лувре выставку Делакруа, этот триумф благородного синтеза.

Столетие романтизма! Кто сказал? Почему это не тысячелетие? Вспомним о романском стиле, о наследии друидов, о всех тех героических наслоениях многочисленных веков. Вспомним о священной Матери Друидов, облаченной в сияющие одежды “Матер Максима”.

Столетие романтизма! Но ведь романтизм не родился вместе с Эженом Делакруа, который сам явился следствием вековых накоплений. Нет, отправная точка романтизма будет в героизме романского стиля. Из каких же глубин принесен этот героизм? Романтизм не что иное, как синоним героизма. И в этом он выражает одну из лучших, одну из наиболее возвышенных страниц человечества, вдохновленного, преодолевающего эгоизм и трансмутирующего его в благородную индивидуальность.

Многообразен и мощен гений Делакруа. Восхищаемся его синтезом. Этот священный синтез освобождает художника от рамок личности и ведет его к космическим озарениям. Эти священные обобщения вели художника как к величественному закату, так и к изображению людей, в их страданиях, в их стремлениях, в их

достижениях. Вероятно, художник сам никогда не стремился показать себя в таком разнообразии. Он просто выражал на холсте экстазы своих настроений. Но его творческий гений опирался на вековые традиции. Художник не страшился походить на других и связывать себя однообразием мысли. Он руководился окружающей действительностью; в этой торжествующей действительности он находил правду, которая соединяет его теперь и с нашим поколением. Среди многообразных выявлений Делакруа не удивляйтесь встретиться с понятиями самыми различными и даже противоположными.

Как полезны подобные выставки! Можно искренно поздравить Лувр в лице Генри Верна, благодаря которому музей перестает быть мертвым хранителем сокровищ, но делается живым и даже не боится менять традиционную развеску картин. Сколько новых сопоставлений можно вывести, благодаря собранию сокровищ, обычно рассеянных в отдаленных музеях! В каком новом свете, благодаря такому собранию, встает перед нами художественная личность Делакруа! Наряду с гигантскими холстами в витринах вы можете изучать до сих пор непоказанные альбомы, записные книжки, заполненные в разных настроениях, разными почерками. Новые оправы добавлены к основной драгоценности этого искусства романтизма. Истинно, это не столетие, но тысячелетие романтизма, которое празднуется в этом выявлении. И этот романтизм есть только выражение “духа Франции”, который вы не поймете ни из разоренных томов библиотеки, ни из случайных изображений. Но полное сокровище романтизма является в собрании всех аспектов его, и тогда вы убеждаетесь окончательно, что романтизм есть героизм.

Этот путь лучший, чтобы познать “Дух Франции”, к нему не приведут нас ни доводы логики, ни вычисления, ни сухой анализ. Но если мы находим ключ героического романтизма, то этот чудесный ключ позволит нам войти во все святилища.

Героизм, это основное качество человека, должно ли оно быть рассматриваемо как ведущее к постоянным потрясениям или,

наоборот, как мощная основа в созидательном стремлении французского народа?

Среди бесконечных усложнений, уклонений, противоречий, двусмысленных формул мы должны делать твердый выбор между положительным и всем отрицательно-разрушительным. В жизни нашей проявилось так много факторов, столько старых понятий стерлось, что психология, подобно художнику, ищущему силуэт, должна следовать твердой классификации и устанавливать основные черты построения. Мы идем как бы в зарослях, где лианы и прочие паразитарные растения совершенно охватили мощные стволы. Орхидеи, эфимириды совершенно закрыли поверхность корней. Пройдя этот лес, мы все же выйдем на проезжую дорогу. Там, как в старинных сказках, мы найдем лаконическую надпись, указывающую путь ко спасанию. Это путь Культуры; не путь цивилизации материальной, но путь истинной культуры, которая время от времени открывается человечеству. Неизбежны задержки. Но новые открытия приходят, новый вихрь сгоняет старую пыль, и мы устремляемся по этому пути, отмеченному вехами подвига.

Не нужно усложнять обиход жизни; не обезображивать, не подражать равнодушно, но следует собирать все жизненные элементы культуры и прилагать их на дальнейшем этапе.

Так мы возвращаемся опять к понятию “Духа Франции”. Так из-под сомнений, из-под холодных расчетов выступают очертания ведущего героизма. В продолжении лет, когда все усилия народа были направлены к победе, Франция дала истинный пример героизма, самоотречения и несравненной стойкости. Можно было еще раз судить о твердом закале духа ее, ясном и несокрушимом, как сталь. Мы свидетели этих незабываемых лет, мы можем утверждать, что это не был преходящий пароксизм. Новая страница, притом великолепная, была вписана в историю страны. Когда мы ощущаем вибрацию духа Франции, нам кажется, что мы видим могучие крылья, которые несут его к новым высотам. В известные часы жизни критика становится ненужной и вредной. Единственно плодоносным остается положительное действие.

Вспоминаются слова наших сибиряков, говоривших: “Кто его знает, что делается у вас в столице, а нам строиться нужно. Мы не хотим больше жить в хижинах, нам подавай дома о двух этажах”. Не дух эгоизма, но дух практичного созидательства выявлялся в кооперативах и во всем многообразии сотрудничества. То же поражает нас и во Франции. Даже поверхностный глаз замечает, что во Франции всюду строятся. Давняя французская пословица говорит: “Когда постройка идет, все идет”. Эта народная мудрость прекрасно отмечает основу строительной эпохи.

Благородный проект М. Бриана о штатах Европы относится к тому же созидательному духу французского народа. Еще недавно такая мысль была бы названа отвлеченностью. Но теперь она рассматривается как новая возможность международного соглашения вполне реально.

Итак, я вызываю перед собою высокий интеллигентный лик в американской аудитории, творчество Делакруа и строительный дух французского народа. Эта троица в моих глазах выражает культуру, которой мы восхищаемся и на древнейших путях. Очищая эти старые формулы, мы с новыми силами возвращаемся под знак победоносной культуры. И не случайно сейчас, в самых разных странах, различные люди объединяются около великого понятия Культуры. Они стремятся отринуть все условные разделения, они хотят восстановить победоносную победу духа. Тождественны все представления о культуре, так же точно, как понятие честности; так же отлично понимаемо каждым человеческим сердцем и понятие культуры. Мы говорим не о каком-то новом идеализме, не о туманных отвлеченностях, но об ежедневном питании духа.

Ошибочно было бы подставлять под значение культуры цивилизацию или даже прогресс. Цивилизация и прогресс являются только отдельными обстоятельствами культуры. И даже подвиг, как гигиеничное действие, является моментом культуры. Постоянная эволюция собирает все инициативы и отбрасывает всеразлагающее отрицание.

Новые пути открываются в пространство, пути Беспредельности. Но не страшимся мы этой великой Беспредельности, где души наши, наполненные опытом, воссияют улыбкою героизма. Истинно, радостно видеть героизм в основе духа Франции, ибо где жив героизм, там сердце человеческое звучит на призыв Беспредельности.

Также должны мы выразить признательность всем тем, которые дают нам возможность вызвать перед нами еще раз священное начало героизма.

“Пари Пресс”, 1930 г.

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

*Декларация Комитету Французского Общества имени
Рериха в Париже*

Сегодняшний день особенно памятен мне. Ровно тридцать лет тому назад я покидал Париж. Окончив мое художественное образование под руководством Кормона, Пюви де Шаванна, я увозил с собою не только Советы по искусству, но и жизненные советы, которые впоследствии вспоминались не один раз.

Среди замечательных художников, которых я встретил в Париже, часто меня поражало одно качество, которое лишь истинная культура могла дать им. Когда Пюви де Шаванн или Фернанд Кормон выражали суждение об искусстве, они выказывали при этом терпимость, достойную восхищения.

Вспоминаю, как однажды мы с Пюви де Шаванном проходили по большой выставке и можно было удивляться, какие положительные и благожелательные суждения высказывал этот великий мастер. Лишь иногда художник проходил в молчании, это было единственным знаком его неодобрения.

Годы творчества, годы труда и общения с людьми заставляют нас еще глубже оценить светлое качество положительной терпимости,

которое является спутником духа творящего. С годами мы начинаем осознавать, что нетерпимость есть не что иное, как невежество. Лишь знание и опыт, свободные от всех предрассудков, могут созидать строение прочное. Радуюсь сегодня выразить Французскому Комитету нашего Общества мою глубокую дружбу и вместе с Вами обозреть деятельность Комитета.

Изучая деятельность Комитета от начала Общества, мы можем отметить знаки самые благоприятные. Наша общая работа начата во имя единения. Такое единение может быть основано лишь на сердечной симпатии. Эту взаимную расположенность и преданность я вижу в действиях нашего Французского Комитета.

Часто повторяем наш основной девиз: искусство и наука являются устоями грядущей эволюции. Мы настолько понимаем это общее основание, что не будем сейчас повторять о нем. Достаточно будет утвердить воспоминание о наших международных сношениях. В них не только возвышался дух человеческий, но и облагораживался. В течение последних месяцев мы имели много возможностей тесного сотрудничества. В Нью-Йорке была создана французская ассоциация, поддержанная выдающимся представителем Французской Республики Генеральным Консулом Монжендром. Накануне отъезда моего из Нью-Йорка я имел честь открыть это общество. Радостно было видеть, как в этот вечер доблестные знамена Франции объединялись в великолепном созвучии со звездными штандартами Америки.

Приветствие, принесенное нам генеральным консулом Монжендром, профессором “Колледж де Франс” Меллье и другими выдающимися ораторами, создало незабываемую атмосферу сердечности. Единодушные рукоплескания покрыли звуки Марсельезы, еще раз показывая, как глубоко ценят граждане Соединенных Штатов великий французский народ, дружественный и союзный.

Вскоре после этого были основаны разные другие общества — Общество Св. Франциска Ассизского, Центр Спинозы, Общество Шекспира. Во время моего недавнего пребывания я узнал об

образовании Британской Ассоциации Музея и Греческой Группы Оригена. Одновременно же в Южной Америке образовалось двенадцать наших обществ: в Бразилии, Аргентине, Перу, Уругвае, Чили, Боливии, Колумбии и в Мексике.

На прошлой неделе наш Музей имел честь принять президента Колумбийской республики. Следствием этого посещения было основание Колумбийской Ассоциации в Нью-Йорке. Трогательно отметить это единение во имя красоты и блага. Возвращаясь к деятельности Французского Общества, мы должны отметить те широкие возможности, которые так естественно встают перед нами. Каждая манифестация, каждая лекция и концерт подтверждают это. Лекции о французском искусстве и концерты старинной музыки Казадезюс доказывают успех этих общений. В нашем музее за протекающий год мы имели возможность дать целый ряд художественных и научных выявлений по разным отраслям творчества.

Я очень ценю, когда французские авторы и художники посещают Соединенные Штаты и показывают нам успехи французского искусства и литературы.

Я уверен, что французские власти создадут и для выступления Америки во Франции благоприятные условия. Могут быть созданы значительные фильмы, посвященные историческим памятникам и подвигам французского народа. Тут же могут быть показаны живописные снимки Америки с ее историческими красотами и живописными индейскими племенами.

Мое настоящее пребывание во Франции отмечено многими знаками, ценными для меня как знаки сердечности и духовного единения. Тринадцатого июня я имел аудиенцию у президента республики, оставившую во мне незабываемое впечатление. Президент в прекрасной форме выразился о значении искусства в государстве, высказал ближайшее знакомство с деятельностью наших учреждений и сердечно затронул струны дружбы и культуры, что так характерно для славной Франции. “У Вас сердце Француза”, — сказал президент, и в этом выражалось обобщающее чувство всех

людей и всех наций, которое приуготовляет человечество к новым возможностям. Так же точно, когда президент республики сказал: “Нет ничего, что противоречило бы союзу Франции и Соединенных Штатов”, — можно было оценить высокую политическую мысль, ведущую к плодотворному миру.

С тем же благожелательством президент очертил положение Азии, чем еще раз показал стремление к миру и к культуре. Г-н президент мне поручил передать всем нашим друзьям чувство высокой благожелательности ко всем нашим культурным задачам. Я был поражен, увидев, насколько президент знает и ценит наши Учреждения в Америке и наше Французское Общество в Париже. Я был счастлив преподнести президенту республики американское издание “Гималаи” и книгу, изданную в Париже со статьями г-жи де Во Фалипо и Г. Г. Шклявера. Выходя после этой многозначительной аудиенции, я думал, что лишь подобные отношения, основанные на культуре, могут создавать лучшие возможности.

Перед нами обязанность поднимать новое поколение, сильное и просвещенное. Только в этом широком понимании государства могут установить сердечное сотрудничество.

Поистине этот день будет памятным для меня, ибо я не только мог оценить высокую отзывчивость президента республики, но также и благородство Франции, где так просвещенно можно обсуждать начала культуры.

Отвечая на мою телеграмму с сообщением об аудиенции, совет нашего Музея, в лице Луи Хорша, телеграфировал мне следующее: “Президент и совет Музея глубоко обрадованы аудиенцией Вашей у президента Французской республики. Президент Думерг всегда высоко нес идеалы великого французского народа в их наиболее высоких устремлениях. Его просвещенное отношение к миру и к культурным задачам наших учреждений всегда сохранится в сердцах наших многочисленных друзей Америки, которые создают ближайший союз Франции и Америки средствами искусства и цивилизации”.

В те же дни я имел приятную возможность встретиться со многими политическими и художественными деятелями Франции. Счастлив записать в анналы наши, что те же чувства обоюдной сердечности сопровождали все эти встречи. Это послужит не только для укрепления настоящих отношений, но поможет сковать блестящие возможности для будущего. Буду рад сообщить эти добрые вести всем нашим сотрудникам в Европе, в двух Америках и в Азии.

Я был глубоко тронут дружественным жестом городского совета Парижа, предоставившего в мое распоряжение для выставки зал Дворца Искусств. Еще не знаю, когда удастся осуществить эту выставку, но во всяком случае приглашение города Парижа записываю среди самых сердечных знаков.

Передаю Вам сегодня два знамени. Одно — Знамя нашего Музея, другое — Знамя Мира для охранения сокровищ искусства и науки. Вы уже знаете, какие множества симпатий мы получаем моему проекту охраны культурных сокровищ.

Счастлив сообщить, что представители держав, собранные в Брюсселе 22 мая в сессии Музейного Комитета Института Интеллектуальной Кооперации Лиги Наций, единодушно подписали этот проект. Проект будет 18 и 22 июля рассмотрен в Комиссии Интеллектуальной Кооперации Лиги Наций и мы надеемся, что впоследствии он будет ратифицирован правительствами. Во всяком случае мы можем чистосердечно утверждать, что Знамя Мира уже входит в жизнь и выявляет бесчисленных друзей и почитателей культуры.

Также передаю Вам и знак нашего Музея. Будем надеяться, что этот знак, этот крест культурной работы, еще более соединит членов наших учреждений, разделенных пространствами, но тесно связанных в духе.

Изучая быстрое развитие деятельности Комитета, полагаю, что в Париже необходимо создать особое помещение, которое явится Европейским Центром наших Учреждений. Кто знает, может быть, это будущее помещение Французского Общества и Европейского

Центра быстро разрастется в целый дом. Устремим эту мысль в пространство. Еще невозможно представить, как составятся средства на это начинание, но если они нужны — они придут. Когда в 1921 году мы начинали Институт Объединенных Искусств в одной комнате, мы не могли себе представить, как сложатся двадцать девять этажей нынешнего здания. Правильность и жизненность мысли сообщает ей качества магнита. Итак, начиная скромно, устремляйте мысль вашу о постройке мощной и победоносной, помня, что свет и благо лучшие союзники. Допустим же мечту, что в городе света, в Париже, когда-то вознесется новь” замок красоты и знания.

Мадам де Во Фалипо, столько делающая для нашего Общества, просила меня дать одну из многих картин для нашего помещения в Париже, что послужит началом отдела нашего Музея во Франции. С удовольствием исполню ее желание, как только приеду в наш Гималайский Институт в Индии.

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что Гималайский Институт вошел в сношение с г-ном Манженом, директором Музея Естественной Истории в Париже, о пожертвовании собрания гималайской флоры. Проф. Манжен с обычным благожелательством выразил радость свою этому дару. Пусть цветы Гималаев окажутся новой гирляндой дружественной связи Франции и Америки.

Еще одно значительное обстоятельство, знаменующее сотрудничество, хочу сказать Вам. Королевская Академия Искусств и Наук в Югославии избрала меня своим почетным членом и пригласила устроить экспедицию для изучения исторических мест Югославии. Письмо президента Академии Мануйловича сообщает о внимании короля Александра к нашим учреждениям и о высокой оценке королем Александром моего искусства. Радуюсь, что это сообщение получено на почве Франции.

С глубоким удовлетворением мы видам нарастающую работу наших обществ, протекающую напряженно, свободно, вне всяких предрассудков. Качество свободы в общественных построениях есть знак широкого сознания. Очень часто полезнейшие вещи

осложняются нелепыми рутинными привычками. Но там, куда проникает энтузиазм, благожелательный и благодетельный, основанный на красоте и знании, там все облегчается.

Если какой-нибудь невежда выступит против деятельности нашей, скажем ему в твердом сознании мы искренни, мы стремимся создать для каждого жизнь более прекрасную и более благородную. Мы ничто не разрушаем, мы создаем. Мы принадлежим к положительным строителям и избегаем всякое отрицание. Не будучи безжизненными пацифистами, мы хотели бы видеть Знамя Мира развевающимся, как эмблему новой счастливой эры. Мы не отвлеченные идеалисты. Наоборот, нам кажется, что тот, кто хочет украсить и облагородить жизнь, тот является настоящим реалистом.

Это устремление к общему благу создает и чувство Прекрасного; дадим же все наши силы для успеха этого нового посева.

Франция, которая мне представляется драгоценною чашею культуры, нам дает прекрасный пример. Как Феникс возрождается из пепла, всегда более могущественный и прекрасный, так и великая, славная Франция после каждого испытания обновляется более мощной на своем пути к прогрессу.

Привет и лучшие чувства Французскому народу и всем нашим дорогим друзьям.

Париж. 21 июня 1930 г.

КООПЕРАЦИЯ

Обращение к Британскому Обществу имени Рериха

Очень рад приветствовать открытие нашего Британского Общества. Не случайно, что это Общество открывается, когда я нахожусь в Лондоне. Этим путем пусть будет выражена Англо-Американская дружелюбность. Еще раз к этому случаю соберем наше воспоминание о Велико-Британии. Для меня Великобритания связана с несколькими ценными воспоминаниями. Как-то я слышал

рассказ, что один иностранец, впервые посетив Вестминстерское Аббатство, упорствовал, что там где-то должна быть одна маленькая комната. Но никто не знал о ее существовании. Посетитель настолько настаивал, что наконец в старых архивах нашли следы этой комнаты, которая постепенно была уничтожена и присоединена к другой и только заложенное окошко напоминало о ее существовании. В 1920 г. во время моей выставки в Галереях Гупиля я встретил много друзей и с удовольствием вспоминаю епископа Бюри, Франка Брянгвина, лорда Гленконнера, леди и сэра Самуель Хор, Хагберг Райта, сэра Сесиль Харкорт Смифа, Альберта Котса, Г. Уэллса и других представителей как официального, так и культурного мира. Вспоминаю, как в то же время мои картины вошли в собрание Музея Виктории и Альберта, а д-р Ионг предлагал мне остаться в Лондоне для совместных работ. Тут же и сэр Томас Бичам и пятисотое представление у Дягилева “Половецкого Стана”.

В течение нашей Центрально-Азиатской Экспедиции мы неоднократно испытывали любезность великобританских консулов. Помню, как майор Гиллен, британский консул в Кашгаре, помог нам, когда экспедиция была задержана даотам Хотана. Вспоминаем и гостеприимство полковника Бэли, британского резидента в Сиккиме.

Вспоминаю, как неожиданно мы встретились с именем королевы Виктории в Тибете. На северных нагорьях в Нагчу мы нашли серебряную монету с изображением в китайском одеянии. Изучая монету, мы были изумлены, узнав несомненное сходство между этой монетой и индийской рупией с изображением королевы Виктории. Это сходство было очень неожиданно, но впоследствии мы узнали, что китайское правительство Юнана, зная, как ценит население индийские рупии с изображением королевы Виктории, отчеканило специальную монету вполне отвечающей индийской рупии, но прибавило китайское одеяние. Это знак популярности.

Вместе с Британским Обществом приветствую и наше Общество имени Шекспира. Очень радуюсь его зарождению, ибо всегда был близок к организациям его почитателей, и среди моих друзей было несколько переводчиков Шекспира на иностранные языки.

Пусть же великое, всеобъединяющее имя углубит нашу дружбу и поможет мирной работе для высоких идеалов человечества.

Мои лучшие пожелания вашей успешной работе.

1930 г.

ПРИВЕТ К ОТКРЫТИЮ БОЛГАРСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Мне сообщили два ваших последних письма, адресованных в Париж и в Нью-Йорк. Благодарю за ваши искренние строки. Именно так мы и должны поступать, служа Великому Свету. Весь мир разбился сейчас на разрушителей и созидателей. Но каждый, кто понимает высокое значение культуры, конечно, будет среди строителей, среди напрягающих энергию, чтобы защитить мир от злобных попыток тьмы. Велико должно быть невежество и слепота тех, кто не может даже отличить Света от тьмы. Вы понимаете, отчего издревле отец тьмы назывался сорителем. Ведь это он засоряет глаза невежд так, чтобы они окончательно не отличали дня от ночи. Я послал вам мою книгу “Цветы Мории” и послал ее во имя Св. Сергия. Устремляйте ваши лучшие порывы к этому великому Заступнику, сеятелю истинного просвещения. Книга “Цветы Мории”, как вы знаете, издана для голодающих. Для духовно голодных! Ибо голод телесный ничто в сравнении с голодом духовным. И ближайшая задача каждого мыслящего во благо — помогать. Ведь лишь помогая, мы получаем. Получаем мы ту великую реальную благодать, о которой предчувствует и знает вся древняя мудрость и которая так реально выражена в истинном Христианстве. Эти два понятия: Благодать и Подвиг, так твердо сказанные по-русски, но не нашедшие себе выражения в некоторых других языках, нужно понимать реально. Приобщаясь к Благодати, следует действительно вносить ее в весь обиход жизни, ибо что же претворяет уродливые будни обихода в красоту? Ведь только эта — великая Благодать, —

какое чудесное слово! Ведь это понятие творит чудеса и самое звероподобное сердце склоняется перед вышним светом, который так же реален, как солнце. Но и мы в каждом нашем светильнике вызываем высокую стихию огненную. Значит, и в каждом сердце может возгореться очищающий пламень всепонимания и вмещения.

Вы пишете о врагах. Они существуют и полезны нам чаще, нежели мы думаем. Ведь они обостряют нашу энергию, они не оставляют нас в покое. И это — благо. Как сказал Преподобный Исаак Сирий: “Когда мы в покое, демоны веселятся, когда мы в трудах, — ангелы радуются”...

Но вы правы, иногда следует сказать врагам: “Не совершайте зла в неведении, ибо всякое зло, как бумеранг, возвращается к метнувшему его”. Я очень сожалею, что какие-то помянутые вами люди в неведении пытаются творить зло. Этим нераспознаванием они только разрушают свои собственные силы. А нераспознавание опять происходит от невежества, от неведения. Недаром издревле невежество считалось худшим из преступлений. Я не люблю слово “мистика” или “оккультизм”, ибо то и другое лишь синонимы незнания. Мы же, как я неоднократно поминал в тех “Путях Благословения”, которые вы читаете, должны стремиться к ясности, к четкости, к правде, в которой распознается великая, светлая Иерархия. Слышу из писем ваших, что вам трудно. И должен сказать, что всем трудно сейчас. И потому все мы можем радоваться тому, что сподобились в трудах призываться к примеру великих трудов самого Святого Сергия. Самого Его, который многократно сносил хулу и даже был покидаем братией, но единственно силою духа оборевал все затруднения и непрестанно строил Лавры Блага, путеводные светочи.

В Америке, как вы знаете, мы строим часовню Преподобного Сергия. Как стражи Блага станут эти знаки на путях накопления опыта. Сколько собратий наших, в рассеянии сущих, накапливают великий опыт и знание, которые поддержат их на благих путях. Я вам послал мою речь о культуре. Будемте все мы думать об этом великом понятии, об этой ступени к свету. Я знаю, что, мысля о

культуре, у вас благостно затрепещет сердце и в ритме этого священного трепета в вас волеются новые несокрушимые силы.

Привет!

22 сентября 1930 г.

ВЕХИ КУЛЬТУРЫ

Германскому Обществу имени Рериха в Берлине

Дорогие друзья!

Для меня было огромною радостью получить здесь среди белых вершин Гималаев ваш привет, избрание и приглашение.

В строках вашего обращения я прочел ту сердечность, которая поистине может согревать культурные начинания. Большая радость видеть, что сердца ваши горят при мысли о культуре и действительно мы должны собрать всю нашу твердость духа, чтобы защитить нахождение культуры, так сейчас пренебрегаемые среди водоворота механической жизни. Мы должны найти лучшие формы взаимных дружеских сношений и обмена творческими достижениями. И когда мы будем знать друг друга, в полном доверии установится и настоящая кооперация, которая осветлит жизнь, нарушенную всякими материальными кризисами. Но если мы знаем духовные ценности и сознаем возможные духовные полезные завоевания, то это уже большая ступень к взаимному пониманию. Охранить достоинство творческой личности, помочь росткам, рожденным в трудах, это есть одна из наших ближайших светлых миссий. Для меня всегда будет радостью получить от вас вести и послать вам и статью мою, и доброе слово, которое, я уверен, будет сердечно обсуждено.

Всегда Вагнер оставался моим любимым композитором и Шиллер и Гете занимали почетное место на моем столе, начиная со школьного времени. И я помню, что мои первые сюжеты со школьных лет были “Ундина” и “Лесной Царь”. И Дюрер и Холбейн оставались всегда для меня как свидетельство мощных достижений

духа. Те же великие традиции искусства мы должны всячески охранять и укоренять в современную жизнь. Иначе, откуда же придет благородство духа? Как же будет расти достоинство человечества? Откуда же снизойдет осознание широкого сотрудничества и взаимное доверие? Все из того же неисчерпаемого источника, светоносного, благословенного творчества. Жизнь преобразается подвигами Культуры. Трудны они во времена узкого материализма, но тем не менее мы знаем, что лишь эти подвиги составляют двигательную силу человечества. Свет един, и поистине международны врата к нему и доступны они для всех искренних искателей света. Темнота допущена лишь на время сна. Но поистине не для сна человечество пытается совершенствовать себя уже миллионы лет.

Не трюизм мыслить и взывать о Culture. Неограниченно в количестве мы должны вкладывать в чашу культуры все лучшие накопления наших сердец. Сказано, что мы сейчас приближаемся к эпохе огня. Какая это чудесная стихия, если мы можем осознать ее и применить благостно. Зажигая светочи духа, разве это не прекрасно сознавать, что и в других странах те же самые светочи сверкают. Это осознание сотрудничества укрепит и воздымет наши устремления. Увидим ли мы этих друзей физическим глазом или почувствуем их в духе сердца нашего, не знаем мы, что более ценно. Главное знать, что чаша Грааля, чаша Культуры неустанно наполняется и в сердечном сотрудничестве наши друзья слагают в нее их лучшие духовные ценности.

И во имя этих ценностей духа шлю вам с белых вершин мой искренний привет и прошу почувствовать, как рад буду встретиться лично, когда придет к этому время.

Гималаи. Декабрь, 1930 г.

ЧАРЫ ФИНЛЯНДИИ

Финскому Обществу имени Рериха

Друзья!

Радуюсь получить ваше славное письмо от 6 октября 1930 г., принесшее мне избрание Почетным Президентом нашего Финского Общества.

Охотно принимаю это избрание, так близкое мне. Сообщите посланнику Финляндии и генеральному консулу мое глубокое сочувствие большой строительной работе, производимой финским народом. Также прошу передать доктору Реландеру, генералу Маннергейму, Аксели Галлен-Каллела, Сааринену и другим моим друзьям в Финляндии мои лучшие чувства. Мы никогда не забываем время, проведенное в имении д-ра Реландера и приветствие от финского правительства, сообщенное мне Аксели Галлен-Каллела к открытию моей выставки в Гельсингфорсе. Я всегда чувствую, что моя картина в Атенеуме является послом моего благожелания Финляндии.

Сердечно вспоминаю я, как в Америке я имел радость приветствовать великого строителя Финляндии Сааринена, создавшего незабываемый стиль в строительстве. Я сказал ему: “Где же тот мост, который делает наши встречи такими дружественными? Где же тот ключ, который открывает наши сердца? И где же те крылья, которые через все препятствия несут нас во имя самого благородного и самого творческого? Прекрасное ведет нас через все мосты. Прекрасное открывает наиболее тяжкие затворы. Прекрасное тклет светоносные крылья и объединяет души человеческие в их стремлении к единому Свету”.

Когда я вспоминаю замечательные музеи искусства, археологии и этнографии, созданные Финляндией, я чувствую, с какою заботою и самопознанием финны собирали свои сокровища. И мы знаем, как глубоки финские корни. Уважаемый финский ученый Тальгрэн

напомнит нам, как глубока древняя культура Финляндии. Истинно, слово Культура близко и легко произносимо на финской земле.

В моей книге “Шамбала” я воздал привет Финляндии в статье, озаглавленной “Гуру — Учитель”.

Однажды в Финляндии на берегах Ладоги я сидел с крестьянским мальчиком. Кто-то, средних лет, прошел мимо, и мой маленький друг вскочил и с искренним почтением снял свою шапочку. Я спросил его: “Кто этот человек?” Необычайно серьезно мальчик ответил: “Это Учитель”. Я снова спросил: “Это ваш Учитель?” — “Нет, — ответил мальчик, — это учитель из соседней школы”. — “И вы знаете его лично?” — “Нет”, — ответил мой юный друг. “Почему же вы его приветствовали так почтительно?” Еще более серьезно малыш ответил: “Потому, что он учитель”.

Истинно, в этом мальчике, снявшем шапку перед учителем, заключено здоровое зерно народа, знающего свое прошлое и сознающего значение слова Созидать.

Когда мы плыли по незабываемым финским озерам, вызывая образы мудрого Вайнемайнена, Айно и Сампо, мы видели и развалины седых замков, и древние храмы и знакомились с такими же древними обычаями, и мы чувствовали так ясно, почему “Калевала” стоит в первом ряду вечных человеческих творений.

Я уверен, что вы, дорогая наша сотрудница Эллен Кеттунен и президент Финского Общества господин Г. Тэслеф, внесете в жизнь Общества те здоровые творческие и героические основы, которыми так богата славная Финляндия.

Лучший привет!

Гималаи. 1930 г.

НАСЛЕДИЕ МАЙЯ

Южно-Американским Обществам имени Рериха

Когда думаем о созидательности, о строении, то не случайно встают перед нами величественные напоминания о Южной Америке.

Не случайно на сокровищах древнейшей культуры теперь расцветают семена новых мирных завоеваний и сооружений. Пан-Америка стоит, как равновесие Азии. Поучительно наблюдать, как на местах древнейших подвигов пышно расцветают новые человеческие достижения. Даже с точки зрения хладнокровной науки мы уже привыкли говорить о токах, о лучах, об эманациях. Эманации культуры поистине удобряют почву и, кто знает, может быть, именно они сообщают настоящий энтузиазм этим созидательным стремлениям. Мне еще не пришлось побывать в вашей прекрасной Америке, но в духе я чувствую физически незримую дружбу и взаимное понимание. Откуда же приходит эта благодать? Кто-то может думать, что в этом сказываются какие-то родовые нити, ибо ветвь нашего рода имеется в Барселоне. Но может быть, общечеловеческое чувство, устремление поиска, созидание сближает все сердца. Может быть, священное чувство подвига в поисках великих решений внедрилось в меня с детства, когда мы охотились в необозримых лесах России, конечно, не с целью убийства, но вникая в тайны природы.

Когда мы изучаем созидание Индии, Китая, Тибета, постоянно наше первое сопоставление бывает с памятниками культуры майя. В моей статье “Радость Искусству” я не мог кончить ее ничем лучшим, нежели ссылкой на древних майя. Это было наидревнейшее и прекраснейшее, что вспомнилось.

Смотрю сейчас на кольцо из Азии с надписью о грядущем веке Майтрейи. Вспоминаю, как одна путешественница, изучавшая развалины Юкатана, признала там эту самую надпись, но в значении Союз Огня. Приближаемся к разрешению этой формулы: наша духовная незримая дружба и взаимная расположенность, не происходит ли она от всепроникающей стихии огненной? В этих благословенных вездесущих огненных струях просветляются и вдохновляются сердца наши и по этим струнам мы распознаем наших истинных друзей и сотрудников.

Не тот же ли самый союз огня вдохновляет созидателей Пан-Америки? И Азия, когда она говорит о благословенной Шамбале, об

Агни-Йоге, об Учении Огня, она знает, что священная сущность Огня может объединять сердца человеческие в прекрасной эволюции.

В марте 1914 года я заключил серию картин, в которых была предчувствована великая война. Теперь я счастлив сказать Пан-Америке пророчества Азии об Агни-Йоге, об Учении Огня в той же концепции, какая была выражена мудростью древнего Юкатана, — Союз Огня.

Опять страница великой правды приходит к нам, и эта истина возвещает необходимость единения всех носителей огня сердца, чтобы просветить мир мирным и прекрасным созиданием. Понятие любви, ставшее холодным и отвлеченным, опять должно сделаться благословенно-действенным, ибо без дел любовь мертва. Но в Новой Эре ничто не мертво, все жизненно, вдохновенно просвещенным трудом и укреплено несломимым энтузиазмом. Когда я слышу прекрасные песни Испании и Южной Америки, я невольно вспоминаю о великом Востоке.

В самом деле, где же эти Восток и Запад? После Азии вы приближаетесь к Греции и чувствуете мудрость того же Востока. Вы приходите в Италию и тот же мудрый романтизм окружает вас. Корсика, Испания — всюду многое от великого Востока. Знамена Фердинанда и Изабеллы близки арабеску. В Новой Мексике, в прекрасных незабываемых местностях вы чувствуете тот же гимн Востока. Вы знаете, что и в Мексике, и в Юкатане, и во всех твердынях Южной Америки вы почувствуете те же созвучия великого романтизма, великого прозрения и мудрости. Я не умаляю ни Запада, ни Юга, ни Севера, ни Востока, ибо в сущности эти разделения и не существуют. Весь мир разделен только в нашем сознании. Но если просветлено это сознание, то в нем возжигается светоч огненного союза и поистине несломим пламенный энтузиазм.

С этим священным Знаменем мы можем достигать страны прекрасные. И можем пробудить сокровища древнейших культур для новых подвигов, для нового великолепия.

На одном из древнейших изображений друидического характера далекой Монголии мы видели в руках каменного гиганта пламенеющую Чашу. Эти зачинатели великих переселений народов тоже помнили о священном пламени. Поистине этот неисчерпаемый светоч открыл им пространство Азии и Европы и за все океаны. Юкатан хранит древнейший завет огня. Во имя этого всеобъединяющего мудрого символа я приветствую вас, мои незримые друзья в Южной Америке.

ГИМАЛАИ

Обращение к Гималайскому Обществу имени Рериха

Дорогая Эстер!

Благодарю за ваше светлое извещение об избрании меня и Елены Ивановны Покровителями основанного вами нашего Гималайского Общества. Вы знаете, что для меня Гималаи являются вершиною мира, не только по высоте, но и по всем благодным многозначительным традициям. Из книг моих вы знаете, что именно нагория Гималаев и Трансгималаев были одним из главных пунктов переселения народов, объединяя этим лучшие стили Запада, выдвигая скифику, напоминая о романском стиле и прочих незабываемых культурных сокровищах.

Я уверен, что вы будете вносить в жизнь Общества всевмещающее, всеобнимающее благодное понимание. Пусть будет единственным врагом вашим лишь жалкий гомункулус — невежество. Все же в пределах знания, в пределах созидательного творчества должны быть друзьями Культуры. Во имя Культуры вы и собираетесь. Во имя этой великой эволюционной основы вы устремляетесь слагать мирное и светлое будущее. Единственно Культура разрешает нагроможденные затруднения человечества, и

никто, кроме гомункулуса, не дерзнет сказать, что излишне или недостойно посвящать себя служению Культуре.

Мы так много работали совместно, что вы, конечно, чувствуете, насколько реально и неотложно строение и защита Культуры. Факты каждого дня говорят, что это не преувеличение, но поистине необходимость, и притом необходимость прекрасная. Во имя этой прекрасной необходимости и действуйте так же благостно, так же самоотверженно и мужественно, как вы, все наши дорогие сотрудники, действовали во всех прочих строительных делах.

Не забудем, что именно на Гималаях создано сказание о Жар-Цвете. Много всемирных сказаний пришло от этих снежных вершин. Мысли о целительных травах, о чудесной пыли метеоров, о магнитных токах и мощных энергиях во благо человечества приведут нас опять к тем же снеговым великанам.

Мировая Сокровищница Духа! Устремление ко Благу, стремление вверх, где же оно так же действенно может проявиться, как не у Высот, на которые еще не ступала нога человеческая? Во имя этих высот укрепляйте всю бодрость духа. Забудьте все размельчающее и умаляющее. Охраняйте сокровища человеческого гения. Воздвигайте неустанно твердыни, где дух человеческий укрепит свои благие достижения. Крепко держите Знамя Мира.

Привет, Вера, Успех!

1 июля 1931 г.

ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

*Обращение к Южно-Африканскому Обществу
имени Рериха*

Давно ли колонии Южной Африки были очень далеки от искусства? Устройство жизни занимало все время, и творчество, постоянный спутник прогресса и расцвета, еще не могло заявить властно о себе. Давно ли мы вообще мало знали и о местном

африканском искусстве, которое сейчас заняло значительное место не только в этнографических отделах музеев, но и в оценках знатоков искусства?

Ближайшие десятилетия необычайно ускорили все земные пути. Шатры богини Культуры значительно передвинулись, и возникли новые очаги, где творчество уже становится желанным гостем. Кто же проживет без этого светоносного гостя? Какое же созидание возможно без башен Красоты, Знания — без всех сокровищ того блага, которое мы называем культурой? Мы уже давно поняли, что одна цивилизация, один белый воротник, гольф и телефон еще не есть устои культуры. Без творчества, без путей эволюции нам нечего и летать, ибо мы будем ставить себе лишь задачи скорости, но не качество приносимых вестей. Признаки прогресса обязывают думать о культуре, ибо без этого мы опять будем попадать в хаос неразрешимых механических проблем. Тем драгоценнее отметить просвещенную инициативу г-на Лагранжа, вдохновленного идеей искусства южно-африканских населений. Все созидательные элементы стремятся к взаимному пониманию. Язык творчества и есть тот общечеловеческий язык, понимаемый сердцем. А что же может быть более светоносно, более взаимопонятно, нежели язык сердца, перед которым все звуковые наречия являются скудными и примитивными? Только творчество во всем его многообразии вносит мирную объединяющую струю во все жизнестроение. И тот, кто, несмотря на окружающие затруднения, стремится по этому пути света, тот выполняет насущную задачу эволюции.

Не можем стоять неподвижно. Или движемся вперед, или постыдно отступаем. А идти вперед — значит творить во всех материалах и возможностях, и делом и мыслью, и вносить творящий свет во все закоулки жизни. У каждого работника культуры может быть лишь один враг, а именно — темный гомункулус невежества. Но заслуженно, даже в древности, невежество считалось худшим из преступлений. Поэтому вполне естественно желание каждого мыслящего человека жить в стране культуры. Но для этого каждый мыслящий человек должен неустанно вносить культурные основы

как в общественную, так и в личную жизнь. Богатство само по себе еще не дает культуры. Но расширение и утончение мышления и чувство красоты дают ту утонченность, то благородство духа, которым и отличается культурный человек. Именно он может строить светлое будущее своей страны. Он понимает священную ответственность и сознает прекрасную необходимость неустанного строительства. И те, кто принесут факелы красоты, те осмыслят жизнь своих близких. Ведь культура, по-своему, есть служение Свету. А Свет — един.

Принимаю избрание Южно-Африканского Общества почетным президентом и шлю мои искренние приветы и уверенность в успешной работе.

**СЛОВО
НА ОСВЯЩЕНИЕ ЧАСОВНИ
СВ. ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ,**

*сооруженной
Сибирским отделом общества
друзей Музея Рериха
в Радонеге, Чураевка, штат Коннектикут*

Святой Сергей — Строитель Русской Духовной Культуры.

Каждое упоминание этого священного имени повелительно зовет всех нас к непрестанному светлому труду, к самоотверженному созиданию и делает из Святого Сергея поистине Преподобного для всех веков и народов. Повторяю, для всех веков и народов, ибо культура духа стоит над всеми границами. И нет такой религии, и нет такого учения, носитель которого не преклонился бы перед образом Преподобного, когда вы расскажете ему о трудах Его.

Ориген заповедал: “Глазами сердца смотри”. Не есть ли это также и заповедь Самого Преподобного, который в пламенной Чаше вознес заповедь сострадания и любви?

Преподобный Исаак Сирий сказал: “Когда мы в покое — демоны веселятся, а когда в трудах — Ангелы радуются”. Этими соангельскими трудами положил Преподобный Сергей краеугольный, нестираемый камень русской духовной культуры, внеся его в сокровищницу мирового почитания.

Имел счастье произносить Имя Преподобного и буддистам, и мусульманам, и евреям, и индусам, огнепоклонникам и почитателям Великого Духа. Было ли при этом хоть одно отрицание или отстранение? Не было, ибо всепрощающая и всевозносящая духовная культура заложена в каждом человеческом сердце. И не мечом, но соотрапезою духовною открывается этот светоносный сосуд благодати.

Случайно ли, что на всех путях сужденных вырастают священные знамена Преподобного? Дивно и чудно видеть, как даже в наше смятенное, отягощенное мраком время всюду возносятся светочи храмов и часовен во Имя Преподобного. В Париже Сергиева Обитель, в Лондоне Сергиева группа учащихся. В Южной Америке Имя Святого Сергия. Под Нью-Йорком мы имеем радость освятить часовню Св. Сергия. В Нью-Йорке, в доме Музея, комната-часовня Преподобного. По Азии раскинуты зачатки часовен и храмов во Имя этого непобедимого Водителя ко Благу. Огромное количество книг, статей и листовок посвящены Преподобному. Всюду благовестит это непобедимое Имя.

Больше того, когда вам приходится встречать людей близких в духе, рано или поздно, но безошибочно вы узнаете от них, что у кого в сердце, а у кого и в образе, носится это священное Имя, так объединяющее, так зовущее от дня вчерашнего перейти к светлому завтра.

Обратите внимание. Преподобный в жизни своей не терялся в искании, но устремленно восходил и строил. Можно сказать, что далеко за пределами Богоискателя он был Богоносцем. Буддисты называют его Боддисатвою, евреи — Израилем, а индусы — Махатмою.

Преподобный приобщался от пламенной Чаши. Преподобному сослужил Пламенный. В этой благодатной пламенности, в этом благом огне творящем дошел до нас облик Святого Сергия. И пламенны были видения Ему Владычицы!

Познающий Пламень Сердца навсегда связан с Обликом Преподобного. Это великое познание, редко сходящая благодать навсегда соединили Имя Преподобного с представлением о всезнании. “Преподобный знает” — так запомнил народ. “Преподобный знает, когда спасти” — “Преподобный знает, когда явиться” — “Преподобный знает, когда помочь” — “Преподобный знает, чье сердце доступно благодати” — “Преподобный знает где нет неверия и предательства” — “Преподобный знает, где искренний дар”.

Во всех встречах о имени Преподобного приходим к тому же понятию о непреложности знания Его, о мудрости подвига Его. В этом схождении на понятии знания, культуры, мы найдем спасение общее. Чем же иначе заменим мы разрушительное отрицание, неверие, легкомыслие, предательство вольное или невольное!

В осознании прекрасной благодати только и мыслимо схождение. Человечество устало от разрушений и смятений, выдувающих пламень сердца. Чудесно является перед нами великое Имя Водителя, с которым неразрывно связано и знание, и строительство, сострадание и неутомимая твердость. Да поможет нам Преподобный стать посильными пособниками Ему в Его неутомимых великих трудах, и зримых и незримых, и сказанных и несказанных! Несказанных, во всей своей невыразимости условным языком человеческим, но по счастью, кроме языка словесного, человечеству дан и язык сердца.

В этом языке пламенном, в огне сердца, сойдемся мы и, забыв темноту дня вчерашнего, устремимся совместно к Свету.

Свет один, также, как и тьма одна, и при внесении света тьма рассеивается.

Да поможет нам Преподобный приобщиться к великому единому Свету.

ЗОВ О КУЛЬТУРЕ

*Обращение на учредительном собрании
Комитета Общества Друзей Культуры
Париж, 5 июля 1930 года*

Понятие *Культура*, по значению самого корня своего, устремляет к самоотверженному изучению, познанию и наслоению всех исканий, возвышающих сознание. Самое огрубелое сердце затруднится отринуть благородную красоту культуры, созданную безбоязненными подвигами духа. Можно расходиться в путях цивилизации, можно спорить о признаках прогресса, но невозможно не учуять понятие Культуры, сокровищницы всего возвышающего, путевого столба истинной эволюции. Каждый живущий и мыслящий понимает также и ответственность свою перед сложением светлого будущего.

В трепете исканий доходим до живого синтеза, чтобы сносить воедино разнообразные накопления и, после вражды невежества, опять оценить терпимость и соизмеримость, сложенную знанием.

Не казалось ли иногда, в буднях смятения и неустройства, что в мелочах подразделений, в серых нагромождениях исчез Свет Единый, ведущий, прощающий и обновляющий?

Но час особого смятения пены высекает гребень волны. Многообразно начинают собираться сведения о том, что в самых неожиданных углах творятся полезные достижения. Издалека доносится зов, в котором бодро звучит светлое слово “Культура”. И работники всех отраслей оборачиваются и улыбаются этому мирному и ответственному призыву. Все созидающее и трудящееся, умеряя голос неверия и осуждения, начинает приближаться взаимно, зная, что достоинство Культуры убережет от оскорбления; зная, что огонь духа, которым живо сердце, поможет достичь сознания ближнего и оправдает все самоотверженное и созидательное.

Безмерно надоело разрушение! По признаку созидания и Культуры начали собираться. В Нью-Йорке, в марте этого года, создано Общество Друзей Культуры и немедленно к основе начали прирастать в разных странах отделы.

Без особых оповещений начали притекать драгоценные сведения о работе неоглашенной, созидательной, вдохновляющей. Сколько многостороннего опыта накапливается, сколько прилагается незаменимого труда, дающего мировые понимания.

Разнообразны подробности уставов и правил отдельных ветвей общества, примененные к основному занятию и устремлению группы, но от этого нисколько не потрясается основное, всесвязующее понятие.

“Если можем встречаться во имя ценности Культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя Культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению — значит уже двигаться по пути к победе”.

Радостна была возможность ответить на обращение учредителей Общества Друзей Культуры 4 апреля так:

Друзья!

Как радостно соединить драгоценное понятие Друг с понятием Культуры. Среди всех, часто необоримых, сложностей современной жизни понятие Культуры высится, как несокрушимая Башня, как тот великий Мост, по которому мы достигнем берег прекрасный.

В разных частях света, в разных состояниях и в разных устремлениях мы находим то же зовущее, обобщающее понятие Культуры. Если нечто должно быть забыто — оно легко может быть забыто во имя Культуры. Если нечто должно быть создано — оно легче всего может быть создано во имя того же понятия света. Этот свет не отвлеченный, но свет реальности, как само Солнце согревает сердце человеческое и от прошедшего обращает нас лишь к будущему.

Изучая основы Культуры, мы видим, что немое ограниченное “нет” было лишь губительным, тогда как светлое, готовое к подвигу и созидательному труду “да” создало целые великие эпохи.

В новых открытиях современности много дано человечеству. Люди полетели, растворяя условные границы. Но с какою же вестью? Люди послали свой голос через безбрежные пространства, но каков этот зов? Мы имеем право совершенствоваться Прекрасные открытия лишь во имя Культуры. Мы имеем право облегченно создавать лишь во имя великой будущей Культуры. И нет такого черствого человеческого сердца, которое бы не смягчилось перед понятием Культуры.

Рад принять Ваше избрание, ибо каждый должен принести свою каплю в чашу достижений светлого будущего.

Собирайтесь в культурно-трудовые организации в разных странах и разных частях света в крепком деловом общении. Протягивайте через все океаны и через все горы мужественную руку, знающую радость труда и сотрудничества. Еще раз укрепимся в сознании, что ограниченное “я” уступает перед мощным “мы”, и эти “мы” во имя просветительного подвига, во имя оздоровления, укрепления и украшения жизни не остановятся перед просветленным трудом. Если праздник труда не в бездействии, то во время этого будущего праздника позволено будет подняться на гору и оттуда увидеть бесчисленные нити, действительно соединяющие человечество во имя прекрасного Строительства.

Поистине радостно сознание, что объединение именем Культуры из абстракции облеклось в дело и зовом своим напоминает и воодушевляет созидательный труд.

Сколько духовных единений! Сколько рассыпанных по всем материкам научных и художественных начинаний! Сколько рабочих мастерских и инженерных предприятий! Сколько соколиных спортивных ячеек будут объединены и укреплены.

Сколько кооперативных и финансовых дерзаний будут осмыслены тем же благородным созидательным зовом “Культура”.

Сколько новых открытий, сколько побед над хаосом стихий, сколько неустанного творчества вспыхивает там, где растет бодрое достоинство Культуры.

Да живет живущее! Общество друзей культуры уже живет и укрепляется неожиданными далекими друзьями. И будет жить, и будет широко творить благо это общество, ибо сроки пришли.

Привет!

МИР ВСЕМУ ЖИВУЩЕМУ

Обращение к Обществу Маха-Бодхи в Калькутте

Радостно послать привет Обществу Маха-Бодхи. С исключительною изысканностью и заботливостью это Общество продолжает свою благородную работу. Все обращения Основателя его и Водителя Анагарика Дармапалы наполнены такою преданностью и состраданием, которые вызывают в сердцах самые ценные отзвуки. Трогая сердце, эту державу Света, мы прикасаемся к истинному сокровищу. Истинный ученик может быть явлен широко понимающим, всевмещающим и всестрадающим. С лучшими чувствами я вспоминаю встречи с главами буддийского мира. Храню, как драгоценный знак, весть, посланную мне от одного из лидеров буддизма в Японии архиепископа Ногучи, и от Таши-Ламы Тибета. Старший Служитель храма в Канди, среди благоухающего Цейлона, пишет на пальмовом листе трогательное обращение к Западу, полное мирных зовов. Так же мирно звучат приветы высоких лам Монголии, Тибета и Сиккима.

Истинно, Мир всему живущему!

В этот памятный день много замечательных и прекрасных текстов вспоминается. С уважением мы можем представить, как многие народы в тот день приносят дань уважения великому понятию Будды.

После многих тысяч томов, посвященных этому возвышенному Учению, мы лишь убеждаемся, как проста истина; так проста, что

может быть записана на ладони. Любовь, труд, самосовершенствование, неустанное благородное действие, — вот в чем зов Великого Льва.

Палийские Сутры содержат много прекрасных определений Будды, который установил благословенный Золотой Путь. “Он — Водитель каравана, Он — Основатель, Он — Учитель, Он — Наставник людей. Он — Владыка Колеса Благословенного Закона. Он — Лев Закона. Он — чудесный Целитель. Почитаемый Готама-Пахарь и поле — Его Бессмертие. Он — Свет Мира. Он — Освободитель”. Так говорят Бодхичариаватара и Сутта Нипата. Когда недостойный член Общины покидал Учение, Будда мудро замечал: “Теперь зерно отделилось от мякины”. И опять неустанно Он продолжал пашню на полях человеческого духа.

Во имя доблестного творческого труда мы шлем наше почитание к этому Великому Дню.

Нью-Йорк. 8 мая 1930 г.

ЛАТВИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ ИМЕНИ РЕРИХА

Когда я вспоминаю Латвию и Ригу, передо мною встает целый ряд незабываемых светлых впечатлений. Я помню, как во время нашей поездки по священным местам, мы вошли в великолепный Собор Петра, где мощно лились звуки органа. Мне не пришлось узнать, кто был этот выдающийся органист, который, подобно Себастьяну Баху, изливал свое божественное вдохновение, мощно наполняя исторические своды влекущими ввысь и возвышающими аккордами. Мы ходили неоднократно в определенные часы слушать и приобщаться к этой молитве Духа. И в нашем обиходе Рига так и осталась прежде всего одухотворенной величественным Собором. Именно теперь, когда религия вновь из абстракции делается такой живой и насущной, особенно драгоценно, если можно начать воспоминание с неувядаемой памяти Храма.

Под тем же знаком сердечности прошли и все остальные встречи в Латвии, прошлое которой так насыщено необыкновенными памятниками, начиная с тонких образцов каменного и бронзового веков. Несколько прекрасных экземпляров древности этих первых насельников Латвии тогда же украсили мое собрание. Дед мой жил в Риге, и многие из сотрудников моих, на разных поприщах, принадлежали Латвии. Сердечно стоит в моем представлении фигура Яна Розенталя, полная истинного и высокого драматизма. Всегда тепло вспоминаю Вильгельма Пурвита, теперь справедливо занявшего такое первенствующее место в латвийском искусстве. Меня с ним связывает и память о нашем общем учителе Куинджи, умевшем объединить в своей гостеприимной мастерской под знаком служения искусству самые разнообразные индивидуальности и народности. Вспоминаю и моего бывшего ученика, теперь крупного культурного деятеля Латвии — Альберта Пранде.

И сейчас среди цветущих деревьев и снеговых вершин Гималаев мы постоянно вспоминаем Латвию под знаком ее языка, так родственного санскриту. Само имя Бога — тождественно и в санскрите и в языке Латвии. Какая многозначительность есть в этом светлом наследии наречий. Как мощно обязывает оно внимательно относиться друг к другу, вспоминая о ведущих корнях. После всех таких воспоминаний вы чувствуете, почему мне доставляет такую радость писать вам это и знать, что круг наших культурных обществ имеет свою ветвь также и в Латвии.

Радостно, что под этим новым древом сошлись разные элементы, для которых священно понятие истинной культуры. Среди узко материальных увлечений часто потухает светоч духа и тем самым заглушается самое великое понятие народа — Культура. Но культура имеет два корня — первый друидический, второй восточный. Культ-Ур — значит Почитание Света. И во имя этого непотушимого великого Света вы будете сходиться, взаимно осветлять друг друга и нести духовную помощь молодым сердцам, ищущим в каждодневной работе совершенствование. Мы не будем бояться ни этой работы, ни каждодневности. В них закаляется Дух и укрепляется великое и

непобедимое осознание Света. И посвящая себя творческому неустанному труду, мы также постигнем мудрый завет, что в каждом препятствии заключена также и возможность. Этим же светлым заветом мы изгоним и всякий подавляющий вдохновение страх.

Будем стремиться к Свету и будем радостно обмениваться светлыми накоплениями искусства и знания — этих устоев Культуры.

Уверен, что под просвещенным руководством Председателя д-ра Ф. Лукина Общество в Латвии будет расти и преуспевать.

Духом с вами.

Гималаи. 4 марта 1931 г.

ОБЩЕСТВУ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В какой стране предпочтете жить? — Конечно, в стране Культуры.

Ваши лучшие помыслы чему вы принесете? — Культуре.

Чему вы посвятите ваши просвещенные труды? — Конечно, Культуре.

Чем вы обновите ваше сознание? — Победным светом Культуры.

Не потрясатели ли вы? — В постоянных трудах мы не имеем времени для потрясений. Мы строим. В положительном утверждении и познании мы стремимся улучшить и украсить жизнь земную.

Так скажут светоносцы культуры на все вопросы со стороны и просто незнающих или в основе невежественных или завидующих о свете. Познающий священные устои культуры оценивает и великий единый Свет. Убеждается в Иерархии Блага, вне которой нет созидательного пути.

Служащий культуре перестает быть мечтателем, но делается воплощением высочайшей и светлейшей мечты в жизни. Ибо что же может быть светлее и величественнее, как не служение и осознание светлых элементов, под сенью которых создались великие народы.

Всячески нужно укрепить сознание, что мысли о культуре не отвлеченность, но созидательное утверждение. Понявший положительные красоты культуры не останется во сне, не останется бездеятельным вне созидания. Нет, этот познавший без промедления внесет свою лепту стройного сознательного труда. Работник культуры поймет истинное сотрудничество, ту живую доброжелательную кооперацию, которою даже малые дела растут. Расширивший свое сознание понятием Культуры поймет и сотрудников своих, ибо не подавлять, но мудро применять будет он сокровища человеческого опыта. И неустрашим будет познавший культуру, ибо взглянувши глазом верхним и добрым он увидит, что страх есть принадлежность тьмы. Вне суеверий и предрассудков служитель культуры понимает, что единственная радость мыслящего человека в непрестанном труде, в творении, ибо все сущее может быть творимо прекрасно. Познающий ценность культуры начинает ценить качество мысли и научается мудро применять эту величайшую творческую мощь. Из обихода светоносца культуры уходит осуждение, клеветнические пересуды и говорение о том, чего не знаешь. Какой это страшный бич невежественности — говорить о том, чего не знаешь. И как многие, казалось бы цивилизованные люди, грешат этим. Носитель культуры ясно почувствует всю разницу между основами духовной культурности и наносною материалистическою цивилизацией.

Оценивая светлые накопления народов, служитель культуры разберется в случайном переходящем и истинно живущем. Понимая великую ответственность Бытия человеческого, светоносец культуры вносит как в мысли свои, так и в деятельность высокое качество работы. Он разумно испытует чудесные силы природы, памятуя, что решительно все существующее может быть целебно приложено во Благо. Во имя этого Блага и Света вы найдете в себе тот драгоценный язык сердца, словарь которого гораздо полнее и прекраснее словарей нашего языка. Какую убедительность вносит с собою язык сердца и как перед его победными заветами распадаются самые мрачные врата лжи и невежественности. Действительно убеждаемся, что ложь

глупа и недействительна, ибо в духе никакая ложь не скроется. Мудрость в явном, от которого ни в каком духовном и телесном состоянии мы не откажемся. И не солгать в державе культуры. Нельзя стоять на одной точке; можно лишь идти вперед или отступать. Но знамена истинной культуры не знают отступления. Не знают светоносцы разочарования, ибо магнит света велик.

Великие народы, во имя чье вы собирались, под знаком которых будете изучать их творческие наследия, в истории своих великих передвижений дают нам поучительные примеры. Встретимся и с героизмом, и с самоотречением и с мученичеством за свет и с благородными подвигами созидания. Эти открытия не отяготят изучающих, наоборот, они вдохновят их к такому же неустанному труду. Великие переселения народов не случайность. Не может быть случайностей в мировых постоянных явлениях. Этою особенностью закаляются наиболее живые силы народов. В соприкосновении с новыми соседями расширяется сознание и куются формы новых рас. Потому живая передвигаемость есть один из признаков мудрости.

В глубинах Азии — этой колыбели всех духовных и созидательных движений — в давние времена передвижение рассматривалось как завершение образования. Еще и теперь мы встречаем остатки преданий о том же просвещенном начале. В тех же далеких краях подарок книгою или священными предметами считается высшим признаком благородного духа. Великие переселенцы уносили с собою такие же замечательные заветы и по пути своем создавали великие стили искусства и жизни. Вспомним хотя бы об Аланских наследиях и о прекрасном романском стиле. Вспомним характер монастырей, как в славянских землях, так и азиатских окраин. Без удивления вспомним, что рукоятки мечей Гималайских нагорий и фибулы их находятся как на Кавказе, так и в южнорусских степях, и рассеяны по Европе. На фибулах, на нагрудных пряжках этих встречаем многие изображения, ставшие символами целых народностей. Пусть и на нашей нагрудной фибуле будет написано слово Культура. Теми же общепонятными зовущими знаками. И каждый светоносец культуры пусть помнит о всех

светлых наследиях и о высокой ответственности за качество его творческой работы. Не будем думать о роскоши. Культура и Красота — в Знании. Не нужны чрезмерные богатства для того, чтобы обмениваться и взаимно укрепляться языком сердца.

Верю в несокрушимость общих созиданий наших. Во имя Света и Сердца, во имя Красоты и Знания, во имя живых устоев эволюции приветствую вас от белоснежных высот Гималаев.

Гималаи. 1931 г.

СОКРОВИЩЕ ДОМА

*Обращение к Конвенции библиотекарей в Нью-Йорке,
1930*

Каждый библиотекарь является другом и художника и ученого. Библиотекарь — первый вестник Красоты и Знания. Ведь это он открывает Врата и из мертвых полок добывает сокровенное слово для просвещения ищущего духа. Никакие каталоги, никакие описания не заменят библиотекаря. Любящее слово и опытная рука производят истинное чудо просвещения. Мы настаиваем, что Красота и Знание являются основами всей культуры и именно они меняют всю историю человечества. Это не мечтание. Мы можем проследить это от первых страниц истории. Несомненные факты говорят нам, как от первобытных времен весь прогресс, все счастье, все просвещение человечества слагалось красотой и знанием.

Мы говорим это в то время, когда миллионы книг печатаются и ежегодно фонтаны печатных страниц замерзают, подобно снежным горам. В этом лабиринте бумажных ледников снежная слепота может поразить неопытного путника. Но зорек библиотекарь, как истинный хранитель Знания. Он знает, как провести ладью искателя через волны безбрежного печатного океана.

Библиотека существует не только, чтобы распространять знание. Каждая библиотека сущностью своею поощряет приносить знание и в дом. Возможно ли представить себе просвещенный дом и очаг без

книг? Если вы возьмете даже очень древние изображения внутренности дома, вы найдете в них и произведения искусства и книги. Вы заметите, что эти старинные книги защищены прекрасными переплетами, и представляли из себя истинное сокровище. Это было не потому, что библиотеки тогда не существовали. Книгохранилища существовали во все века, со времени рукописного знака. Но дух человеческий всегда чувствовал, что знание может быть приобретено не только в общественных местах, но закрепление знания происходит именно в тишине дома. Часто мы носим с собою наиболее священное Изображение и книги. Они являются нашими бессменными друзьями и водителями. Мы отлично знаем, что истинная книга не может быть прочтена лишь однажды. Как магические знаки, истина и красота книги впитываются постепенно. И мы не знаем ни дня, ни часа, когда мы бы не нуждались в Завете Знания. И мы проверяем рост сознания нашего на этих верных друзьях. Итак, книгохранилище — это первые врата просвещения. Но истинное восхождение знания совершается в часы молчания, в одиночестве, когда мы можем сосредоточить всю нашу познавательную сущность на истинном значении писаний.

Книги являются истинными друзьями человечества. Каждое мыслящее существо обязано иметь эти благородные ценности. На Востоке, на этом мудром Востоке, книга является наиболее ценным даром и тот, кто дарит книгу, является благородным человеком. В течение пяти лет путешествия по Азии мы видели многие книгохранилища в монастырях, в каждом храме, в каждой разрушенной китайской дозорной башне. Всюду, и явно и тайно, хранятся сокровища замечательных Учений, жизнеописаний, научных трактатов и словарей. Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: “Книги суть реки, наполняющие благодатью всю Вселенную”. И теперь, когда в пустыне или в горах вы видите одинокого путника, часто в его заплечном мешке найдется и книга. Вы можете отнять у него остальное имущество, но за книгу он будет сражаться, ибо он считает ее истинным сокровищем. Итак,

приветствую вас как хранителей истинных сокровищ. Будем собирать и беречь их как благороднейший знак нашего дома.

Нью-Йорк. 1930 г.

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ

*Обращение в аудитории Ваннамэкера на собрании
Лиги Композиторов, Нью-Йорк, 1930*

Много лет тому назад у меня была картина “Задумывают Одежду”. В этой картине были выражены первые мысли женщины об одежде, первые орнаменты, первые руны украшения. Удивительно было сознавать, насколько эти первичные орнаменты были сходны с украшениями наших дней.

Вы, конечно, знаете, что сейчас в Париже в большой моде скифское искусство, которое многие авторы считают предтечей кубизма.

В 1922, в Чикаго, во время постановки “Снегурочки” мастерские Маршала Фильда произвели интересный опыт; построив современные костюмы на орнаментах или линиях доисторических славянских одеяний. Поучительно было видеть, насколько многие современные формы естественно слились с древнейшими орнаментами.

В связи с сопоставлением древнейшего и новейшего, вспоминаю, как в Тибете нам приходилось показывать изображения небоскребов, и можно было наблюдать, как народ, видевший их впервые, принимал их с полным пониманием, сравнивая с семнадцатью этажами знаменитой Поталы — дворца Далай-ламы. И не только по высоте принимал народ небоскребы, но он оценивал и сходство самого существа постройки со своими древнейшими зданиями. Так опять мы могли видеть, как самая древняя и самая современная мысль созвучат.

В дневнике моем имеется страница, посвященная первой постановке “Священной Весны” в Париже, в 1913 году.

“Восемнадцать лет прошло с тех пор, как мы со Стравинским сидели в Талашкине, у княгини Тенишевой в расписном Малютинском домике и вырабатывали основу “Священной Весны”. Княгиня просила нас написать на балках этого сказочного домика что-нибудь на память из “Весны”. Вероятно, и теперь какие-то фрагменты наших надписаний остаются на цветной балке. Но знают ли теперешние обитатели этого дома, что и почему написано там?”

Хорошее было время, когда строился Храм Святого Духа и заканчивались картины “Человечьи Праотцы”, “Древо Преблагое Врагам Озлобление” и эскизы “Царицы Небесной”. Холмы Смоленские, белые березы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобные чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном Пастухе Леле и Купаве, или, как сказал бы индус, — о Кришне и Гопи. Нельзя не отметить, что сыны Востока совершенно определенно узнавали в образе Леля и Купавы великого Кришну и Гопи. В этих вечных понятиях опять сплеталась мудрость Востока с лучшими изображениями Запада. С полным сознанием я говорил в Индии на вопрос о разнице Востока и Запада: “Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают”.

Пришла война, Стравинский оказался за границей. Слышно было, что мои эскизы к “Весне” были уничтожены в его галицийском имении. Была уничтожена и “Ункара”. Многое прошло, но вечное остается. В течение этих лет мы наблюдали, как в Азии еще звучат вечные ритмы “Весны Священной”. Мы слышали, как в священных горах и пустынях звучали песни, сложенные не для людей, но для самой Великой Пустыни. Монгол, певец, отказывался повторить случайно услышанную прекрасную песню, потому что он поет лишь для Великой Пустыни. И мы вспоминали Стравинского, как он влагал в симфонию “Весны” великие ритмы человеческих устремлений. Затем в Кашмире мы наблюдали величественный Праздник Весны с фантастическими танцами факелов. И опять мы восклицали, в восторге вспоминая Стравинского.

Когда в горных монастырях мы слышали гремящие гигантские трубы и восхищались фантастикой священных танцев, полных

символических ритмов, опять имена Стравинского, Стоковского, Прокофьева приходили на ум.

Когда в Сиккиме мы присутствовали на празднествах в честь великой Канченджанги, мы чувствовали то же единение с вечным стремлением к возвышенному, которое создало прекрасный поэтический облик Шивы, испившего яд мира во спасение человечества. Чувствовались все великие Искупители и Герои и Творцы человеческих восхождений.

Тогда уже “Весна” была признана всюду и никакие предрассудки и суеверия не боролись против неё. Но нельзя не вспомнить, как во время первого представления в Париже, в мае 1913 года, весь театр свистел и ревел, так что даже заглушал оркестр. Кто знает, может быть, в этот момент они в душе ликовали, выражая это чувство, как самые примитивные народы. Но, должен сказать, эта дикая примитивность не имела ничего общего с изысканною примитивностью наших предков, для кого ритм, священный символ и утонченность движения были величайшими и священнейшими понятиями.

Думалось, неужели тысячи лет должны пройти, чтобы увидеть, как люди могут стать условными и насколько предрассудки и суеверия еще могут жить в наше, казалось бы, цивилизованное время. С трудом понимают люди, как честно приближаться к действительности. Жалкое самомнение и невежественная условность легко могут затемнять и скрывать великую действительность. Но для меня является драгоценным знаком засвидетельствовать, что в течение десяти лет моей работы в Америке я не почувствовал дешевого шовинизма или ханжества. Может быть, новая комбинация наций охраняет Америку от ядовитой мелочности. А наследие великой культуры майя и ацтеков дает героическую основу широким движениям этой страны. Поистине, здесь, в Америке, вы не должны быть отрицателем. Так много прекрасного возможно здесь, и мы можем сохранить нашу положительность и восприимчивость. Можно чувствовать наэлектризованность, насыщенность энергии этой

страны; в этой энергии мы можем осознавать положительные элементы жизни.

Созидательное устремление духа, радость прекрасным законам природы и героическое самопожертвование, конечно, являются основными чувствованиями “Весны Священной”. Мы не можем принимать “Весну” только как русскую или как славянскую... Она гораздо более древняя, она общечеловечна.

Это вечный праздник души. Это восхищение любви и самопожертвования, не под ножом свирепой условщины, но в восхищении духа, в слиянии нашего земного существования с Вышним.

На расписной балке Тенишевского дома записаны руны “Весны”. Княгиня Тенишева, преданная собирательница и создательница многого незабываемого, уже ушла. Нижинский уже более не с нами, и уже Дягилев творит по-новому в духовных сферах.

И все же “Весна Священная” нова и молодежь принимает “Весну” как новое понятие. Может быть, вечная новизна “Весны” в том, что священность Весны вечна, и любовь вечна, и самопожертвование вечно. Так, в этом вечном обновленном понимании, Стравинский касается вечного в музыке. Он был нов, потому что прикоснулся к будущему, как Великий Змий в кольце касается Прошлого.

И волшебник созвучий, наш друг Стоковский, тонко чувствует истину и красоту. Чудесно, как жрец древности, он оживляет в жизни священный лад, соединяющий великое прошлое с будущим.

Правда, прекрасен в Кашмире праздник огней! Прекрасны гигантские трубы горных монастырей! Из-за Канченджанги началось великое переселение, несение вечной “Священной Весны”!

Мы знаем, насколько нежелательно одно распространение без утончения. Везде, где мы видим распространение без утончения, везде оно выражается в жестокости и грубости. Отчего погибли великаны? Конечно, потому, что рост их был несравним с утонченностью.

Не забудем и другое. Вспомним, когда в 1921 году в Аризоне я показывал фотографии монголов местным индейцам, они восклицали: “Они ведь индейцы! Они наши братья!” И так же точно, когда затем в Монголии я показывал монголам изображения американских индейцев в Санта-Фе, они узнавали в них своих ближайших родственников. Они поведали замечательную сказку: “В давние времена жили два брата. Но повернулся Огненный Змий и раскололась Земля и с тех пор разлучились родные. Но вечно ждут они весть о брате и знают, что близко время, когда Огненная Птица принесет им эту желанную весть”. Так, в простых словах от древнейших времен, люди устремляются в будущее.

Когда вы в Азии, вы можете видеть вокруг себя многое замечательное, что в условиях колыбели народов совершенно не кажется сверхъестественным. Вы легко встречаетесь с великими проблемами, заключенными в прекрасные символы. Мы всегда мечтаем иметь театр в жизни. В Азии вы имеете его ежедневно. В Монголии, во время многодневных священных торжеств, вы видите и замечательные танцы, и глубокую символику. В пустынях перед вами несут древние знамена и священные изображения в оправе тысячи народа, в громе трубном, в прекрасных красках костюмов и горных сверканий. И все это является выражением жизни. Если вы допущены принять участие в этой жизни, вы видите, насколько она сливается с природою; очень ценно это ощущение.

Во время священных танцев вы вспомните множества прекрасных сказаний, сотканных вокруг искусства и музыки Востока. В Тибете вы услышите, почему так величественны трубы и так мощен их звук. Вам скажут: “Однажды Властитель Тибета пригласил для очищения Учения великого Учителя Индии. Поднялся вопрос, как необычно встретить этого великого гостя. Невозможно встретить духовного Учителя золотом, серебром и драгоценными камнями. Но Лама имел видение и указал Властителю соорудить особые гигантские трубы, чтобы встретить Учителя особыми новыми звуками”. — Разве это прекрасное почитание звука как такового не напоминает вам искание современных композиторов?

Вспомните орнаменты и рисунки американских индейцев в их старых становищах. Эти рисунки полны замечательного значения и напоминают о необыкновенной древности своей, ведя ко временам единого языка. Так, наблюдая и объединяя национальные символы, мы выясняем историческое значение чистого рисунка. В этом первичном начертании вы видите мысли о космогонии, о символах природы. В радуге, в молнии, в облаках вы видите всю историю устремлений к прекрасному. Эти начертания объединят давно разъединенное сознание народов; они те же, как и в Аризоне, так и в Монголии, так и в Сибири. Те же начертания, как на скалах Тибета и Ладака, так и на камнях Кавказа, Венгрии и Норвегии.

Эти обобщающие осознания должны быть особенно ценны теперь, когда так обострено стремление к эволюции. Человечество устремляется освободиться от старых форм и создать что-то новое. Но, чтобы создать что-то новое, мы раньше должны знать все древние источники. Только тогда мы можем мечтать об Озарении жизни.

ТВОРЯЩАЯ МЫСЛЬ

Обращение к студентам Ховарда Джайльса

Когда я вхожу в мастерскую во время работы и вижу, как мой друг Джайльс вдохновляет учеников, я всегда радуюсь в сердце своем. Знаю, что ученики получают настоящий совет. Они слышат об основных законах, которые в глубине всего Бытия. Я чувствую присутствие мысли творящей. А там, где явлена мысль творящая, там нет страха за будущее. Говоря о мыслях творящих, я не имею в виду тенденцию, описательную историю, сухой сюжет. Я представляю себе великолепный творческий синтез. Эволюция наша неизбежно приближается к благословенному синтезу. Имею в виду неограниченную творческую мысль, которая в прекрасных формах и красках творит крылья человечества. Эта творящая мысль, украшенная всеми основами, всеми красотами созидательных

законов, ведет человечество в высь, prepares его к принятию эволюции, и от меньшего сердца до сердца государства и части Света устанавливает великое понятие Прекрасного, которое в существе своем свойственно всем векам и народам.

Из этого чувства Прекрасного рождается и благородство духа, постоянное творчество, героизм и подвиг. Из того же источника истекает и оптимизм, так необходимый, ибо каждое отрицание не творяще.

Все человечество разделено на “да” и “нет”. Мы же пребудем всегда с теми, в природе которых звенит открытое светлое “да”. Берегитесь утверждать “Я” и “нет”.

Поистине, каждый свидетельствует о себе. В тайных мыслях он оформляет будущее действие. Лжец боится быть обманутым. Предатель в сердце своем особенно страшится измены. Невер в сердце своем трепещет от сомнения. Героическое сердце не знает страха. Да, мысль управляет миром. Прекрасно сознавать, что прежде всего мы ответственны за наши мысли.

Часто мы твердим слово “мысль”. Мы лепечем его во время обедов и ужинов. Мы не скупимся на него в припадке подозрения и злобы. Мы механически бормочем это слово даже тогда, когда мы не имеем в себе определенной мысли. Если бы мы могли осознать, что повторяя это священное слово, мы произносим формулу величайшей мощи! Но редко мы признаем динамическую силу мысли; так же редко мы можем обуздывать ее и направлять по правильным руслам. Малые и отвратительные мысли часто летают в нашей ауре, как ядовитые насекомые. Если бы мы могли снять фотографии наших аур (и такие снимки были уже сделаны), — мы могли бы заметить, что излучения наши наполнены черными и серыми пятнами. Ведь эти пятна не что иное, как пятна невежества и взращенной им тьмы.

Если бы только мы могли сознавать непобедимую мощь устремленной, благостной мысли! Если бы могли начать исследовать условия, которые могут укреплять в нас подобные мысли, мы могли бы тогда постепенно стеречь эти физические отложения тьмы. На одной фотографии два неожиданных луча света блеснули из плеч.

Было проверено, что именно особенное случилось в этот момент? И было найдено, что именно в это время зародилась прекрасная, бескорыстная мысль. Мысль была бескорыстна и творяща, и она немедленно отразилась в виде прекрасных лучей Света. Кто знает, может быть, скоро мы будем иметь снимки соискателей на выборах на государственные должности и будем, вместо измышленных письменных свидетельств, иметь истинный неоспоримый сертификат. Тогда мы будем иметь перед собою лишь факты и, познавая, что существует лишь Единый Свет, мы научимся и следовать за этим Светом.

Жизнь не в состоянии будет разочаровать нас, ибо мы увидим, что восход един и едино позорное низвержение. Все подвижно. Обратите внимание на условие восхождения; по основному закону каждое восхождение соединяется с творческим состоянием ума. История показывает, что ни один человек, имевший творческий ум, не был забыт.

Я не говорю о каком-либо ограниченном проявлении мысли, как на полотне или в камне, или в других материалах, но я имею в виду все Прекрасное, это значит выражение Прекрасного во всей жизни. Иногда это выражение закреплено на холсте или на другом материале, но очень часто оно выявлено в мысли. Этими благородными мыслями мы украшаем пространство и соединяем дальние миры, ибо для мысли нет ни пространства, ни времени. Указывается, что человек, насыщенный мыслью, даже разнится в весе. Может быть доказано, что в момент сильнейшей, творящей мысли человек становится легче. Святая Тереза и Святой Иоанн Креста, и Святой Франциск возносились на воздух. Это не есть необъяснимое чудо. Может быть, и из вас кто-нибудь видел опыты, когда, благодаря силе мысли, отмечалась потеря веса и даже левитация. Таков физический, творящий закон. Так мы видим, что приближаясь к этим созидательным законам, мы ближе подходим и к основным законам Вечности. Понятно, если вас наполнила высшая форма мысли, то вы вступаете в сотрудничество с Высшим Сознанием. Разве не чудесно иметь в вашем сознании прекрасную

мысль, что вы сотрудничаете с Прекрасным, с Высшим? В этом сознании ваша мощь, ибо в час непосредственного приближения к Высшему вы создаете что-то достойное эволюции, для будущих жизней. Вечен Зов устремляться к этому достижению. В этом Зове выражен закон Прекрасного!

Никто не может принуждать вас к одному определенному выражению в искусстве. Вы не можете творить без вашего внутреннего осознания формы синтеза. Ведь все имеет назначение и достижение. Но помните только одно, что это назначение должно быть прекрасно.

Часто мы слышим жалобы на неразрешимые проблемы жизни, — семейные, домашние, общественные и государственные. Если вы наполните вашу жизнь и жизнь ваших ближайших драгоценным чувством прекрасного так, что все безобразное должно будет скрыться, этим вы создадите постоянную жизнь в энтузиазме Прекрасного. Это суждено всем, не только каким-то избранным; мы можем сказать, что даже тюрьмы должны быть прекрасны, тогда мы не будем иметь более тюрем! Конечно, мы предполагаем не только физические тюрьмы, но и темницы духа. В этих мыслях мы можем мечтать о совместной созидательной жизни.

Когда говорят о прикладном искусстве, часто употребляется отвратительное слово “коммерческое искусство”. Это отвратительное выражение должно быть изъято. Что же в сущности искусство, как не выражение Прекрасного? Вы можете иметь нечто прекрасное или безобразное. Если вы имеете перед собою предмет обихода, сделанный Бенвенуто Челлини, ведь это будет творение великого искусства. Во всех проявлениях искусства мы должны руководиться только одним основанием — Прекрасным! И мы должны помнить, как применять искусство в нашей каждодневной жизни. Даже полы могут быть вымыты прекрасно. Ибо нет ничтожного искусства в том, что истинно. Постоянно повторяя, как заклинание, — прекрасное, прекрасное, прекрасное, вы становитесь уже творящим в существе своем. Безобразные отрицания есть символ

невежества, и подобное невежество также должно быть изъято. Не убоимся постоянно иметь перед собою эту великую мысль.

Новичок постоянно смущается, как ему творить? Он предполагает сначала: я изучу только законы, потом познаю краски, а там когда-то в будущем начну творить. Но ведь каждый должен творить изначала. В раннем детстве дети должны быть научены именно творчеству. Изучающий искусство должен знать вечный закон созидательный для вечной мысли. Пусть законы наполнят ум, а не только изощрят руки. Итак, предлагая, чтобы вы изучали основные законы, мы только желаем помочь вам, ибо верим, что вы прирожденные художники и уже понимаете значение творческой мысли.

Так часто мы не умеем обращать внимание на подробности нашей жизни. Поставьте перед собою простейший предмет, внимательно рассмотрите его, а затем закройте глаза и постарайтесь представить себе его. Скажите искренно, насколько ярко и ясно останется в вас этот отпечаток? Обычно люди не помнят ни определенного цвета, ни точной линии. Таким образом нужно повторять этот простой эксперимент каждый день. Если вы имеете несколько минут, поставьте перед собою что-нибудь простое, но цветное, и пробуйте перенести этот отпечаток в ваш так называемый третий глаз. В этом нет ничего сверхъестественного и, сосредоточивая внимание, вы постепенно заметите, как отпечаток становится ярким и точным.

Каждый слышал о графе Сен-Жермене, который предупреждал Францию перед революцией. Читали ли его биографию? Указывается как исторический факт, что он мог вести три разговора и писать обеими руками одновременно два разных письма. Но ведь даже в этом нет ничего сверхъестественного. Это лишь доказывает, что его сознание было необычайно развито и утончено. Каждый пианист действует обеими руками различно и в то же время он может вести разговор. Так приучаясь устремлять сознание на определенные предметы, вы можете производить так называемое “чудо”. Но кто-нибудь скажет вам, что это невозможно. Тогда скажите ему о чуде

пианиста, а, может быть, улавливающего и второй разговор во время игры. Поистине, многие проявления, возведенные как феномены, как нечто сверхъестественное, в сущности очень просты и жизненны, и они могут и должны быть выявляемы. Когда мы научимся направлять наше сознание, в то же время и ум наш сумеет сосредоточиться на определенном. Человечество спешно готовится для эволюции, и ближайшей обязанностью его является мыслить об этой грядущей эволюции, мыслить о будущих поколениях. Вы ответственны за будущее поколение и неизбежна для вас ответственность эта. Мы можем получить великое счастье посредством прекрасной мысли.

Когда в следующий раз мы встретимся, пусть каждый из нас расскажет мне что-либо необычное из своей жизни. Пусть каждый обдумает свою жизнь и я уверен, что если он обернется на жизнь свою честно и искренно, то каждый из нас найдет нечто необычное. Недавно, обращаясь к группе театральной молодежи, я тоже спросил их о необычном в их жизни. Прежде всего они ответили, что с ними ничего необычного не случилось, ибо жизнь их протекает в печальной обычности. Они сказали мне, что, конечно, у меня во время горных путешествий, наверно, были прекрасные необычности, но что же необычного могло случиться с ними в суматохе города? Но я настаивал, давая им время подумать и убеждая, что каждый человек вспомнит что-то и прекрасное и необычное. Затем, после момента стыдливого молчания, одна из присутствующих сказала, что в минуту смерти ее тетки они слышали странный колокольчик и некоторые из присутствующих видели словно облачко, прошедшее над их головами. Лед был сломан, не прошло получаса, как и все остальные припомнили самые замечательные случаи, все вдохновились и повеселели, а через три недели каждый участник этой группы стремился рассказать мне интереснейшие и замечательные факты их жизни. Значит, нам нужно только заглянуть внутрь себя честно и непосредственно, чтобы заметить множество прекраснейших наблюдений. Каждый стремится быть честным, но редко факты сообщаются без личной окраски, это случается даже и с

учеными, которые, казалось бы, должны уметь обращаться с фактом как с таковым. Мало кто умеет усматривать факт вне предрассудков и без суеверий. Если кто-либо начинает видеть чудесные цвета, звезды и искры, ему говорят, что он должен начать носить очки и, таким образом, механическое стекло должно прекратить свет незримый. Но мы должны, наконец, научиться оценивать явление непосредственно!

Часто люди жалуются на своих родственников, губящих их жизнь. Но если сознание их будет расти, они поймут, что их родственники и друзья все же существа человеческие, и они попытаются открыть их сердца. Иногда это очень легко, но часто это трудно. Если же ключ ваш не действует, будьте уверены, что он еще недостаточно прекрасен. Ведь каждый человек имеет сердце. И каждое сердце есть все же сердце. Итак, если вы не в состоянии открыть это затвердевшее сердце, то верно наш ключ не годится для этого ларца. И, конечно, мы должны найти для него нужную формулу. Часто слышим, что в некоторых домах искусство вообще не может быть введено. Слышим от обитателей этих темных домов, что все прекрасное не нужно. В этих случаях как вы можете показать им, что именно прекрасное имеет огромную ценность?

Во время восстаний и революций, когда собственность и деньги были уничтожены, именно предметы искусства оставались единственными ценами, и даже целая страна могла временно существовать благодаря сокровищам искусства. Помните это, и в нужный час скажите вашим окаменелым друзьям, что единственная ценность, возрастающая даже во время войны и революции, в конце концов, будет предметом искусства. Попросите вашего друга назвать вам точно цену акций, он затруднится это сделать, и недавние потрясения, как нельзя более, подтвердили это. Все видели стремительное низвержение бумажных ценностей. Пусть каждый получает доказательство по мозгам своим. Даже окаменелые друзья вспомнят, как на их же глазах предмет, считавшийся ничтожным, вдруг получал огромную цену и, наоборот, непоколебимые ценности, с точки зрения обыденности, оказались грудой бумажного сора. За

время революций мы не однажды видели, как банкиры и финансовые деятели оказывались сметенными, тогда как выживали именно художники и собиратели искусства. Сама жизнь показывает, что все связанное с творчеством выживает; живут научные открытия и неистребимо живет мысль. Итак, научимся направлять все наши мысли к Прекрасному.

Надеюсь через год увидеть вас опять, уже далеко подвинувшимися на творческой лестнице. Надеюсь почувствовать на работах ваших отображение осознания Прекрасного. Останусь уверенным, что вы неустанно будете расти и творить.

Во всех сказках мы слышим о закрытых вратах, о скрытых Сокровищах, которые могут быть открыты лишь чудесным, сужденным ключом. В нас самих гнев и раздражение собирают и отлагают вреднейший яд и, чтобы очистить сердце свое, мы должны признать и гнев и раздражение разрушительными и непрактичными. Так же образуется и рак и многие другие бичи человечества, неся за собою непоправимое разложение. Но знаем, что подобные бедствия излечиваются психической энергией. Для этого прежде всего научитесь изгнать все ядовитые мысли, научитесь осветлить и устремить вверх сознание ваше, тогда вы научитесь творить для будущего человечества и, проснувшись, в радости увидите в руках ваших чудесный ключ от Врат Сокровенных.

Нью-Йорк. 1930 г.

СЕМЬ СВЯТЫХ

Предисловие к книге “Фламбо”

Истинно чудесно, поистине прекрасно среди водоворота нашей жизни, среди волн неразрешенных социальных проблем видеть перед собою сияющие Светочи всех веков. Прекрасно изучать жизнеописания этих великих Искателей и Подвижников и находить в них укрепление нашего мужества, неисчерпаемой энергии и терпимости. Прекрасно через этот неисчерпаемый источник любви и

всевмещения понимать великие движения утонченных душ, в которых соединяется высшее знание с высшим устремлением.

Так, изучая биографии, мы делаемся действительными сотрудниками эволюции, и от блистающих лучей Вышнего Света нисходят истинные познания. Это утонченное знание основано на истинном понимании терпимости. Только из этого источника приходит всепонимание. От великого всепонимания рождается Высшее Прекрасное, этот просвещенный и углубленный энтузиазм жизни.

Современная жизнь спешно меняется. Знаки новой эволюции стучатся во все двери. Чудесные энергии, могущественные лучи, бесчисленные открытия стирают условные границы и изливаются в трудах великих ученых. Древность выдает нам свои тайны и будущее протягивает свою мощную руку восхождения. В этой истинной науке, вне условностей, мы чувствуем прекрасную ответственность перед грядущими поколениями. Мы постепенно познаем весь вред постоянных отрицаний, мы начинаем ценить просвещенную позитивность и созидательность. В этих условиях мы познаем значение сострадания и терпимости. Так мы можем начать готовить для будущего поколения действительное счастье, обращая расплывчатые отвлеченности в благословенную реальность.

Святая Тереза, Святая Екатерина, Святая Жанна д'Арк, Святой Николай, Святой Сергей, Святой Франциск Ассизский, Фома Кемпийский. Эта седмица Славных, седмица великих Вестников, великих Учителей, великих Миротворцев, великих Строителей, великих Судей, в них выражен поистине великий земной путь. Они трудились бесконечно. Они были здесь, здесь, на Земле, они встречались с теми же самыми препятствиями, с тем же самым невежеством, суеверием и нетерпимостью. Своим светлым познанием они побеждали тьму; они-то знали вечный закон, что давая, мы получаем. В этом осознании, в этом созидательном труде они стали истинными Светочами. Если мы принимаем название Фламбо — Светочи, это не абстракция, потому что ничто не

абстрактно, это есть истинное выражение прекрасного мудрого подвига.

1930 г.

ХВАЛА ХУДОЖНИКАМ

Вступление к книге “Художники Америки”

Расцвет искусства есть знак расцвета народа. В разлагающейся стране искусство делается лишь отвлеченной роскошью. Но когда страна в полной силе, искусство становится истинным двигателем своего народа. Представим себе историю человечества без сокровищ красоты. Мы найдем, что целые эпохи останутся без всякого значения, лишенные их души. Без выявления духовной красоты мы останемся среди безобразия смерти. Когда мы говорим, что красота, искусство, творчество есть жизнь, мы тем самым говорим о грядущей эволюции. Все сделанное для творчества, для искусства уже есть подвиг эволюции. А каждый сотрудник на этом поле является уже героем.

Разве не есть наша прекрасная обязанность выявлять этих истинных народных героев Америке? Грядущее поколение должно знать, кому оно обязано своим расцветом и почему оно имеет счастливые возможности пользоваться всеми предыдущими подвигами и открытиями.

Жизнь художника нелегка. Но эта вечная битва за Красоту делает его жизнь прекрасной. Тридцать лет тому назад я был очень счастлив помочь первому явлению искусства Америки в России. Уже тогда я чувствовал жизнеспособность и сильный потенциал этого вновь оформленного искусства. А теперь, наблюдая плодоносное развитие американского искусства, такое многообразное, такое многоцветное, я вижу, насколько правильно было мое первое впечатление.

После чистосердечных колониальных выражений через таких замечательных мастеров, как Сарджент, Уистлер, Райдер, Тэр, Комер, Беллоуз, Генрей, к настоящей блистающей плеяде творческих

созидателей грядущей эры Америки, я чувствую, как основательно и динамично это выражение в жизни американского искусства.

Восхищаясь творчеством живущих американских художников, мы рады видеть их разительное разнообразие. Вспомним несколько выдающихся имен, как Леон Кроль, Рокуэлл Кент, Евгений Спейкер, Гарри Мельчерс, Евгений Хитгинс, Леон Дабо, Джон Костиган, Чарльз Хотхорн, Роберт Чанлер, Ховард Джайльс, Алфео Фаджи, Роберт Эдмонд Джонс, Гастон Лашез, Цецилия Бо, Абрам Пуль, Поль Маншип, Малвина Гофман, Гунт Дидрих, Норман Бель Геддес, Фредерик Фризеке, Морис Стерн, Винцент Так, Эмиль Бистран, Гудзон Берглум, Роберт Лоран, Уильям Ауэрбах Леви, Ли Саймонсон, Эпштейн, Редфилд, Раймонд Джонсон... Какой бесконечный ряд разнообразных и сильных дарований. Я назвал не алфавитно, но даже иногда ставя рядом противоположности. Невозможно перечислить все ряды имен, которые составляют историю искусства этой растущей страны. Кроме того, как много молодых, но уже стяжавших почетное место. Один лист имен уже составит обширную главу энциклопедии. Начиная серию томов, посвященных художникам нации, мы знаем, что эта сюита будет действительно многотомна и эти жизнеописания истинно принесут радость как свидетельство расцвета культуры страны.

Ведь это большая похвала государству, если список творческих работников не может быть выражен в одной книге, но потребует большую серию хотя бы даже в кратчайших характеристиках. Нам радостно, что мы можем представить молодому поколению блестящий легион, уже запечатлевший себя прекрасными творческими подвигами. Там, где искусство и знание могут процветать, мы будем энтузиастами. В радостном энтузиазме мы можем приветствовать творческие силы нации. Жизнеописание — это не только памятник создателю и работнику, но оно является и лучшим вдохновением для молодежи. На этих жизнеописаниях молодежь научится, как преодолевать жизненные препятствия, бережно, неугасимо неся свой священный огонь.

Я счастлив приветствовать блестящих художников, приветствовать сущность здоровой творящей мысли и поклониться молодому поколению, которому эта творческая мысль принесет будущее счастье.

ЛЮБОВЬ НЕПОБЕДИМАЯ

К Ассоциации Св. Франциска

Общества имени Рериха

Перуджино, Джотто, Зурбаран, Коста, Мурильо, Скиавоне, Рибера, Флиппино, Липпи, Ганс Фриз, Маргаритоне, Сассетта, Тадео Гадди, Виварини, Моретто да Брешиа, Чимабуэ... Кто же мог собрать и духовно объединить этих разнообразных и даже противоположных Мастеров? Кто мог вдохновить такое множество великих поэтов? Кто мог наполнить такими высокими мыслями множество знаменитых деятелей? При чьей молитве сияла над монастырем заря священного Света? Кто воздымался на воздух в экстазе? Кто раскидывал сокровища Благости, как естественные искры своего земного существования.

Все тот же самый, бессмертный и светоносный в существе своего духа. Святой Франциск, притягательный как для взрослых, так и понятный детям. Истинное прибежище зверям и птицам. Именно Он мог беседовать и обратить волка ко благу. На Его руке птицы чуяли крепкую безопасность.

В чем же заключается могущественный мировой магнит Святого Франциска? Конечно, в своем высшем духовозношении Он приближался к Вышнему. В необычной мощи сознания Он сливался с Господом. Он знал высокую мощь сердечной молитвы, которая единственно может привести к действительной любви. Для Него любовь была не отвлеченность, но насущное питание Его духа. И еще одно замечательное качество освящает нам Облик Святого Франциска. Он никогда не осуждал.

Если некоторые Его действия были объяснены последователями как возмущение против несовершенных нравов Его современников, то и эти действия были так утончены и так были полны благостными знаками, что само возмущение возносилось на тех же самых крыльях всепобеждающей любви. Если не каждый из нас может достаточно следовать в силе восторга, то во всяком случае в двух качествах Святого Франциска каждый должен подражать Ему — в неустанном действии и в неосуждении.

В своем победном неосуждении Святой Франциск выявил величайшую жизненную мудрость, которая к тому же так легко достигается. Каждый труженик, после достаточных испытаний, неизбежно приходит к сознанию, как мертвенно отрицание и осуждение и как творяще и созидательно каждое понимание. Любить — значит прощать. Прощать — значит понять. Понять — значит знать. Знать — значит приблизиться к порогу Мудрости.

Каждый творящий рано или поздно чувствует, что осуждение и отрицание будут знаками неуспешности. Каждый истинный творец, подражая в существе своем Вышнему, в своих постоянно растущих трудах даже не имеет времени для осуждений. Взгляните на осуждающего и вы сразу убедитесь, что он прежде всего не создатель. Тот же опыт жизни легко убедит вас, что сад отрицания и темен и беден.

Как же вы встретите и победите трудности жизни? На печальном опыте вы познаете, что щит отрицания и осуждения не годен. Далее, вы будете убеждены, что подобный щит и вреден. Как магнит Тьмы, он будет притягивать к вам все отрицательное. Какую печальную старость и темное будущее вы будете готовить себе, извергая злобную слюну осуждения, неудачно проходя путь жизни и преступно извращая священное понятие любви!

Итак, следуя заветам Святого Франциска, заветам, скованным любовью, — творите, творите и творите!

В этом вечном творении вы приблизитесь к мудрой радости. Вы найдете, что день слишком короток, чтобы успеть выразить все зовы духа вашего. В новом широком понимании вы осознаете, что есть

синтез. Завоевание красоты и знания синтезируется для вас не как груда сухих подробностей, но как стройное знамя священного знака эволюции. В творчестве вашем вы осознаете и высокую ответственность перед Великою Беспредельностью. Это осознание ответственности будет целительным водителем в преображении всей вашей жизни. Это осознание ответственности еще более поможет вам удержаться от осуждений. Истинно, вы не найдете более мгновения для осуждения и отрицания.

Творить, помогать и давать — эти заветы наполнят все существо ваше. И, несмотря на все трудности, создаваемые тьмою, невежеством, вы все же преобразите жизнь вашу в вечную радость. Эта же радость творчества принесет вам и насущный хлеб на день завтрашний.

Велика была моя радость узнать, как восторженно приняли вы мое предложение объединиться под Именем Святого Франциска. Невозможно без светлой улыбки помышлять об основании этого Общества. Мы трудимся для высшей Культуры, Красоты, Знания, Мира. Пусть будет всепобеждающая улыбка Святого Франциска нашим мощным щитом в этих стремлениях.

Когда я буду писать Святого Франциска, пусть будет Он явлен благословляющим гнездо птиц. Это вызовет во мне одно старое воспоминание. Я был счастлив иметь моим первым Учителем замечательного человека: мощный художник Куинджи был не только замечательным художником, но также был и великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубины души его. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего и, как только загремит полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих, голубей, воробьев, ворон, галок, ласточек. Казалось, что птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: “Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя”. Промеж себя мы называли Куинджи Святым Франциском. Незабываемо было зрелище этого седого улыбающегося человека, покрытого

щебечущими пташками, — оно останется среди самых дорогих воспоминаний. Перед нами было одно из чудес природы, мы свидетельствовали, как малые пташки сидели рядом с воронами, и те не вредили меньшим собратьям.

Одна из обычных радостей Куинджи была — помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь его. Простой крымский пастушок, он сделался одним из самих прославленных наших художников, исключительно благодаря своему дарованию. И та самая улыбка, питавшая птиц, сделала его и владельцем трех больших домов. Излишне говорить, что, конечно, все свое богатство он завещал народу на художественные цели. Этот “Святой Франциск” моей молодости нераздельно связан с образом Святого Франциска, которым я впоследствии восхищался при моем паломничестве по святыням Италии.

Священная насыщенность Ассизи ощущается даже случайными прохожими. Тем сильнее она должна ощущаться тем, кто ищет. Вы, объединяющиеся во Имя Святого Франциска, да будет с вами улыбка Его! Пусть Его высокая духовная утонченность укрепит вас. Вдохновленные Святым Франциском, вы найдете творчество вечно новое и неисчерпаемое. Вы узнаете, что даже и гений должен неутомимо ежедневно трудиться. Во имя Святого Франциска вы найдете сияющее утверждение, которое сохранит вас от мертвого отрицания и разрушительного осуждения. В Имени Святого Франциска вы найдете неистощимую мощь против всех зол Тьмы. Вы поймете, что есть благословенное сотрудничество и единение. Творите, творите, творите!

Слава Святому Франциску!

ЖИВАЯ МУДРОСТЬ

Ассоциации Спинозы при Обществе имени Рериха

Одним из наиболее драгоценных для меня впечатлений останется центр Спинозы при нашем Обществе. Во времена беспокойства и смятения, во дни крушения механической цивилизации каждый знак духовного подъема особенно ценен.

Я вспоминаю, с какою устремленностью и упорностью д-р Кетнер пришел ко мне и какую пламенность я почувствовал в его приходе во имя великого философа Спинозы. Также драгоценно было для меня ознакомиться с устремленною группю молодых работников, объединенных великими идеями Спинозы, под руководством д-ра Кетнера. Не преувеличиваю, но только свидетельствую.

Конечно, великая духовная радость будет творяща для последующего. Представьте себе рабочую молодежь, бедную материально, трудами содержащую себя, но духовно объединившуюся вокруг великого имени и посвящающую все свободное время действительному изучению высокой философии. И не для отвлеченности изучают они. Нет, этим изучением они преображают жизнь свою и через свет их сердец начинают жить высокие идеалы. Эти светочи самоотверженности прободают окружающую тьму и создают еще одну твердыню против невежества. А ведь мы знаем, как воинственно невежество и как заразительна тьма!

Руководитель группы д-р Кетнер является истинным учителем, ибо он не только ведет собрания и читает лекции, но к нему приходят за советом во всех житейских дилеммах. И он вооружает прочным доспехом молодых воинов. Он говорит им, как практично Благо и как постыдно и разрушительно Зло. Он же скажет, что Благо там, где творчество, созидательность и духовность. В Благе и вмещение, и преданность, и любовь. Высшее — в свете самопожертвования и низшее — в тьме предательства. Отвлеченное для ограниченных мозгов понятие эволюции и подвига таким порядком становится

жизненным краеугольным камнем каждодневности. Эти основы явлены там, где жизнь так трудна, там, где борьба иногда выбивает из строя лучшие силы.

Разве не трогательно видеть, как многочисленная группа молодежи избрала щитом своим высокую философию? Они объединили и укрепили себя именем Мудреца, который так безбоязненно и самоотверженно вносил в жизнь обновленное понятие Бытия. В его прозорливом понимании материя была возвышена и заняла должное место. А ведь всякое возвышение есть благородное действие. В возвышении всего мы неизбежно возвышаем и самих себя, ибо мы устремляем энергию вверх; от начала и до конца все будет восходить в том же направлении. Этим благородным подъемом приходит к нам нужное качество терпимости. Если мы будем вводить терпимость лишь условно и поверхностно, получится лишь лицемерие — одна из наиболее темных масок. Только благородным подъемом духа в неустанном осознанном труде приходит этот чудесный гость — просвещенная терпимость. Именно это качество, выросшее естественно, приносит с собою и улыбку мудрости. Говорю о той улыбке мудрости, с которою Мудрец выслушивает искателя. В его ободряющих глазах и молчаливом кивании выражено: “Пытайся, мой сын! Ничего не значит, если временно ты идешь боковою тропою. Лишь иди вперед, не оглядываясь, не страшась камней и терний. Помни, если крутой всход будет слишком гладок, то восхождение тебе будет еще более трудным. Камни не только не мешают тебе, но даже поддерживают тебя. Не забывай это и благословляй эти камни, ибо каждый может быть употреблен как ступень”.

Вспоминаю, как однажды на Востоке ученый раввин сказал: “Вы тоже Израиль. Ведь каждый ищущий Света — Израиль”. В этих кратких словах была выражена Мудрость незапамятных веков. В них звучала не только возвышенность, но и терпимость.

Когда вы, соучастники Центра Спинозы, сходитесь на собрание, вы одеваетесь в праздничные одежды, ибо, как я знаю, эти собрания для вас истинный праздник. Такое обыкновение является уже

ручательством истинного понимания, следствиям которого будет и терпимость и вмещение. Вы знаете, как великий Спиноза страдал в своей жизни только потому, что он самоотверженно стремился выразить Истину. Но мы знаем, что мученичество есть нагнетение энергии. В этом нагнетении вы получаете право стучаться во все врата, где может быть укреплено полезное созидание. Повторяю, вы перенесли философию из абстракции в жизнь. В этом действии вы явили основы истинной эволюции, ибо все Учения, все философии были даваемы для жизни. Нет такого высокого Учения, которое не было бы практичным в высшем смысле этого слова. Мы можем разрешить бесчисленные проблемы современных смятений лишь осознанием Прекрасного и Высшего. Лишь прекрасный Мост будет достаточно прочен для перехода от берега тьмы на сторону Света. Вы знаете, какое глубокое значение в священных Учениях соединяется с символом Моста. Через этот Мост придет Вышний во Славе!

Знаю, что Центр Спинозы будет расти, ибо он был зачат на здоровых основах в жизненно ощутимой реальности. Не туман, но Свет в основе эволюции. Если мы понимаем, что Свет есть цвет и звук, мы также поймем, насколько все прекрасное необходимо для построения храма эволюции. Даже Джинны помогали Царю Соломону строить Храм. Призывая Свет и Прекрасное, мы также заставим даже Джинов помогать в этом великом созидании.

Во имя великого Знания и прекрасного Подвига приветствую вас!

Гималаи. 26 января 1931 г.

АДАМАНТ

К Ассоциации Оригена при Обществе имени Рериха

Адамант! Замечательно это наименование, оно лучше всего выражает сущность Великого Имени, вокруг которого вы собрались. Часто наименования даются только после смерти, но иногда определенное качество так ярко выражено, что уже в жизни лицо

осеняется определенным знаком. Адамант, твердейший алмаз, несломимый, режущий даже твердое. Ориген-Адамант!

Не выражено ли в этом одном слове все почитание великим Учителем Истины, которое не могло быть потрясено ни лишениями, ни обещаниями, ни обычаями. Ориген назван Учителем Церкви. Но, конечно, он мог быть признан и Святым, мог быть признан Отцом Церкви. И мог в течение жизни иметь высшее церковное назначение и отличие.

Вместо того чтобы стать Архиепископом, Ориген оказался узником. Может быть, в одной темнице с преступниками. Церковный Собор вменяет ему следующее: “Ориген, чудо своего века, по необычайности своего ума и глубине своего образования был обвинен на двух Александрийских Соборах при жизни и после смерти — на Константинопольском Соборе. Ориген неправильно мыслил о многих Истинах Христианской Церкви, распространяя языческие учения о предсуществовании души; он неправильно отражал Учение Христа, полагая, что определенное число духовных существ, равнодостойных, были созданы, из которых одно устремлялось с такою пылающей любовью, что объединилось с Высшим Словом и стало носителем Его на Земле. Придерживаясь верования в воплощение Бога Слова и в творение Мира, Ориген неправильно понимал крестную смерть Христа. Представляя ее как имеющую духовное соответствие в духовном мире, он слишком много уделял воздействиям Сил Природы, которыми одарено наше естество...”

С точки зрения современности невозможно понять, как могли эти обвинения довести до темницы! Ведь во всем облике Оригена так ярко выражено стремление к Истине, которое не только не умаляет, но, наоборот, открывает безграничный кругозор для священного единения с Вышним.

Множество трудов Оригена, из которых не все дошли до нас и не все переведены и опубликованы, показывают поражающую образованность и светоносный, устремленный ум. Но враги Оригена,

чтобы еще более утвердить его значение, прибегли к обычному своему средству — преследованию.

Позабыв еще недавнюю великую Голгофу, они решили, именно во имя великого Мученика Голгофы, сделать мученика и из Оригена. Они забыли, что терновый венец есть высший знак Славы. Обратимся к истории многих мученичеств. В своем разнообразии эта печальная история являет нам тождественные законы, последствия самоотверженности. Если возможно в чем-либо выразить высшее понятие истинной славы, то, конечно, оно будет соединено с самопожертвованием Адамантовым. Говоря о мученичествах, вспомним изображения их замечательными художниками. Обернемся на картины Иеронима Босха, Питера Брейгеля, Дюрера, Орканьи и других одинаково великих создателей. И посмотрим, какие они избирали типы для палачей и преследователей. Не покажется ли вам, что в этих тупых, озверелых ликах вы узнаете какие-то образы, встреченные вами и в наше время? Поистине, живут еще темные и отрицательные типы, но именно они так же действительно обращают нас к тем символам, от которых излучается Свет великий. От преследователей вы неизбежно обернетесь к великому Преследуемому, к мощному понятию Адаманта. Пусть же это качество сделается и вашим отличием. Около этого качества вы найдете неустанный творческий путь. Вы найдете всевмещение, неумаление и неугомонное стремление к Свету.

Изучая творения Оригена, вы найдете в себе стремление к тем же основам — “де принципии”. Светоносная высокая логичность автора передаст вам через все века то же упорство, откровенность, мужество, прозорливость. Короче говоря, вы воспламенитесь для ваших лучших работ и творений.

Без этих качеств вам будет трудно осознать, что подражать Вышнему вы можете прежде всего в творчестве.

Вспоминаем, как десять лет тому назад мы начинали Институт Соединенных Искусств в доме Греческого Собора. Почтенный отец Лазарис первый приветствовал наше просветительное начинание, в котором мы выражали нашу веру в то, что только красота и знание

могут объединить и вести человечество к истинному счастью и благосостоянию. О. Лазарис так понимал, что Прекрасное и Мудрое являются столпами Религии. Если мы начнем искренно писать историю Прекрасного, тем самым мы должны писать и историю Религий. И обратно, начиная с Религии, мы неизбежно придем к Прекрасному.

Прекрасные мысли! Они, светлокрылые создатели будущего, донесли и ценный нам Облик Оригена. Он провидел творчество Всемогущего. Среди почитаемых древних икон имеется образ глубокого значения: “Святая София — Премудрость Божия”. В часы вашего высшего вдохновения эта Мудрость шепнет вам: “Творите неумоимо, знайте, как давать. Только в даянии мы получаем!” На огненном коне, в сверкании пламенеющих крыльев представлена несущаяся в Пространстве Святая София, Мудрость Всевышнего.

Ориген заповедал: “Глазами сердца мы видим”. Во имя этого вседостигающего языка сердца, во имя всепроникающего духовного Ока, я приветствую вас, которые собрались вокруг вечноживущего Имени Оригена.

СЛАВА САМУРАЕВ

Японскому Обществу имени Рериха

Комио, прекрасная Владычица Нары, пела: “Я не сорву тебя, цветок, но посвящу тебя Буддам прошлого, настоящего и будущего”.

В этом обращении к прошлому и будущему заключена вся мощь японского гения. Почему так нестираемо запоминаются картины старых японских мастеров? Почему мы так запечатлеваем жесты и несравнимую мимику японских актеров? И отчего дух японского самурая остается в истории человечества как символ героизма, истинного патриотизма и мужества? Эти понятия установились с такою убедительностью, что как друзья, так и враги, и близкие и далекие, без всякого сомнения устанавливают эти эпитеты.

За границами зримого создается и особый язык. Непередаваемое чувство-знание творится там, где мы соприкасаемся с областью духа. В этой державе мы понимаем друг друга несказуемыми рунами жизни. Там мы начинаем познавать в прозрении, близком вечному чуду Истины.

Чудо жизни, всепобеждающее и величественное! Чудо, наполняющее все глубины Бытия. О, чудо, редко ты выражаемо рукою человечества. Но с древнейших времен сверкающие искры Истины все же достигли нас. Но часто извращен их величавый ритм. Тем драгоценнее замечать сохранность этой чудотворной ткани красоты в старых японцах. Благоухание блаженной сказки струится с позолоченных временем листов и с несломимой веками патины чудесных лаков. Безграничен горизонт живого глаза и пылающего сердца. И насыщенные концепции старых японцев и поучают и поражают. Выражена в них удивительная жизнь и запечатлены явления великой Истины. В тончайших иероглифах жизни запечатлен синтез. В выражении повседневной жизни не обойдены высшие законы. Фантазмагория жизни делается невинной в высшей убедительности. В прекрасной гамме красок выражена мощная песнь, которая может вдохновлять наше беспокойное сознание.

Многие вершины искусства сверкают в создании японских мастеров. Многие проблемы, такие трудные, отважно разрешены японскими создателями. Аристократизм красоты, народность, романтизм, героизм, символизм, содержание, история, этнография, подвиг — все это так ценно человеческой природе и так часто отринуто предрассудками; все это сокровище объединено в прекрасном творении японских мастеров.

Говоря о Японии, мы можем употреблять слово Прекрасное. На это понятие имеет право народ, который до сих пор весною выходит празднично приветствовать пробуждение природы, народ, который обращает повседневность в сокровище искусства и выбирает одну картину для каждого дня; народ, который знает, как очувствовать произведение искусства. Где же, кроме Японии, так много частных художественных собраний? В какой другой стране так же почетно

называться собирателем искусства? И где та страна, кроме Японии, где на школьном конкурсе, на тему “Фудзияма”, первая награда будет дана за наиболее самоотверженное описание? Множество фактов являют нам Японию с самой положительной стороны, но при этом мы должны помнить, что для нас ускользает такое же множество трогательных и героических подробностей. Наши мерилы, конечно, не чувствительны ко многому, что может быть заметно самим японцам. Но мы помним Японию в цветении вишневых садов, и в сердце нашем мы чувствуем, что жив тот священный цветок, о котором пела так прекрасно Комио, божественная Повелительница Нары.

Японский народ, осознавая богатые традиции, понесет и дальше высокую культуру, которая уже помогла ему занять в мире такое выдающееся место.

Крепчайшая человеческая твердыня, истинное сокровище, заключается в возможности встречаться во имя высшей культуры. В этом великом понятии мы соединяем все завоевания высших культов, все непобедимые красоты и все высшее знание. В наше время, во время земного смятения, не трюизм твердить заклинание о высокой культуре. Более чем вовремя сейчас укреплять друг друга в том, что высокая культура не должна оставаться в небрежении, и что личность, род, государство могут расти лишь на основе культуры; никакая вульгарность, ни разложение не должны проникать за эти благородные врата.

Мы стремимся к взаимному пониманию. Назначаются награды за мир. Мы стремимся к Знамени Мира, которое охранит все культурные сокровища от вандализма и грубости, как во времена войны, так и во время мира. Ведь мы знаем, что и во время так называемого мира очень часто вандализм свирепствует не меньше, чем во время войны. Мы также знаем, что иногда война в духе более опасна, нежели война в поле. Духовное убийство еще более опасно и преступно, нежели физическое. Все позднейшие открытия, изобретения сулят множество еще неосознанных возможностей. И все служители культуры несут прекрасную ответственность

применять эти благие возможности в высших решениях. Каждый огонь может быть потушен. В сумерках повседневности может незаметно понижаться дух народный и постепенно опять может вползти жестокость, вульгарность и эгоизм. Духовный сад нуждается в орошении даже больше, нежели материальный.

Во имя прекрасного сада Японии, во имя почитания великих предков, во имя вечного Цветка Комио, Владычицы Нары я приветствую вас, еще незримые мне, друзья мои! Твердо верю, что идеалы высшей культуры всюду тождественны; ни океаны, ни горы не могут препятствовать дружеским стремлениям человечества.

Те, кто живут высшими стремлениями, неизбежно встретятся на перепутьях великой Беспредельности. Приветствую вас во имя общей творческой работы!

Гималаи. Февраль, 1931.

ПУТЬ ТВЕРДЫЙ

Колумбийскому Обществу имени Рериха

Ваша весть об избрании меня почетным президентом дошла ко мне уже в Гималаях. Могу вам сказать со всею сердечностью, что я обрадовался вашему письму. Я знаю президента вашего Общества генерала А. де Леона и всю вашу работу на общее благо. Я питаю лучшие чувства к президенту Колумбии Энрико Олайя Херрера. Все, что я слышал о его просвещенной деятельности, показывает, что он сильный человек и прирожденный государственный деятель. Страны нуждаются в сильных личностях, в мощной руке, которая может вести их к благосостоянию и к истинной эволюции. Я знаю, что вам близки основы кооперации и что вы сознаете глубоко, насколько человечество нуждается в просвещенном знании и в благородной красоте, только они являются истинными основами жизни и восхождения.

Вы знаете, что мы не можем оставаться без движения. Или мы идем вперед, или отступаем. Во имя постоянного восхождения, во

имя неутомимой битвы против всех зол невежества шлю вам пожелание несломимого мужества, терпения, радости в труде и истинного прогресса в грядущем Золотом Веке человечества.

В настоящее время всюду происходит глубокий материальный кризис, в основе своей это не только финансовый кризис, но чаще всего это кризис потухших сердец. Истинная культура не роскошь. Истина, что для пламенеющих сердец, для воодушевленных высоким понятием культуры — не деньги как таковые существенны, но нужен постоянный рост и утонченность духа. И все необходимые средства приходят от единого источника, от того же священного огня. Там, где просвещенные трудящиеся руки, там, где преданность и пылание сердца, там будет и успех. Священный огонь дает силу преодолеть все препятствия. Действительно, какие такие огромные средства требуются, чтобы группа преданных культуре людей могла время от времени объединяться и в сердечном обмене возжигать светоч истинной культуры? Для энтузиастов даже чашка чаю не нужна. Ибо не чайник будет кипеть, но сердце.

Духовное понимание и созвучие ткut светоносную ткань Матери Мира — священную Культуру. Этим творческим путем вы и будете восходить.

Соединим же руки наши в крепкой клятве, что всеми силами будем укреплять и расширять благородную работу просвещения и улучшения жизни.

Гималаи. Январь, 1931 г.

НА ПОРОГЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Совету Музея Периха в Нью-Йорке

С радостью прочел я ваши последние доклады, из которых видно, что, несмотря на всеобщий финансовый кризис, наша деятельность не только не сокращена, но даже широко развивается. Во время неслыханного мирового кризиса мы должны сознательно подготовиться, как встретить его. Углубляясь в корни каждой нашей

проблемы, я вспоминаю пионеров Америки с их крытыми повозками. Когда они начинали свою новую жизнь, они, вместо помощи или займов, могли ожидать лишь отравленную стрелу. Тем не менее своим постоянным трудом и расширением деятельности они создали ту блестящую цивилизацию, которую мы свидетельствуем. Работая по культуре в наши трудные дни, мы являемся теми же зачинателями и те же отравленные стрелы ожидают нас из-за угла. Но в наших руках тот же самый творческий труд и то же самое непоколебимое осознание правоты и необходимости нашей работы. Ни один, хотя бы слегка цивилизованный человек, не скажет, изучая нашу деятельность, что она не нужна или вредна. Из этого — одно заключение, а именно — что лишь усиливая и расширяя нашу работу, мы преждем все отравленные стрелы и все материальные кризисы.

Конечно, мы должны соблюдать жизненную экономию во всех тех подробностях, которые не уменьшат основы и нравственную сторону наших работ. Вопросы цен и всех прочих домашних соображений должны быть решаемы истинно экономно. Как вы понимаете, мы не можем сокращать и умалять основы нашей культурной деятельности. Если мы станем карликами, тогда мы легко будем унесены потоком, который уже сломал мощные плотины. Мы не можем согласиться, что какие-либо отделы неотложной работы должны остаться без работников, — это будет значить, что мы замолчали и закрылись. Но мы должны создать такую деятельность всем работникам, что даже самое близорукое сердце должно поразиться этим творчеством и продуктивностью.

Каждый из наших отделов, следуя программе своей, должен создавать возможности для самосодержания. Конечно, предпринятые начинания для специальных фондов также необходимы. Среди этих начинаний особое место займут сотрудничества масс, вносящих посильные лепты. Не только в одном долларе, но и в четвертаке может быть выражено посильное сотрудничество. Работа творится для общей культуры, для масс и это дает нам право и обращаться к массам. Но мы не должны ни о чем просить, мы должны давать,

чтобы это данное по своему внутреннему достоинству значительно превышало размер вносимой лепты.

Другое условие дает нам возможность широкой кооперации. Наши основные расчеты и бюджеты были абсолютно правильны по времени, когда они были сделаны. Не наша вина, что с этого времени общее финансовое положение совершенно изменилось. Как же мы можем противостоять этому потоку общего бедствия? Мы можем пересилить этот бедственный поток еще более мощным потоком труда, находчивости и творчества.

Если мы честно осмотрим факты нашей десятилетней деятельности, ничего не упуская из вида и не умаляя в легкомыслии, мы увидим неповторяемый размах деятельности, который отзывался и пробудил симпатии более чем в двадцати странах.

Просматривая наши Ежегодники, в которых, по размеру их, далеко не все факты жизни отображены, мы увидим такую сумму деятельности, что даже враги наши не считают ее малою. Все странные легенды о каких-то сверхъестественных силах, изобретенные завистниками, показывают, как щедро они кредитуют нас. Одна из последних легенд утверждает, что мы даже чеканим нашу собственную монету. Да будут наши знаки культуры этими истинными банкнотами. Пусть наш честный лист фактов деятельности растет безгранично, так, что мы могли бы сказать даже самому жестокому притеснителю: “Стыдитесь, неужели вы дерзнете притеснять полезную и быстрорастущую культурную работу, плодами которой ваши же собственные дети облагодетельствованы?”

Я недавно написал вам о мученичествах творчества, науки, культуры; сейчас я не буду говорить о том же несомненном. Сейчас мне хочется подчеркнуть то, что может быть противопоставлено всем гасителям культуры. Истинно, мы можем представить им полный лист нашей положительной деятельности. Будем помнить, что в 1930 году мы понесли такие крупные финансовые потери, но все же победоносно преодолели трудности, так неожиданно вставшие перед всей нацией. Кто же не пострадал в этом году? Но не забудем все многие сотни собраний наших обществ во имя культуры.

Вспомним множество концертов и лекций. Не забудем ценных выставок, в которых сотрудничали не только отдельные художники, но и правительства многих стран. Не забудем очевидный рост школы нашей. Вспомним книги нашего книгоиздательства, которые постепенно завоевывают широкое поле. Вспомним трудности при завершении здания нашего. Вспомним все новые иностранные наши общества и образование Европейского Центра в Париже. Вспомним, сколько полезного, ободряющего и строительного мы все же смогли предложить сочленам нашим. Не забудем, что четверть миллиона посетителей пришли к нам за это время. Не пройдем вниманием тысячи сочувствий, выраженных нашему Знамени Мира, которое уже развевается над некоторыми учреждениями. Вспомним новые издания, посвященные нашей Центрально-Азиатской экспедиции. Вспомним основание нашего Гималайского Института Научных Исследований, первый Ежегодник которого сообщает ряд ценных результатов. Вспомним лекции, прочтенные в Америке Ю. Рерихом, директором Гималайского Института. Вспомним посещение Южной Америки директором нашего издательства Францис Грант с культурными целями. Вспомним экспедиции д-ра Кельца, организованные Гималайским Институтом, которые доставили большой научный материал, который высоко оценен Американскими и иностранными музеями и университетами. Вспомним мою декларацию на собрании Французского Общества в Париже о новых сотрудничествах и возможностях. Поистине, каждый из названных фактов может быть развернут в целую книгу. Мы можем утверждать, что эта работа была полезна общей культуре и не будет забыта в истории Америки. Наше основное преимущество в том, что мы не должны ни преувеличивать, ни приукрашивать что-либо. Мы можем лишь честно выявить факты, зная в существе нашем, что мы дали все наши возможности на общую пользу прогресса и культуры. И мы не новички более, ибо отмечаем уже десятилетие неустанного труда в Америке. А если вы к тому же приложите сорок лет моей культурной работы и опыта, то, положив руку на сердце, мы можем сказать, что

приложили все усилия служить тому, что поистине необходимо культуре человечества.

Множества неизвестных друзей на разных континентах признают нашу деятельность. Часто мы получаем знаки внимания нашей работе оттуда, откуда мы менее всего могли бы ожидать их. Без преувеличения мы можем сказать, что эти незримые друзья наши рассеяны и в пустынях, и за горами, и за морями.

Нас называют энтузиастами. Не забуду, как утверждающе сказала наша Францис Грант на многолюдном собрании: “Да, мы энтузиасты и ничто не сломит наш энтузиазм”. Радостно было слышать эту непоколебимость, ибо только в несломимом порыве подвига можем мы отклонить все отравленные стрелы и продолжать постройку Державы, куда дух будущего человечества будет обращаться за обновлением и наполнением. Истинно, мы энтузиасты; этот энтузиазм основан не на слепом фанатизме, но на чистосердечии, на синтезе знания, укрепленном мудростью веков. Когда мы составляли суровый устав наших Учреждений, мы опять не преувеличивали, говоря, что мы все отдали на служение Культуре. Невежды по злобности своей могут подозревать, что мы что-то скрываем, но мы по справедливости можем гордиться красноречивою действительностью.

Так мы можем встретить новое десятилетие в полном сознании неустанного труда и полезных достижений, несмотря на все трудности. Мы вовсе не мечтатели и не идеалисты в обычном понимании, наоборот, обращаясь к достижениям, мы имеем право рассматривать себя как практических реалистов. Мы не любим туман и бесформенные облака и все, что соединено с туманностью. Мы любим Свет; мы любим осязательность не в смысле низшей материальности, но в значении духа. Мы нуждаемся в средствах для просветительных задач и мы знаем, куда должны быть направлены они для скорейших осязаемых достижений. Помню, помню, что произношу эти слова именно в момент величайшего материального кризиса, но я также знаю, что все кризисы исцеляются лишь духовными ценностями.

Культура есть культ Света, как я уже недавно писал вам. Во имя этого Света, мы имеем право призывать наших знакомых и неизвестных друзей к творческому труду, к славному сотрудничеству, в котором, как в мегафоне, умножаются силы человеческие.

Мы твердо знаем, что во Вселенной ничто не конечно, ибо всюду встречаемся с Великой Беспредельностью. Мы знаем Великую Иерархию Блага и мы уверены в победе Света! Законы Света несокрушимы.

Гималаи. 1931 г.

МИР И КУЛЬТУРА

Буддийской Ассоциации Молодежи в Коломбо

В этот памятный день будем вспоминать Свет и взаимно укрепим друг друга основными понятиями истинной эволюции. Великий Готама многообразно заповедовал о Мире и Культуре. Мир означает неутомимое созидание. Культура является вечным познаванием и улучшением жизни основами славного прогресса.

Непрактично и пагубно все, созданное враждебностью и озлобленностью. История человечества дала нам замечательные примеры, как именно мирное творчество создавало прогресс. Устанет рука от меча, но рука творящая, усиленная мощью духа, будет неутомима и непобедима. Никакой меч не может расстроить истинное наследие культуры. Человеческий ум может временно уклоняться от первичных источников, но в сужденный час вновь обратится к ним с обновленной мощью духа.

Завещанные тончайшие энергии уже не отвлеченность для человечества; истинные ученые уже применяют их в своих благословенных опытах улучшения жизни. Давно предуказанная жизнь на дальних мирах и новые возможности земной жизни перестают быть сказками. Мы уже пользуемся этой реальностью и она создает нам новые часы возвышенного размышления. И само размышление это тоже преображается. Оно делается короче и

напряженнее. Учение об очищенной пище уже твердо вошло в жизнь, даже ограниченный ум уже знает о мощных витаминах. Все, что жизненно в блестящем прогнозе, уже не исчезнет, но, как каждая истина, будет вновь появляться уже в расширенном представлении. Человечество начинает понимать, что рука Мира самая мощная. В руке войны никогда не будет той неисчерпаемой упорности, как в руке Мира. Тот, кто несет Мир и Культуру, не насилует других, ибо в своем созидательном энтузиазме он будет исполнен блистательным творчеством и величайшим пониманием истинного сотрудничества.

Основы Мира и Культуры поистине делают человека непобедимым и, осознавая все духовные условия, он становится терпимым и всевмещающим. Ведь каждая нетерпимость есть знак слабости. Если мы понимаем, что каждая ложь, каждое предательство будет явлено, это прежде всего значит, что лживость и глупа и непрактична. Но что же должен скрывать тот, кто посвятит себя Миру и Культуре? Изучая Основы Учения, он не будет совершать ничего такого, что будет противоречить благородному, ибо истинное Знание необходимо для эволюции. Помогая своему ближнему, он тем самым помогает и общему благосостоянию — качество, оцененное во все века. Стремясь к Миру, он делается устоем развивающегося государства. Не клевета на ближнего, мы усиливаем продуктивность общего созидательства. Не ссорясь, мы докажем, что действительно познали Основы Учения. Не теряя времени в праздности, мы докажем, что становимся истинными сотрудниками безграничных неустанных мировых энергий. Находя радость в каждодневной работе, мы покажем, что понятие Беспредельности нам не чуждо. Не вредя другим, мы не будем вредить самим себе и еще раз поймем, что в вечном даянии мы получаем. И это благословенное получение не есть скрытое сокровище скупца. Мы поймем, насколько созидательно утверждение и разрушительно отрицание. Среди основных понятий Мира и Культуры содержатся Основы, против которых не дерзнет восстать даже полный невежда.

“Лалита Вистара” упоминается на страницах “Золотых Легенд”. Перед нами стоит икона Святого Иосафа, Царевича Индийского. Ведь это благостные знаки, которыми приходит взаимное понимание! Граница Света и Тьмы проходит по всему миру и, различая ее, мы становимся защитниками Культуры Света. Не бывает Культуры тьмы. Если мы можем представить твердыню Света, то в противоположность будет лишь пропасть тьмы невежества. Но, хотя бы в памятные дни светлых событий, тьма должна быть рассеяна.

В памятный День мы должны принести великое духовное возношение. Если сегодня мы принесем истинное устремление к Миру и Culture и если мы поклянемся, что не отступим от этих светлых Основ, тогда действия наши заслуженно могут быть названы благородными действиями.

Истинно, заповеданы благородные действия Мира и Культуры.

Гималаи. 8 мая 1931 г.

ЗДОРОВЬЕ ДУХА

Вашингтонскому Обществу имени Рериха

Многоцветущая милая, всеми любимая ты, всецарица,
Слушай, блаженная Гигия, мать для всех, приносящая
счастье,

Благодаря лишь тебе, прекращаются заболевания смертных.
Благодаря лишь тебе, каждый дом процветает в веселии
многом

И расцветают науки; царица, Космосом всем обладаешь,
Только тебя лишь одну ненавидит Аид — вечный
душегубитель;

Благожеланнейшая, вечно юная, — отдохновение
смертным.

Удалено от тебя все, что суетно и бесполезно для смертных,

Ибо единственно ты надо всем управляешь и всем
обладаешь.

Но, о, богиня, сойди к посвященным, ты их покровитель
бессмертный,

Ты удержи возникающие злодеяния тяжких болезней...

Так гласит при возжигании манны Орфический гимн богини здоровья Гигии. Поистине, божественно понимали древние здоровье. Светлая богиня Гигия является не начальником медицинского управления, но она дает здоровье во всем его понимании, т. е. здоровье и тела и духа. Как драгоценно, что мы в обоюдном понимании можем говорить о здоровье духа, без которого здоровье тела будет лишь уродством.

Опять дух наш устремляется и к свету Аполлона, и к солнцеподобному Митре и огню-жизнедателю Зороастру. Не становимся ли мы язычниками, произнося эти понятия? Тот, кто мыслит о свете, неминуемо приходит к единому Свету. В какой бы обстановке мы ни увидели свет, наше сердце все-таки будет знать, что в свете мы найдем жизнедателя.

Ныне день свершения доказательства, проявления слова и пришествия утверждения.

Бог повелевает вам то, что для вас благотворно и заповедует вам то, что вас приблизит к Нему, Владыке всех Учений.

Не сказаны ли эти слова Евангелием, не произнесены ли они в Библии, или, может быть, это слова из книги достоверности Китаб-Эль-Иган? Слова эти направляют к тому же единому свету, для приближения к которому мы собираем наши лучшие испытания и накопления. И как мы назовем эту всесокровищницу самого лучшего, самого духу нашему драгоценного? Мы договоримся вполне честно и откровенно на понятии культуры. Не было ли в древности такой богини: Культура? Не было ли такого Ангела Культуры, служение которого было в открытии Врат прекрасных?

Не святотатственно сближать все, что относится к культуре с самыми высокими понятиями. Иногда падение духа человеческого

доходило до таких пропастей, что всякая манифестация Высшего Духовного, Вдохновляющего уже считалась чем-то несовременным, стыдным, несоединимым с понятием современного серьезного человека. Сколько бессмысленных разрушений произошло из этого извращения основ! Мы знаем о Благодати, знаем о психической энергии, знаем о витаминах. Казалось бы, из этого апельсина и лимона, полного витамина, из этого зерна, начавшего бродить, основною субстанцией даже для самого ограниченного мышления уже открывается путь кверху. Именно кверху, ибо нет такого зерна, которое стало бы расти вниз. Даже каждая былинка, каждый листок знает, где свет и тепло и тянется к нему. И войны, и землетрясения, и болезни, и ужасы смятения духа человеческого достаточно толкают человечество, чтобы поднять голову и искать высших путей. Пусть будут эти пути не в пещерах отшельников. Они могут быть вполне найдены и в жизни.

Башни духа могут быть создаемы там же, где и высятся башни рукотворные. Если кто-нибудь еще раз будет шептать вам, что напоминание о Культуре излишне, что для Культуры уже сделано достаточно, — смело можете назвать этого шептателя невеждою. К тому же, вероятно, он вообще не будет в состоянии различить между Культурою и цивилизацией. А цивилизация будет для него лишь стандартом пошлости. И вы легко заметите, каким находчивым будет становиться этот шептатель, когда он окажется в милом ему смраде клеветы, пересудов и прочих язв пошлости.

Нет такой меры, которая была бы достаточной для заполнения нужд истинной культуры. Культура так же высока, как Беспредельность. И когда дух человеческий осознает эту Беспредельность, она обязывает его к непрестанному совершенствованию. Так, Беспредельность становится для нас действительностью. Не может никто спрятать голову, подобно страусу, от действительности. Значит, нельзя избежать ее и следует сделаться достойным ее сотрудником.

Постигающий значение культуры прежде всего вычеркивает из своего сердца всякое понятие страха, боязнь смерти, боязнь врагов.

Если в сердце своем он твердо знает, что он непоколебимо идет к свету, то единственный враг его будет тьма. Но тьма рассеивается от внесения света. Значит, вдохновенное сердце, несущее свет, уже является победителем тьмы.

Культура покоится на красоте и знании. Растет она осознанием благословения Иерархии Света. Значит, к познанию механическому нужно добавить огонь сердца. В этом будет уже первое отличие культуры от цивилизации.

Для восстановления языка сердца мы и собираемся. Мы сходимся, чтобы вне предрассудков и суеверий, обращаясь к первоисточникам, обмениваться и взаимно укрепляться знаками сердца. Не может человеческое существо, отражающее в себе все сияние Космоса, ограничить себя мерзостью, духовною нищетою, ложью, ради тленности сегодняшнего дня. Ранее или позднее психическая энергия восстает мятежом, если ей не дано широкое русло прекрасного восхождения. История человечества дала достаточно примеров мятежа психической энергии. Этот опыт достаточен для того, чтобы напомнить человечеству, насколько оно должно сознательно обратиться к творческой мысли, к светлостроительству, понимая его не как далекую отвлеченность, но как неотложную насущную потребность.

Пусть будут эти качества насущности и неотложности нашим ближайшим стимулом. Ведь мы ответственны за будущее поколение! Как садовник ответственен за порученный ему сад, так же ответственно человечество за данную ему планету. Человечество не имеет права пятнать и темнить, и искривлять сияющее высшее творчество. Кто же из мыслящих дерзнет умять и туманить высшую творческую мысль?

В наших собраниях мы не будем ссориться, предоставив это темным невеждам. Сказано: первым признаком отсутствия культуры является раздор. Не будем умять друг друга, ибо из мысли о малом и рождается малое. Будем чувствовать себя сердечными сотрудниками украшения жизни и углубления знания. Перед нами необъятное поле работ и каждому даны неограниченные возможности, ибо

приближение к свету не ограничено. Уйдет из помыслов всякое соперничество, ибо в Беспредельности достаточно места. Кроме того, вмещение и терпимость являются одними из первых украшений культуры. Будем останавливать всякие зачатки подлых мыслей, ибо ими каждому трудящемуся и некогда заниматься. Собrania будут источником животворного обмена, вдохновения и укрепления, а не тяготою фальшивых безделушек. Обращаясь к первоисточникам, какими прекрасными образцами творчества мы можем вдохновлять друг друга! От Соборов Романского средневековья до великих заветов древнего Востока, памятников Египта, Китая, Индии, майя, Персии, Японии. Как это все безгранично и как оно благожелательно и реально! Не забудем и современное творчество, помня, что оно будет условием внешности будущих стилей жизни.

Пусть на наших собраниях дружественно встретятся ученый, и художник, и все строители жизни, ибо в основе своей они те же носители эволюции, те же посвященные мысле-творчеству. Пусть осенит наши собрания и сияние Мадонны и скоропомогающая Сторучица Богоматерь, и многоокая Дуккар, и многорукая Куанин, и Лакшми в своем созидательном Облике.

Мусульмане почитают Мариам — Матерь Христа. Библия дала нам высокотрогательные облики женского подвига. В самых древнейших местах Азии найдены культы Матери Мира. Под этим благостным знаком вспомним то, с чего мы начали сегодня. Вспомним, как вдохновенные эллины славословили Гигию, Все-Матерь. Каждый по-своему объединял здоровье тела с крепостью духа. Во имя этой несокрушимой крепости, во имя неиссякаемых снегов Гималаев, хранящих ценную пыль метеоров — вестников дальних миров, я верю, что вы найдете в себе всю неисчерпаемость бодрости, терпения и доброй воли, чтобы всемерно послужить великой Культуре.

Гималаи. 1931 г.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ИЕРАРХИЯ

Привет Молодым Друзьям

“Здравствуйте, Господин Доктор Лукин!

Вы меня не знаете, но я Вас знаю, только не видел. Тетя говорила, что вы председатель Общества Друзей Музея имени Рериха. Я тоже его друг, он меня тоже не видел. Я, Сережа Витол, и мне семь с половиною лет. И я хочу, чтобы вы сделали общество для детей, только чтоб не болтать, а научиться, как хорошо жить и быть хорошим. Я хотел к вам прийти, но не могу, потому что еду в Литву. Я там живу. Я приеду в марте и приеду к вам, а там сообщу вам большую тайну.

Уважающий Вас Сережа Витол”.

Так пишет молодой друг Сережа Витол президенту нашего Латвийского Общества, д-ру Лукину. При этом д-р Лукин со свойственной ему отзывчивостью и добротой замечает, что мы должны быть готовы ответить на такие запросы. Когда вспоминаю множество таких же заявлений от известных, а также неизвестных нам юных друзей, то истинно безотлагательно должны мы исполнять благородное устремление этих искателей улучшения жизни. Обратите особое внимание на слова Сережи Витола: не болтать, но лучше жить. Эта прекрасная формула, о которой мы, взрослые, всегда мечтаем и которая опять и опять растворяется в болтании, клевете и сплетнях.

Как это прекрасно, если наши молодые друзья выкажут твердое стремление к поискам, как лучше жить. Обратите внимание: наш друг говорит не о забаве, не о приятном времяпрепровождении, но об улучшении жизни. Он приходит к этому запросу необходимости улучшения жизни так просто. И в этой простоте есть та действенность, которая может оживить любую бесплодную пустыню. Не зная лично этого молодого друга, я чувствую, что он не удовлетворится играми и нашим опошленным понятием детского

сада, в котором часто, вместо позитивного прогноза, внедряются зачатки предрассудков. Наш друг и те другие молодые друзья, которых мы знали, хотят настоящее общество для улучшения жизни. Он хочет серьезную работу, ибо, как уже мне приходилось говорить, младшие особенно бережно стараются выполнить порученную им работу старших. Даже в домохозяйстве младшие глубоко серьезно участвуют в доверенных им поручениях. Вспоминаем, как необыкновенно заботливо пятилетний Олаф накрывал стол, он даже становился на стул, чтобы сверху посмотреть, все ли на своем месте, а семилетний Володя с такою ревностью чистил ружье, ибо ему было доверено вычистить ружье не игрушечное, но самое настоящее; и как Аллен заботился о картинах и разговаривал с ними о самых серьезных вещах, а маленький Жером стремился в своем приготовительном классе ввести начало законной общественности. Можно приводить нескончаемое число примеров истинного и проникновенного сотрудничества молодых друзей. Я не забываю, что картина моя в Музее Канзас-Сити приобретена по подписке школьников и сама картина была выбрана их голосованием, а картина эта была “Владыка” — ожидание прихода Высшего Владыки. Не сказалось ли в этом внутреннее сознание юных друзей об Иерархии? К этому самому ценному понятию в строительстве, которое так часто впоследствии загрязняется и испаряется, в собрании юных друзей был предложен вопрос о проекте города будущего. Один участник собрания заявил, что в его городе не будет тюрем, другой сказал, что его город начнется с постройки госпиталя, третий заявил, что в середине города будет Храм, четвертый имел в виду сады на крышах, еще один проектировал особые крыши для опускания аэропланов. Никто из присутствовавших не думал о столь милых сердцу взрослых водевилях и забавах. При этом заметьте, что участвовавшие вовсе не были худосочными пессимистами, но были крепкими, жизнерадостными и веселыми. Но ни гольф, ни разбитие кулаками, ни опошленные пляжи не входили в молодые мечты.

Мне приходилось видеть множества детских рисунков. За малыми, очевидно, навеянными семейными обстоятельствами

исключениями, я не помню ни одного карикатурного или пошлого сюжета. Помню, как маленькая Стефани изображает историю Жанны д'Арк; помню какие-то фантастические города, цветы, животных. Помню о всевозможных коллекциях. Помню сочинения пяти- и шестилетних об экспедициях и о наблюдениях естественно-исторических, об открытии новых земель, звезд и нового солнца. Помню целые книги, составленные во время младших классов школ об орнитологии, о породах деревьев, о минералах. Помню целые художественные поучительные коллекции открытых писем. При этом — назидание для взрослых — не было ни одного пошлого сюжета, которые обильно издаются будто бы по требованию толпы. Вспомним театры, устраиваемые юными друзьями, со всеми приспособлениями, чтобы походить на серьезный театр. Помню, как один юный друг, созвав своих сверстников, предоставил им подаренных ему игрушечных солдат, а сам сидел с книгой, ответив на удивленный вопрос: пусть они занимаются, если их интересует, а я пока почитаю. При построениях примерных флотов далеко не всегда эти многопарусные суда направляются с целями войны, наоборот, часто они везут важные вести, открывают новые земли, перевозят какие-то полезные машины или защищают свой берег.

Когда вы погружаетесь в воспоминание о саморазвитии сознания юных друзей, вы находите нескончаемое множество глубоко радостных фактов и сопоставлений. Если бы искривленные сознания жизни не отемняли развитие этих сознаний, сколько бы истинных возможностей прогресса возникало и сколько бы пошлого и подлого исчезало бы из жизни.

Сколько раз взрослые своим легкомысленным и вздорным отношением к основам жизни, к религии навсегда отвращали справедливо устремленный инстинкт младшего поколения. Иногда при несправедливом обвинении детей матери идут якобы посоветоваться с Богом, и — о, ужас, — этот Бог дает несправедливое решение, или же на глазах у юных церковь превращается в клуб, думая, что молодые глаза не заметят этого. Но зорек молодой глаз, он запечатлевает многое, что впоследствии

проходило бы незаметно. Ведь учение первых лет гораздо интенсивнее последующих. Милый Сережа Витол! У вас хорошая тетя, которая дала вам адрес д-ра Лукина!

Милый Сережа и все те, которые различно заявляли о своих сердечных серьезных намерениях, мы будем всячески помогать вашим обществам с целью, как жить лучше. Мы будем считать среди радостей наших, если друзья наши откроют самые светлые врата. Мы будем радоваться вместе с вами, если вы найдете радость творческого труда и осознаете мощь мысли.

Вы говорите о ваших тайнах, но тайна сердца вашего не разрушительна. Она созидательна и благостна. Вы хотите знать о хорошем и намереваетесь идти к этому по кратчайшему прямому пути. Это хорошее и дастся вам, если вы придете к нему, если вы в полной и светлой вере возьмете его. Эта вера, это непреложное знание поведет вас к хорошему, к тому прекрасному, которое завершается единым, всепобеждающим Светом. Получать сведения о ваших обществах, о стремлении к хорошему будет нашим радостным днем.

Так будем увеличивать запас радостей наших. Будем утверждаться в радости творческого труда, в радости сотрудничества, в радости познания, во всех тех радостях, которые приведут нас к великому познанию Культуры.

Гималаи. 1931 г.

СВЯЩЕННЫЕ ОСНОВЫ

Обращение к Академии Творческих Наук

Дорогой г-н Шрак и друзья!

Вместе с ароматом цветов, покрывающих нагория Гималаев, донеслась ко мне ваша сердечная весть. С тою же сердечностью могу сказать вам, что с самого начала вашей Академии я сочувствовал вам и незримо для вас помогал. В основах ваших заключено несколько ценнейших понятий, которые накрепко сближают нас.

Вы не убоялись понятия Академии, которое так часто понимается в смысле окаменелости и условности. Не убоялись вы потому, что к обычному понятию Академии вы добавили всеоживляющее понятие творчества. Прежде всего вы подумали о великом творческом начале. Вы поняли творчество как ведущее начало жизни, иначе говоря вы помыслили о том, что лежит в самом основании грядущей эволюции. Честь вам!

Вы не убоялись и другого понятия, которое для ничтожных душ часто является устрашающим. Вы не убоялись произнести понятие Учителя. Как многие лишенные индивидуальности, лишенные творческой мысли страшатся этого понятия великой Иерархии. Для ничтожных понятие учителя является синонимом поработителя, удушителя, является понятием тисков условности, из которых стремится вырваться будто бы молодое сердце. Но такое сердце именно уже не молодое. Оно уже дряблое, отравленное ядовитой слюной бессилия. Обращаясь к жизнеописаниям, мы увидим, что для сильных творцов учитель был незабываем, ибо он являлся для них не оковами, но крыльями. Это он знал код магического ключа, который научал открывать сложные замки сердца. Он пробуждал творчески мыслить и творить, творить, творить неустанно и денно и ночью, ибо творчество не требует ни времени, ни пространства. Оно вне этих измерений и язык его прежде всего выражается языком сердца, который богаче и прекраснее всех языков. Недаром в древней мудрости Востока считалось, что если человек утверждает, что сказанное им лишь от себя, то он есть мертвое дерево, не имеющее корней. В этом синтезе представления об Иерархии заключены заветы творческой жизни. Дерево без корней обречено лишь на гниение; лишь корни, проникающие глубоко до самой сущности первичных минералов, могут удержать в равновесии и в расцвете мощный ствол и украсить его изысканным творчеством ветвей и цветами благоуханными. Итак, вы не убоялись понятия Учителя. Значит, сердце ваше свободно, значит, в вас нет рабского начала, значит, в вас живет творчество жизни. Честь вам!

В даянии получаете. Вы не убоялись сходиться и выявлять мечты о творчестве, об украшении, улучшении жизни, о сотрудничестве, о взаимной помощи. Малые души, может быть, еще недавно пришедшие из животного царства, всегда боятся сотрудничества. Для них животное “я” оказывается превыше всех эволюций и всего Космоса. Это животное “я” приучает их скрывать, утаивать, клеветать и ссориться с таким же нечеловекообразным присвистом и брызгами слюны, как неистовствуют обезьяны и другие животные. Но не будем чрезмерно обижать и обезьян, ибо часто злобный яд человечества бывает куда отвратительнее, нежели прыжки раздраженных животных. Ведь у них нет возвышенного сознания, но есть сознание, и притом затемненное ненавистью и завистью, которое является самым отвратительным веществом. Разве не подскажет прежде всего просветленное сознание, что “мы” сильнее, нежели “я”? Поистине, светоносный доспех подвига бесконечно прочнее ржавых чешуй подлости, злобной вульгарности и зависти. Вы не убоялись сотрудничества. Этим опять сопричислили себя к истинному воинству эволюции. Вы как бы поклялись самым священным творить каждодневно, трудиться и не ссориться, предоставляя ссоры и свары тем, ничтожным, которым суждено уйти в космический сор. Поистине, несовременно продолжать разъединение и разложение. Мировое положение не позволяет, чтобы кто-нибудь мог позволить себе мерзость разрушительных забав. Решительно во всем чувствуется поворот рычага эволюции. Или предстоит быстрое одичание и разрушение, или возможно чудесное преображение жизни. Среди трудов каждого дня, преоборевая личные трудности, вы нашли время и энергию к сотрудничеству, к выявлению совместно самого ценного, благородного, прекрасного. Честь вам!

В самом названии вашего начинания, в упоминании священного слова “творчество” уже заключается залог того, что вы не пойдете омертвелыми обычными путями. Вы широко раздвинете рамки возможностей. Вы поймете и отоплите каждую индивидуальность. Вы обогреете каждое наболевшее от невыраженных чувств сердце.

Ведь в этих священных болях крепнет зерно прекрасных достижений. Вы твердо помните, что творчество, искусство выразимо во всевозможных материалах, как духовно-физических, так и духовных. Один выражает убедительность творчества в звуке, другой в цвете, третий в форме, четвертый в творческой мысли, которая так же напитывает пространства миров, как и все прочие выражения. Произнося понятие творчество, вы не убоялись венчающего понятия Беспредельности. Только у некоторых животных построение скелета таково, что они не могут смотреть вверх. Вы не убоялись взять на себя ответственность и понесли священное понятие творчества. Вы не убоялись показаться для ничтожных энтузиастами, ибо вы знаете, что энтузиазм творческой мысли непобедим. Честь вам!

Сказанные основы, избранный вами завет существования вашего, куда будет свято храним вами, уберет вас от распада. Действительно, стыдное и унижительное есть в понятии разложения и распада; оба эти стыдные для человечества понятия соединены с гниением и падением. Поистине, было бы стыдно подражать этим темным началам.

Вы называете меня учителем и лидером и мы все знаем, какую ответственность налагают эти понятия. Вы также даете мне наименование Адамантиус. Конечно, этим вы хотите выразить всю непреклонность, которая должна быть явлена в деле защиты Культуры и Света. В этой борьбе с темнотою вы встретитесь со всеми чудовищами невежества и двуличными клеветами. С каждым годом творческой работы вы поймете, насколько это качество Адамантиуса является необходимым, чтобы противостоять бездне темного невежества. В обмен могу и я выразить уверенность в том, что будет день, когда и мне позволено будет приложить и к вам и к Академии Творческих Искусств то же наименование Адамантиуса. Кроме того, слово Адамантиус вызывает во мне одно драгоценное воспоминание, о чем поговорим при личном свидании.

Итак, будем вместе во имя творчества, во имя понятия Учителя, во имя сотрудничества, во имя Беспредельности, во имя Света, во имя Культуры.

Всем опытом, всем помыслом буду рад помочь вам.

ПАМЯТИ МАРИИ КЛАВДИЕВНЫ ТЕНИШЕВОЙ

После разрушений и отрицаний во всей истории человечества создались целые периоды созидания. В эти созидательные часы все созидатели всех веков и народов оказывались на одном берегу. Кто-то растрачивал, кто-то уничтожал, не имея чем заменить. Но сказано:

“Не разрушай храм, если не имеешь поставить на месте его новый”.

И имена расточителей и уничтожителей или уходили во мрак, или остаются страшными призраками, ужасающими новые поколения.

Но в часы созидания бесконечной вереницей имена создававших и звавших в будущее будут на одном берегу и человечество будет всегда оглядываться на них с облегченным вздохом надежды на эволюцию. Как разнообразны эти созидательные имена, как разделены они несчетными веками, на каких разных поприщах являли они свое непобедимое оружие за прогресс человечества.

И в то же время все они сохраняют, несмотря на безмерное различие, одни и те же качества.

Неутомимость, бесстрашие, жажда знания, терпимость и способность к озаренному труду — вот качества этих искателей правды. И еще одно качество сближает эти разнообразные явления. Трудность достижения, свойственная всем поступательным движениям, не минует этих работников мировых озарений.

Принято с легким и спокойным сердцем говорить: “Мученики науки, мученики творчества, мученики созидания, мученики исканий”. Это говорится с таким же легким сердцем, как обсуждается вопрос об ежедневной пище и о всех условных обычаях.

Точно это мученичество сделалось нужным и непреложным, и носители пошлости и вульгарности остерегают своих детей:

“Зачем вам делаться мучениками, если по нашему опыту мы можем предложить вам легкую жизнь, в которой ни одна отяготительная дума не испортит аппетит ваш. Посмотрите, как трудно этим искателям. Только исключение из них проходит невредимо по обрыву жизни. Вы — наши дети и примите то же спокойное место на кладбище, которое заслужили и мы, с пожеланием упокоения”.

В этом упокоении, конечно, и заключается самая страшная смерть, ибо ничто живое не нуждается в упокоении, а, наоборот, живет вечным пульсом усовершенствования.

Ушла Мария Клавдиевна Тенишева — созидательница и собирательница!

Как спокойно и благополучно могла устроиться в жизни Мария Клавдиевна. По установленным образцам она могла надежно укрепить капитал в разных странах и могла оказаться в ряду тех, которые вне человеческих потрясений мирно кончают свою жизнь “на дожитии”.

Но стремление к знанию и к красоте, неудержное творчество и созидание не оставили Марию Клавдиевну в тихой заводи. Всю свою жизнь она не знала мертвенного покоя. Она хотела знать и творить и идти вперед.

Может быть, с моей оценкою не согласятся те, которые знали Марию Клавдиевну извне, среди условно-общественных улыбок. Именно в ней искание жило так напряженно и глубоко, что сущность его далеко не всегда она выносила наружу. Чтобы узнать эту сторону ее природы, нужно было встречаться с нею в работе, и не только вообще в работе, но и в яркие созидательные моменты работы. Тогда пламенно неудержимо М. К. загоралась к творчеству, к созиданию, к собирательству, к охранению сокровищ, которыми жив Дух человеческий.

Действительно, всею душою она стремилась охранять ценные ростки знания и искусства. И каждый собиратель знает, как ревниво

нужно охранять все созидательные попытки от клешней умертвителей.

Посмотрим итоги, что Мария Клавдиевна сделала.

Она дала городу Смоленску прекрасный музей, многим экспонатам которого позавидовал бы любой столичный музей.

Она дала Русскому Музею прекрасный отдел акварели, где наряду с русскими художниками были представлены и лучшие иностранные мастера. Но тогдашняя администрация музея не поняла этого широкого жеста, и чудесные образцы иностранного искусства не были приняты, точно мы не можем мыслить шире мертвых рамок.

Вспомним и другой случай крайней несправедливости. Смоленская епархия, с благословения епископа, назначила к продаже с аукциона церковные предметы из Смоленской Соборной Ризницы. М. К., стремясь сохранить эти ценные предметы для Смоленска, послала хранителя своего музея Борщевского для приобретения с публичного аукциона этих церковных художественных предметов. Вместо признательности за действие на пользу города Смоленска, некий генерал Б. в печати оклеветал М. К. за “разграбление Смоленской Ризницы”. Дело дошло до суда и, конечно, клеветник был посрамлен. Но это показывает, как обстояло дело и какие нападения приходилось выносить собирательнице для народной пользы.

Сколько музеев сохраняет память о М. К.!

Музей Общества Поощрения Художеств, Музей Общества Школы Штиглица, Музей Московского Археологического Института и многие другие хранилища сохранили в себе приношения М. К.

А сколько школ было создано или получало нужную поддержку! Наконец — художественное гнездо Талашкино, где М. К. стремилась собрать лучшие силы для возрождения художественных начал.

Вспомним, как создавались художественные мастерские в Талашкине. Вспомним воодушевляющие спектакли. Вспомним посылки учеников за границу. В ту самую мастерскую, которая затем оказалась жилищем М. К. Вспомним все меры, предпринятые М. К. к поднятию художественной промышленности и рукоделия в

Смоленском народе. Вспомним “Родник” — Художественно-промышленный Магазин в Москве. Вспомним те исключительные заботы, которыми М. К. старалась окружить художников. Вспомним сказочные Малютинские теремки во Фленове. Вспомним раскопки в Новгородском Кремле, поддержанные лишь М. К. Вспомним археологов Прахова, Борщевского, Успенского... Вспомним выставки, и в России, и за границей, где М. К. хотела показать значение русского искусства. Вспомним музыкантов и писателей, русских и иностранцев, бывших в Талашкине. Стравинский на балясине Малютинского теремка написал лад из “Весны Священной”. Вспомним, что именно Мария Клавдиевна ближайшим образом помогла Дягилеву и группе Мира Искусства начать замечательный журнал этого имени, который поднял знамя для новых завоеваний искусства.

Нужно представить себе, насколько нелегко было по условиям конца девятнадцатого века порвать с академизмом и войти в ряды нового искусства. Официальных лавров этот подвиг не приносил. Наоборот, всякое движение в этом направлении вызывало массу неприязненной вражды и клеветы. Но именно этого М. К. не боялась. А ведь равнодушие к клевете тоже является одним из признаков самоотверженного искания. Не нужно сомневаться в том, что менее сильный дух, конечно, имел бы достаточно поводов для того, чтобы сложить оружие и оправдаться в отступлении. Но природа Марии Клавдиевны устремляла ее действие в новые сферы. В последнее время ее жизни в Талашкине внутренняя мысль увлекала ее к созданию храма. Мы решили назвать этот храм — Храмом Духа. Причем центральное место в нем должно было занимать изображение Матери Мира.

Та совместная работа, которая связывала нас и раньше, еще более кристаллизовалась на общих помыслах о храме. Все мысли о синтезе всех иконографических представлений доставляли М. К. живейшую радость. Много должно было быть сделано в храме, о чем знали мы лишь из внутренних бесед.

Но именно в храме прозвучала первая весть о войне. И дальнейшие планы замерли, чтобы уже более не довершиться. Но, если значительная часть стен храма осталась белая, то все же основная мысль этого устремления успела выразиться. Остальное хотя и осталось в пространстве, но тем не менее этот завершительный завет М. К. в Талашкине еще раз показал, насколько верною осталась она своему изначальному устремлению строить и верить в будущее и новое.

Дальше для М. К. открылись новые странствия, перемена всей внешней жизни и переоценка многих людей. Очень жалею, что сейчас в Гималаях не имею при себе одного из последних ее писем, которое при всякой ее характеристике должно быть приведено полностью. В этом замечательном письме она высказывает всю полноту вложения современных событий. Выходя за пределы личных ощущений, минуя национальное и все прочие соображения, М. К. без малейшего раздражения, наоборот, в лучших объединяющих тонах, переносит мысль свою в будущее.

Имея только свой рабочий стол, небольшую мастерскую и маленькую виллу под Парижем (как я называл ее: “Малое Талашкино”), М. К. опять оказывается свободной в своих помыслах. Не останавливаясь на людских оценках, она говорит о будущем, а будущее это в Знании. Перед нею не только не поблекли, но сияюще расцветают проблемы наследия искусства, выраженные в традициях и орнаментах далекого Востока. Но она не делается теоретиком. Никакие потрясения не могут оторвать ее от жизни. Она работает и по-прежнему полна желанием давать людям радости искусства.

Среди родов искусства М. К. избирает для себя наиболее трудный и наиболее монументальный. Эмали ее, основанные на заветах старинного долговечного производства, разошлись широко по миру. Эти символические птицы-Сирины, эти белые грады, эта цветочная мурава, эти лики подвижников показывают, куда устремлялись ее мысли и творчество. Жар-Птица заповедной страны будущего увлекла ее поверх жизненных будней. Отсюда та несокрушимая бодрость духа и преданность познанию.

Во французских музеях и у частных собирателей эмали М. К. напомнят об этой памятной жизни и о стремлениях к Жар-цвету — Творчеству.

В то время, когда множество душ человеческих кипело вопросами сегодняшнего дня, в пене событий забыв о будущем, М. К. интересовалась переселением народов и готскими наследиями, спрашивала меня о нужных для ее верных проблем данных из глубин Азии, и повторяла: “Ведь это непременно нужно найти. Ведь эти эмали и цветочный этот орнамент должны найти подтверждение. Эти зверюшки еще покажутся из новых мест”.

Когда М. К. узнала об отъезде нашем в Центральную Азию, она лежала больной в своем Малом Талашкине.

“Ну, Отче Никола, видно, и взаправду собрался ты храм строить”, — так напутствовала М. К. наше последнее свидание. А лежала она строгая-престрогая, как-то по-староверски, покрытая платком. Выйдя из Малого Талашкина, Е. И. сказала: “Вот уже истинная Марфа-Посадница. И сколько в ней сил и строгости!”

Могу себе представить, как была бы рада М. К. узнать теперь, после нашей экспедиции, что ее соображения о движении народов шли по совершенно правильному пути. А если бы она увидела некоторые орнаменты, увидела бы аналогии древностей Тибета со скифскими и аланскими, если бы увидела тибетские мечи и фибулы, которые напоминают о так называемых готских древностях, то радости ее не было бы границ.

Никто не скажет, что Мария Клавдиевна шла не по правильным путям.

Возьмем имена разновременных сотрудников ее и оцененных ею.

Врубель, Нестеров, Репин, Серов, Левитан, Дягилев, Александр Бенуа, Бакст, Малютин, Коровин, Головин, Сомов, Билибин, Наумов, Ционглинский, Якунчикова, Поленова и многие имена, прошедшие через Талашкино или через другие мастерские и начинания Марии Клавдиевны.

Названные имена являются целой блестящей эпохой в русском искусстве. Именно той эпохой, которая вывела Россию за пределы

узкого национального понимания и создало то заслуженное внимание к русскому искусству, которое установилось за ним теперь. Это показывает, насколько верно мыслила М. К., обращаясь и ценя именно эту группу смелых и разносторонних искателей.

М. К. любила и высоко оценивала значение старорусской иконописи. В то время, когда еще иконопись русская оставалась в пределах истории искусства и иконографических исследований, М. К. уже поняла все будущее художественное значение этого рода искусства. И теперь мы видим, что и в оценке икон она шла по правильному пути.

Заботясь о просвещении и о поднятии уровня Смоленской окраины, М. К., как видим, делала очередное дело, о котором пришло действительное время подумать. Правильность этого пути неоспорима.

Сейчас в Смоленске большую улицу называли Тенишевской улицей. Истинно по Тенишевской улице много народу ходило за просвещением и много народу еще пойдет в искании сужденных культурных возможностей.

Обогащая музеи лучшими образцами творчества, М. К. хотела указать, насколько понятие творчества и созидания и уважения к этому строительству должно быть не забыто в будущей культуре. Можно восхищаться всеми, кто стремится слагать основы будущего строительства.

В этих итогах мы говорим кратко и с легкостью: “Вспомним все школы, мастерские, музеи и заботы о просвещении”. Это произносится очень кратко, но подумайте, сколько труда и забот, и препятствий заключалось в каждом из этих понятий!

Обращаясь к широкому пониманию религиозных основ, можно считать, что М. К. и в этом отвечала без предрассудков и суеверий запросам ближайшего будущего.

Меткие и острые суждения могли иногда вызывать раздражение мелких умов, но разве острота суждения не есть тоже принадлежность просвещения?

Оглядываюсь с чувством радости на деятельность М. К. Как мы должны ценить тех людей, которые могут вызывать в нас именно это чувство радости. Пусть и за нею самою в те области, где находится она теперь, идет это чувство радости сознания, что она стремилась к будущему и была в числе тех, которые слагали ступени грядущей культуры.

Большой человек — настоящая Марфа-Посадница!

Уже давно, на раскопках в Тверской губернии, мы посетили могилу Марфы-Посадницы и слушали, какими благожелательными легендами сопровождает народ имя знаменитой женщины Новгорода.

И теперь я живо вижу признательную память народа около имени Марии Клавдиевны.

Много легенд сложится на Тенишевской улице, и имя княгини Тенишевой запечатлется среди имен истинных созидателей.

И вот мы сидим в комнате княгини Тенишевой. Те же картины на стенах, та же расстановка мебели, тот же письменный стол, с теми же принадлежностями и любимыми памятными вещами. Тот же туалет. Все так же заботливо, как если бы сама хозяйка только что вышла из любимой рабочей комнаты. Сидя у рабочего стола княгини, трудно подумать, что ее самой уже нет с нами. Но какова же должна быть заботливая дружеская рука, чтобы ревностно сохранить всю творчески-рабочую атмосферу, окружавшую княгиню. Поистине, такие друзья и соратники, как княгиня Екатерина Константиновна Святополк-Четвертинская, редки. Она шла рука об руку с покойной княгиней, по всем горным тропинкам творческих восхождений. Она знала смысл жизни княгини и сама в неустанном жизненном творчестве неуклонно шла и идет к культурному, духовному, к прекрасному. Только высококультурный дух может запечатлеть и охранить ценность своего близкого. И княгиня Екатерина Константиновна не только охраняет, но и неустанно творит, духовно обогащая всю окружающую ее атмосферу. Истинная радость наблюдать, как она, полная житейского опыта, и ободрит нуждающихся в ободрении, и пожурит падающих духом, и скажет

справедливое слово, избегая пересудов и клеветы. И всюду она поспеет, и всюду вы можете положиться на ее точность и верность, ибо в них ее герб благородства. Охранить старое, творя новые возможности, — такая это незабываемая услуга Культуре со стороны княгини Святополк-Четвертинской.

Гималаи. 1929-1931 гг.

ВЕНОК ДЯГИЛЕВУ

Ушел Дягилев. Нечто гораздо большее, нежели великая индивидуальная сила ушла с ним. Можно рассматривать весь подвиг Дягилева как большую индивидуальность, но гораздо естественнее увидеть в нем истинного представителя целого синтетического движения. Оценим в нем вечно юного охранителя великих мгновений, когда современное искусство освобождалось от многих условностей и предрассудков.

Вся жизнь Дягилева была очень бурная, как и подобает жизни истинного представителя творчества. Не один раз и наше личное отношение с ним затемнялось, чтобы опять возобновиться в еще большем единении. Дягилев первый выразил свое доверие художественному значению моей картины “Гонец”. Затем, в 1900 году, во время Парижской Всемирной Выставки, он просил мою картину “Поход” для своего отдела, но картина эта уже была обещана на выставку Академии Художеств, и этот произвольный отказ мой обострил наши отношения. Затем, когда я принял участие в органе Императорского Общества Поощрения Художеств “Искусство”, Дягилев опять содрогнулся, боясь, как бы я не впал в казенщину. Но потом опять волны жизни соединили нас, и наш великий художник Серов оказался отличным примирителем.

В 1906 году Дягилев опять пришел ко мне за эскизами “Половецкого Стана”, — его балета в Париже. Это было веселое время, когда лучшие французские критики, как Жак Бланш, приветствовали Русское Искусство. Я был уже не связан с

Академическими выставками, и так, не нарушая никаких обещаний, мог принять приглашение Дягилева на выставки Мира Искусства, президентом которого я был избран в 1910 году. С этого времени ничто не омрачало моих отношений с Дягилевым.

Прошло 500 представлений “Князя Игоря”, прошли “Псковитянка” и “Китеж”. Расцвела “Весна Священная”. В 1920 году мы возобновили в Лондоне “Князя Игоря”, когда Дягилев пригласил меня из Швеции. В последний раз я встретил его в Париже в 1923 году. Вспоминаю это последнее свидание с чувством особого мира и дружбы. Можно было во многом спорить с Дягилевым, но никогда это не переходило на личную почву. Конечно, вопросы искусства в его жизненном проявлении всегда вызывают такие многообразные суждения. Но в этих обменах мнений о деле не вспоминаются никакие личные выпады. Чувствовалась только большая положительная работа созданий нового выражения искусства.

Дягилев был чужд спячке жизни: с детства будучи очень одаренным музыкантом, он признал истинный путь искусства. Это не был поверхностный модернизм. Он не был условным “носителем зеленой гвоздики”, но был искренним рыцарем эволюции и красоты.

Вспоминаю, как во время выставки Мира Искусства 1903 года, поздним вечером, я совершенно перестроил мою картину “Город строят”. К полночи пришел Дягилев. Увидев перестроенную картину, он схватил мою руку: “Ни одного мазка больше; вот это сильное выражение! Долой академические формы!”

Этот девиз “Долой академизм” в суждении Дягилева не был пустым разрушением. Ведь это он понял и явил в новом величии красоту гения Мусоргского. Он глубоко ценил лучшие моменты творчества Римского-Корсакова. Вопреки современным ничтожествам, он вызвал мощь Стравинского и заботливо ценил искусство Прокофьева и лучших французских композиторов, и художников.

Только тот, кто лично соприкасался с ним во время жесточайшей битвы за искусство, во время неописуемых затруднений, мог оценить его созидательный гений и утонченную чувствительность. Его

сотрудники могут вспомнить, как однажды в Париже, в течение всего дня он был обычно деятелен и никто не мог приметить в воздухе какую-нибудь опасность. Но вечером Дягилев сказал собравшимся друзьям: “Вы заслужили спокойный ужин; ведь сегодня мы были совершенно разорены и только пять минут тому назад я получил сведение, что нам не угрожает продажа с торгов”.

С улыбкою великого сознания он встречал новые прекрасные битвы за искусство, принимая на свои плечи всю ответственность. Он никогда не щадил свое имя, ибо он знал, насколько необходима священная битва за украшение жизни.

Кто-то говорил, что его антреприза была личным делом и как импресарио он работал для себя. Только злой язык и злобный ум могли произносить такую клевету на этого крестоносца красоты. Щедро отдавая свое имя, он покрывал своею личною ответственностью многие события и людей, и больших и малых. Помню, что даже в час затруднения, в критическую минуту, он говорил: “Ладно, я сам подпишу. Считайте меня одного ответственным за это”. И это не было знаком эгоизма, но это был девиз единоборца, который знает, для чего он держит меч и щит.

Был он широк в суждениях своих. Только невежда может сказать, что он вводил лишь модернизм. В своих исторических портретных выставках он явил всю историю России, с одинаковым уважением как к современности, так и к древним иконописателям. В его журнале “Мир Искусства” одинаково заботливо были показаны как модернистические художники, так и лучшие достижения старых мастеров. Будучи очень чутким, он ясно ощущал источники, из которых приходили расцвет и возрождение. С одинаковым энтузиазмом он выявлял как скрытое сокровище древности, так и наши надежды на будущее.

Был ли он односторонен в музыке? Конечно, нет! Его внимание одинаково привлекали как итальянские примитивы, так и французские ультрамодернистические композиторы. Постановки его всегда были истинными праздниками красоты. Это не были экстравагантные выдумки. Нет, это были празднества энтузиазма,

праздники веры в лучшее будущее, где все истинные сокровища прошлого ценились как вехи к прогрессу.

Он далек был от дешевой популяризации и тем более вульгаризации искусства. Во всех многообразных проявлениях он показывал искусство истинное. Перечислять все постановки, выставки и художественные предприятия Дягилева — это значит написать историю русского искусства от 90-х годов до 1928 года. Вспомните потрясающее впечатление, произведенное его журналом “Мир Искусства”. Вспомните его работы с княгиней Тенишевой. Как живые стоят блестящие выставки иностранных и современных русских мастеров! А все эти бесчисленные постановки балетов и опер, пронесшие русское имя по всему миру? Может быть, со временем имя Дягилева будет смешано со слишком многими понятиями, на которые он сам бы и не согласился, но он был щедр и никогда не скупился даже именем своим. Когда он чувствовал, что оно может быть полезно, он легко давал его, — эту свою единственную собственность.

Утонченный, благородный человек, воспитанный в лучших традициях, он встретил и войну, и революцию, и все жизненные вихри с настоящей улыбкою мудреца. Такая мудрость всегда является знаком синтеза. Не только он расширял свое сознание, но и утончал его и в этом утончении он мог одинаково понимать как прошлое, так и будущее.

Когда во время первого представления “Священной Весны” мы встретились с громом насмешек и глума, он, улыбаясь, сказал: “Вот это настоящая победа! Пускай себе свистят и беснуются! Внутренне они уже чувствуют ценность, и свистит только условная маска. Увидите следствия”. И через десять лет пришло настоящее понимание о следствии, о котором говорил Дягилев.

Вспоминаем личность и труды Дягилева, перед нами встает благороднейший и гигантский итог синтеза. Его широкое понимание, непобедимая личная бодрость и вера в красоту создали прекрасный, незабываемый пример для молодых поколений. Пусть они учатся,

как хранить ценности прошлого и как служить для самой созидательной и прекрасной победу будущего.

Несказанно радостно вспоминать эпопею Дягилева.

Журнал Лиги Композиторов, Нью-Йорк. 1930 г.

ВИДЖАЯ, ТАГОР!

*К семидесятилетию Рабиндраната Тагора,
8 мая 1931 г.*

Иногда кому-то может показаться, что вопросы культуры, занимая человеческое мышление с древнейших времен, уже представляют из себя твердыни. Будто бы уже целые города и страны восприняли культуру. Будто бы нашему времени можно самодовольно озираться назад на тех далеких-далеких, на тех бедных, не пользовавшихся телефоном и радио и даже не имевших кинематографа. Какое горделивое заблуждение! И как немногие понимают, что культура как таковая по-прежнему гнездится только на некоторых вершинах и что пути к этим замкам восхождения человеческого духа по-прежнему необыкновенно трудны и кто знает, может быть, даже еще труднее, нежели в некоторые бывшие эпохи.

Очень быстроходны наши корабли. Кто-то хотел построить корабль в 100 000 тонн. Очень поучительно было бы знать, какие мечтания у него были о качестве перевозимого груза. Не пушки ли и не опиум ли могли быть доходными статьями? Очень высоки дома наши. Кто-то строит дом в сто этажей — много превышает Вавилонской башни. Но часто во всем помещении нет места ни для письменного стола, ни для книжных шкафов. Очень обширны наши скотобойни. Благодаря необыкновенной технике, можно сразу убить сотни тысяч животных. А в то же время в скромности и почти в неизвестности пребывают изыскания ученых о растительных витаминах. При всей нашей якобы образованности не многие внутри согласятся, что апельсины или лимон может заменить кровавый бифштекс. Еще так недавно якобы ученые доктора посылали

больных на бойню, чтобы они могли пить парную теплую кровь. Те же доктора советовали как наиболее целебное пожирать, уподобляясь животным, сырое кровавое мясо. Но даже в тех странах, где по условиям природы аборигенам приходится довольствоваться сырым мясом, они издревле поступают разумно, употребляя его или в сухом или в вяленном виде, или в крайнем случае допуская копченое мясо.

Наша механическая техника прилагала все усилия, чтобы сделать возможно большее количество роботов. Правда, даже роботы часто впадали в механическое безумие и потрясали движение мира. Кто-то изобрел механического приказчика в магазинах, а следующий изобретатель вложил в уста машины механическое “благодарю”. А в ответ на механизацию родились армии безработных — это ли есть достижение культуры? Еще недавно мы ввозили в храм пушки для благословения. Между тем всякий разговор о мире и о религии становился в обществе чем-то неприличным и вообще стыдным. Если кто-нибудь рискнул бы вместо уродливого однобокого спорта, вместо клеветы и злословия заговорить о возвышающих принципах культуры, благовоспитанные люди, пожав плечами, шепнули бы про него: “Как он туп”. А если бы кто-нибудь, входя в гостиную, рискнул сделать священный знак своей религии, то его просто сочли бы не только невоспитанным, но и ханжой. Вопросы духа, вопросы религии, вопросы культуры для успокоения невежественности отодвинуты в отвлеченность. Раз все возвышающее сделано отвлеченностью, значит, мы и не ответственны за это. В лучшем случае люди отговарятся рутинною каждодневною работою, которая будто бы мешает им обратиться к возвышающим основам духа. Так часто думают, забывая, что каждодневная работа является благодетельной Пранаямой. Она рождает энергию, она приближает нас к космическому ритму, она же способствует возжжению внутренних огней — этих благодетельных соединителей с пространственным великим Агни. Так часто мы изобретаем самооправдание. Мы очень изысканны в избежании ответственности, опять-таки забывая, что великая ответственность за состояние всей

планеты там, где достигнуто человеческое достоинство. Но это ли достоинство, достоинство бытия, обязывает приложить все свои силы, чтобы найти соответственный ритм эволюции? Обязывает подумать о том, как бы не оказаться в космическом отбросе. Ведь это не отвлеченность, увы, это яркая действительность, как само бытие. И не сами ли мы свободно избираем или разложение или созидание, или отрицание или утверждение? Или творчество или мертвенность. Не указывает ли вся история человечества на высшую благодать творчества мысли — в чем бы оно ни выражалось, где бы оно ни протекало. Великие примеры истории являют нам необычайных творцов мысли, или выражавших ее в каком-либо материале, или широко возвещавших ее пространственным мегафоном. Если все едино, то не связано ли между собою и все сущее, как давно сказано в мудрых словах? Мы твердим священные гимны “Бхагавадгиты” о неразрушимости и всепобедности духа, но часто в песнопении мы утрачиваем сознание, что сказанная мудрость дана для немедленного приложения. Не требует ли повелительно культура немедленного приложения к жизни всего того прекрасного, что нами же изгнано в отвлеченность? Состояние планеты таково, что или будет найден верный подход к эволюции, или предстоит духовное одичание. Великий Агни или пребудет самой благодетельной силой и нагнетет самые чудесные энергии, или, не воспринятый духом нашим, испепелит в разрушении всю мишурную иллюзорность, в самомнении принятую нами за твердыни. Или мы поймем опять все величие и всю непреложную нужность иерархии блага, или в одичании мы изгоним всякое понятие Учителя, всякое благородное водительство Гуру.

Если замки культуры по-прежнему гнездятся только еще на высотах, претерпевая все трудности тернистого и каменистого пути, то как же мы должны быть признательны всем тем, кто приняли на себя тяготу водительства к Культуре. И как бережно должны мы не повреждать стены этих твердынь, созданных неустанным каждодневным трудом; как должны мы благословлять тех, кто зажигает и утверждает наш энтузиазм.

Когда думается о несломимой энергии, о благословенном энтузиазме, о чистой культуре, передо мною всегда встает столь близкий мне облик Рабиндраната Тагора. Велик должен быть потенциал этого духа, чтобы неустанно проводить в жизнь основы истинной культуры. Ведь песни Тагора — это вдохновенные зовы к культуре, его моление о великой культуре, его благословение ищущим пути восхождения. Синтезируя эту огромную деятельность — все идущую на ту же гору, проникающую в самые тесные переулки жизни, разве может кто-нибудь удержаться от чувства вдохновляющей радости? Так благословенна, так прекрасна сущность песнопения, зова и трудов Тагора.

Вот и Шантиникетан растет, как древо культуры. Мы не можем судить, как растет мощное древо. Почему у него ветви расположены в том, а не в ином порядке? В условии ветров мы нашли бы объяснения. Но важно для духа нашего сознание, что это древо растет. Или, переходя на язык замка, что его стены укрепляются. И мы знаем, что стены эти сложены во имя культуры и существовали они все это время единственно культурою. Разве не священно радостное ощущение глядеть на вечные снега Гималаев, насыщенные чудодейственной пылью метеоров дальних миров, и сознавать, что теперь среди нас живет Рабиндранат Тагор, что, семидесятилетний, неустанно возносит он прекрасное и без устали слагает вечные камни культуры, создавая из них твердыни радости духа человеческого? Это так нужно! Это так безотлагательно нужно! Без устали повторим о нужности твердынь культуры. Без устали воскликнем об этой истинной гордости нации и всего мира!

Твердыни культуры как магниты собирают все культурное. И как якоря удерживают корабли духа, мятущиеся в океане стихий.

Живет Тагор во славу культуры. Пусть стоит и Шантиникетан в назидание росту человеческого духа, как строение самого нужного, самого благородного, самого прекрасного.

Виджая, Тагор! Виджая, Шантиникетан!

Гималаи. Май, 1931 г.

СТРАЖА МАТЕРИ МИРА

Федерации Женских Клубов штата Нью-Йорк

Поистине прекрасно сказала председательница мощной Женской Федерации В. Д. Спорборг от имени полумиллиона женщин, представительницей которых она выступила на собрании, посвященном Знамени Мира 24 марта, в нашем музее. Она как истинная просвещенная водительница выразила дух женщины Америки. Она сказала: “Мы верим, что взаимные интересы, в которых сходятся народы, представляют культурные необходимости во всех художественных и научных видах. Ибо Н. К. Рерих, покуда мирная машина заменит военную систему, предлагает эту чудесную идею охраны всего просветительного, художественного и религиозного так, чтобы эти ценности могли быть пощажены даже во время войны. Но я вполне уверена, что он говорит не только о войне, он имеет в виду просветительную работу среди всех наций... Мы внимательно изучали положение и готовы приложить все силы духа и все наше влияние к тем движениям, которые начал Н. Рерих. Знайте; что мы — я говорю от полумиллиона организованных женщин — неуклонно поддерживаем вашу организацию и мы считаем за большую честь, что можем сегодня присоединить наше приветствие...”

Слова эти навсегда запечатлеются на скрижалях женского подвига, который возвышается под вечным символом Великой Матери Мира. Вдохновительно услышать, как широко поняла представительница Женских Организаций охранение культурных сокровищ. Именно как нужно, вовремя она подчеркнула, что творения духа человеческого, столь необходимые всемирному прогрессу, нуждаются в охране не только во время войны, но и каждодневно. Да, воспитание всех народов в истинной культуре совершится под Знаменем Мира, ибо Мир и Культура нераздельны. Кто же как не женщина внесет в дух человеческий высшее понятие

Культуры? Это она, от колыбели, через все фазы жизни, до высшего управления народами, терпеливо и неусыпно вносит понятие Культуры в жизнь славной эволюции.

О высокой миссии женщины сказано много, но теперь пришло время действия. Это вполне естественно, что именно женское сердце отзывается на все зовы Культуры и Мира. Драгоценно мне видеть, что именно женщина понимает, насколько мой зов направлен к общему преобразению культурной жизни. Мы можем торжественно поклясться неустанно служить великой задаче. Мы знаем, что невежество неизбежно будет огрызаться на все, связанное с Культурой, ибо невежда и Культура так же различаются, как Свет и Тьма. Мы знаем эту злобу невежд, но она лишь мостовая для подвига. Вся история учит нас, что такая мостовая очень пригодна для постройки на ней памятников Красоты и Знания. Та же история человечества учит нас, что невежество противоположно всему истинному и творческому. Потому атаки невежества не только не будут мешать нам, но вдохновят нас. Мы знаем, что каждое нагнетение рождает энергию и мы должны быть достаточно образованными, чтобы уметь использовать это обстоятельство. Разве не чудесно осознать, что вы имеете против себя лишь карликов невежества? Кроме невежд, кто может противиться Культуре? И кто же будет злобствовать на мечты о Стране Культуры? Кто может быть обеспокоен, если кто-то заботится об охране сокровищ человеческого гения? И кто осмелится сказать, что не нужно стремиться к Культуре и что для Культуры уже достаточно сделано? Поистине, только очень темный, очень глубоко невежественный может препятствовать стремлению к Культуре.

Знамя Мира вызвало симпатии многих лидеров разных стран. Мы слышим о симпатиях Гаагского Трибунала. Представители Музеев и прочих Культурных Учреждений восторженно отзываются. Особая Конференция созывается в Брюгге, и творится Лига Городов как оплот для культурных сокровищ. Как мы и ожидали, идея растет безгранично, и сердце человеческое отзывается на всемирное понятие культуры. Драгоценно сознавать, что и в наше сложное

беспокойное время идея Культуры может иметь такое водящее значение. Этим создается славная веха на пути человеческого восхождения.

Говоря о женском участии в этой великой культурной работе, мы не должны забыть слова глубокой древности: “Перечисляя подвиги женщин, мы напишем историю всего Мира. Перечисляя экстазы озарения, мы перечислим глаза женщин. Изучая сотрудничество, мы увидим руку женщины”. Подвиг, вдохновение, сотрудничество — все эти сокровища женщина приносит Culture. В этом заключается залог того, что Древо Культуры глубоко проникнет во всех направлениях и будет мощно питаться лучами мировых понятий.

Culture не может цвести без энтузиазма. Culture окаменеет без огня, верности и преданности. Culture обеднеет без ежедневного труда, без сознательного приношения. Culture умолкает там, где сердце немо. И что же может быть прекраснее, нежели мирный, всепонимающий язык сердца? Не мечтатели мы. Повторяем, когда мы говорим о Culture, мы все реалисты, позитивисты, для которых прогресс человечества особенно драгоценен и неотложен. Мы не имеем права думать, что каждодневная работа может препятствовать нашим культурным стремлениям. Наоборот, каждая рутинная работа преобразится и облагородится в осознании Culture. Истинно, чую, что В. Д. Спорборг возглавляет мощное войско женщин — высочайших башен Америки. Высота этих башен устремляется вверх, и дух человеческий обязывает священно хранить основы истинного прогресса. Человечество уже достаточно знает различие между Cultureю и цивилизацией. Избранные знают, насколько цивилизация может иногда вымереть, но семена Culture сохраняют свою вечную жизненность. Башни стоят, как маяки человечества.

Если каждый член Женской Федерации вдохновит лишь десять своих друзей мыслями о Culture, то сколько миллионов новых носителей Culture окажется. Мощный магнит Culture вдохновит и обновит жизнь их семей, их организаций. Какое прекрасное

паломничество во имя Культуры может быть так легко представлено. Не Вавилонская башня — символ рассеяния и разделения, но всеобъединяющая Башня Света, где мы можем объединиться в едином могучем языке сердца, является нашим обоюдным достижением.

В этом языке сердца мы приветствуем вас, светоносное воинство женщин! Честь вашему несломимому энтузиазму! Во имя Гималаев, этих светлых высот, мы приносим наше чистосердечное сотрудничество и приветствуем в радости общих стремлений к самым прекрасным и самым нужным достижениям человечества.

С вами мы достигнем!

Гималаи. 1931 г.

СВЕТ ПУСТЫНИ

Листы экспедиции

Великая пустыня звучит.

Несется звук раковины. Слышите? Долгий звенящий зов несется и тонет в ущельях.

Что это? Монастырь или отшельник?

Но мы находимся в самом пустынном месте. За многие дни отсюда нет жилья. Откуда в этих горах может быть лама с его зовущим заклинанием?

Но это не лама. Разве вы не знаете, что мы находимся в горах Дунбуре? (Северный Тибет). С незапамятных времен это значит: “Зов Раковины”.

Далеко в горах звучит этот зов. Может быть, эхо скал? Что хочет сказать этот Мемнон Азии? Звучит ли ветер в узких ущельях? Или звенит где-то горный поток? Но ведь родился где-то этот протяжный зов. И тот, кто назвал эти горы нежным словом “Зов Раковины”, тот слышал тайны священной пустыни.

“Белый Чортен” — называется место нашего стана. Две мощных скалы образуют огромные ворота. Не есть ли это одна из границ?

Белые знаки. Белые колонны Гейзеров. Белые камни. Известны эти границы.

Кругом нас среди мертвенных обвалов вздымаются острые скалы... Вечер.

“Над нами есть еще горный проход. Нужно осмотреть это место. Ведь оттуда мы слышали раковину”.

Короткий подъем. Между двух естественных башен открывается небольшое нагорье, как крепость, укрепленная со всех сторон острыми скалами. Сочная трава на площадке. Сверкает лентой горный ручей. Вот где место для стана. Можно надолго скрыться в этом естественном замке.

“Смотри, что-то движется там. Люди!” — шепчет спутник и его глаза впиваются во мглу вечера.

За тканью тумана будто проходит шествие видений. Или звук раковины увлек наше воображение или, быть может, потревожен ночной покой антилоп. Серны и антилопы почти незаметны на желтоватых скалах. Может быть, кто-то выслеживает нас, скрываясь в этом недоступном гнезде.

Но все тихо. Во мраке не шумит трава. Засыпают звуки и шорохи. Огни сияют из нашего лагеря. Для кого они будут служить как ведущая звезда?

Опять огни. Танец теней. Шатры тонут во мраке. Люди размножились в бесчисленных тенях. Люди и верблюды, и кони, — откуда их столько? Из тьмы вылезают головы верблюдов. Велик жар. Пришло время отдыха. Отложено в сторону оружие. И забывается, что именно здесь место ограбления караванов. Всего один месяц назад именно здесь был уничтожен китайский караван. Но давно уже люди не видали деревьев. Уже давно они не ощущали нежную ласку высокой травы. Пусть пылают огни мира.

Резкий выстрел нарушил молчание! Прерван покой.

“Гасите огни! Стража в цепь! Берегите палатки! Двое с винтовками к коням! Кончок пусть идет на разведку! Если нет опасности, пусть поет песнь Шамбалы. Если опасность — выстрел”.

Зашевелился стан. Пробежало волнение. И все затихло во мраке. Цепь стрелков протянулась в высокой траве. Между стволами карагачей палатки потонули в мраке. Шепот: “Может быть, это люди Дже-Ламы? Ведь его банды еще действуют. Его голова на колье обошла все базары, но сотни его воинов еще в Гоби. Вы там сзади, слушайте! Что это трава шуршит?”

Из темноты вдруг грянула песнь о Шамбале. Кончок поет. Издалека несется его голос. Значит, опасности нет. Но стрелки остаются на своих местах и костры все же потушены. Песнь приближается. Из травы появляется темная фигура Кончока. Он смеется:

“Глупый китаец. Он испугался наших костров и выпалил, чтобы напугать нас. Думал, что мы разбойники. А сам еще едет на белой лошади”.

Китайский караван из Кокохото на Хами. Сто верблюдов. И одно ружье. Китаец принял наши огни за костры Дже-Ламы и пытался нас напугать. Сам он был совсем перепуган. Все спрашивал, мирны ли мы? И просил, чтобы в течение ночи мы не приближались к его каравану. Затем его караван зашевелился и маленькие костры заблестели. Огонь есть знак доверия. Все-таки на ночь стража была усилена. Был дан пароль: “Шамбала”. И ответ: “Владыка Ригден”.

“Аранган” — кричит лама Санге и поворачивает своего коня. Это значит разбойники. В ущелье между двумя холмами, среда утреннего тумана, показываются скачущие всадники с копьем и с длинными ружьями на рогатках.

Теперь они, наверно, здесь. Это те самые пятьдесят всадников, о которых нас предупреждал неизвестный доброжелатель, прискакавший к нам с гор. Путь перерезан. Атака начнется с холма. Наши силы разделены. Торгуты, наши лучшие стрелки — далеко позади. Кончок и Церинг остались с верблюдами. Там и Таши и другой Кончок из Кукунора.

Но позади нас крутой холм. Если нам удастся достичь вершины его, мы будем владеть всею местностью. Там мы можем собрать

наши силы. Неприятель приближается группами к следующему холму, но мы не теряем время. Вершина холма занята. Мы приготовились. Очир и Дордже скачут навстречу врагу и машут хатыком. Очир кричит и его монгольский зов слышен далеко кругом. Он выкрикивает:

“Берегитесь тронуть великих людей. Если кто-либо осмелится, он испытает на себе силу мощного оружия, которое может разрушить целый город в десять минут”.

Панаги сбились в кучу. Слушают Очира и считают наше оружие. Даже лама Малонов засунул лопату в чехол от ружья и угрожает врагам. Подсчет оружия, видимо, сделан в нашу пользу. Панаги не осмеливаются на открытую битву. Они опускают винтовки. Только одно длинное копьё по-прежнему висится в воздухе.

“Можете вы продать нам это копьё? Я купил бы его”.

Враги улыбаются:

“Нет. Копьё — наш друг. Мы не можем отдать его”.

Уже после я узнал, что это копьё является знаком войны и с ним воины покидают юрты для враждебных действий. Наши враги окончательно решили отложить враждебность. Они начали рассказывать какую-то путаную историю о потерянной белой лошади. Такая история о потерянной белой лошади имела чисто символическое значение и была уже знакома нам. В других частях Азии подозрительные встречные тоже начинали странные истории о потерянной лошади, чтобы скрыть свои истинные намерения.

Когда мы раскинули наши палатки, мы видели, как стада возвращались к юртам из горных ущелий. Это был тоже определенный знак о решенной заранее битве.

Несколько вооруженных всадников скачут к горам в разных направлениях. Едут ли они собрать скрытое имущество или призвать новых союзников? Нужно быть готовыми ко всяким неожиданностям и оружие должно быть под рукою.

Под вечер, когда уже загорелись костры мира, несколько наших врагов пришло в наш стан. Они любопытствовали только об оружии. С удивлением мы узнали, что эти дикари знают точное значение

слов: маузер, браунинг, наган — и очень основательно толкуют о качестве наших винтовок. Даже руки их дрожали, когда они тянулись к нашим револьверам.

Скрылись они в сумерках и опять никто не знал, какое решение окончательно было принято ими. Под разными предлогами они просили нас простоять здесь еще один день. Кто знает, может быть, они ждали помощь себе от соседних юрт.

Несмотря на костры мира, были приняты все предосторожности против ночной атаки. В двух местах, защищающих лагерь от боковых нападений, в мягком песке были сделаны траншеи. Стража была усилена и каждому было назначено определенное место на случай тревоги.

Перед зарею мы обнаружили пропажу нескольких верблюдов. После долгих поисков они были найдены в очень странном месте, загнанные среди осколков утеса. Вероятно, кто-нибудь надеялся, что мы уйдем, не дождавшись находки наших животных. Солнце уже встало, когда мы тронулись к перевалу. По обеим сторонам каравана ехала стража с винтовками наготове. Опять какие-то странные вооруженные всадники обогнали нас. Они соскочили с коней и стояли со своими длинными ружьями. Некоторые из наших людей тоже спешили и прошли перед ними с винтовками наперевес.

После каменистого восхода мы достигли перевал и неожиданно услышали на расстоянии два винтовочных выстрела. Немного спустя, на самом гребне перевала, мы увидели нашего передового с карабином над головою. Это был знак тревоги. Мы опять стали в оборонительное положение и двое из наших людей с биноклями приблизились к опасному месту. Прошло несколько минут, наши рассматривали что-то внимательно, а затем дали сигнал: опасности нет. Когда мы приблизились, наши все еще что-то рассматривали в бинокль. Один из них настаивал, что что-то случилось и, по-видимому, один из наших торгутов и лошадь убиты. Но другой отметил, что отряд мулов движется беспрепятственно и черное пятно с несколькими людскими фигурами остается позади. Это что-то другое, не опасное. Был убит як.

Спускаясь с перевала, мы заметили на расстоянии огромные стада диких яков — несколько сот голов, — столь характерные для гор Марко-Поло, или, как их называют здесь, Ангар-Дагчин.

Но опасность нападения все еще не исчезла. Наши монголы настаивали, что панаги не нападут на нас около своих юрт, боясь, что в случае неудачи их жилища будут сожжены, но что после горного перевала в пустынной местности нападение еще более вероятно; наш проводник, монгольский лама Санге, был так напуган этими предположениями, что пришел к нам с белым хатыком на руках и просил отпустить всех монголов немедленно вернуться домой. Но мы улыбались, хатыка не приняли и весь этот неприятный разговор повис в воздухе.

Между тем уже другое обстоятельство спешило нам на помощь. Местные божества, несмотря на сентябрь, уже гремели в горах, и наши монголы шептали, что могущественный бог Ло очень гневается на панагов за их злые намерения. За раскатами грома заблестали молнии и повалил густой снег, совсем необычный для этого времени года. Мужество вернулось к нашим монголам и они кричали: “Видите, гнев богов! Сами боги нам помогают! Панаги никогда не нападут в снегу, потому что по следам можно догнать нападавших”.

Но тем не менее стан этой ночью был сумрачен. Среди выюги слабо горели огни и глухо звучали голоса часовых.

Вспоминаю другой стан тоже с кострами, но вблизи горят и другие огни. Там стан голоков. Всю ночь они кричат: “Ки-хо-хо!”, а наши хором отвечают: “Хоя-хе!”

Этими кликами станы предупреждают друг друга о бдительности и о готовности к сопротивлению и сражению. Ничего не значит, что при закате солнца оба стана посещали друг друга. Но солнце ушло. И властвует враждебная луна. Так что и направление мыслей может измениться. И внезапно могут погаснуть огни мира.

Опять валит снег. Высокие острые скалы окружают стан. Гигантские тени отбрасывались на их гладких поверхностях. Вокруг огней сидят закутанные фигуры. Издалека вы можете видеть, как они

поднимают руки и в красных струях огня блестят все десять пальцев. С восторгом что-то говорится. Считается необозримая армия Шамбалы. Говорится о непобедимом оружии этого чудесного войска. Утверждается, что великий победитель — Сам Владыка Шамбалы — предводительствует. Шепчется, что никто не знает, откуда приходит сила Шамбалы. Но воины Шамбалы уничтожают все несправедливое и с ними приходит счастье и благоденствие стран. Вестники Владыки Шамбалы уже появляются повсеместно. И как ответ на этот сказ во всю высоту соседней горы появляется тень великана. Кто-то позолоченный сиянием огня спускается с гор. Все готовы к чему-то особенному. Но тот, кто приходит, он только погонщик яков. Но все же он приносит добрые вести. Яки для перевала Санджу готовы. Добрые вести! Но восторг сказания нарушен. В разочаровании люди бросают новые смолистые корни в затихший костер.

Вот опять пылают огни. Пурпуровые горы с белоснежными шапками под куполом синего неба сгрудились у золотистого камня. Много людей приникло к нему. На камне повешено что-то сияющее яркими красками. В высокой желтой шапке лама что-то говорит внимательным слушателям. Тростью по картине он сопровождает свой рассказ. Эта сияющая красками картина есть изображение Северной Шамбалы. В середине изображения сам Владыка, Благословенный Ригден-Джапо. И над ним Сам Владыка Будда. Много великолепных приношений, много сокровищ принесено Владыке. Но Его рука не трогает их. И не ищет их Его глаз. На ладони Его руки, простертой в благословении, вы различаете знак высокого достоинства. Он благословляет будущее человечества. Владыка на башне своей помогает благу и уничтожает греховное. Его мысль в постоянной победной борьбе. Он есть свет, разрушающий тьму. В нижней части изображения показана великая битва под предводительством самого Владыки. Тяжка судьба врагов Шамбалы. Справедливый гнев пурпуром окрашивает голубые облака. Воины Владыки Ригдена в блестящем доспехе с мечами и копьями преследуют уstraшенных врагов. Многие из них уже

распростерты, их оружие и большие шляпы, и прочее имущество разбросаны на поле битвы. Часть врагов уже поражена справедливою рукою. Предводитель врагов уже повержен и распростерт под копытами коня великого воина Благословенного Ригдена. За великим воителем на повозках следуют устрашающие пушки; нет стен, которые могут противостоять им. Враги на коленях молят о пощаде или пытаются укрыться бегством на слонах. Но меч справедливости настигает нечестивцев, ибо тьма должна быть уничтожена. Тростью лама следует по картине за движениями битвы.

В молчании пустыни рассказывается священная история о победе света. Вечером эти люди опять соберутся у костра. Десять пальцев будут недостаточны, чтобы перечислить воинство Шамбалы. Никакое воображение не сможет описать мощь Владыки Мира.

Среди всепроникающего жестокого холода костры кажутся жалкими и негреющими. Короткое время, от одиннадцати до часу, солнце несколько греет. Но после полудня к морозу прибавляется режущий вихрь и самая тяжелая шуба греет не больше легкого шелка. Для доктора необыкновенна возможность наблюдать особое условие высот. Пульс Е. И. <Елена Ивановна — супруга автора> достигает 145. Доктор говорит: “Это пульс птицы”. У меня вместо 64 — сто тридцать; в ушах звенит, точно все цикады Индии нагрязнули. Приходит и снежная слепота. После нее необыкновенное ощущение. Все изображения одинаково сильно удваиваются. Два каравана, две стаи ворон, двойной силуэт гор. Люди заболевают и цингой. Доктор пророчествует: при таких холодах сердце, уже напряженное высотой, начнет слабеть, и в одну из студеной ночей люди уснут навеки. Уже остановилось сердце ламы Малонова, тибетца Чемпы и трех других. Доктор пишет медицинское свидетельство: “Дальнейшее задержание экспедиции должно быть рассматриваемо как организованное покушение на жизнь членов экспедиции”.

Ранним утром, перед самым восходом солнца, доктор приходит в возбуждение, восклицая: “Вот вам следствие нашего положения! Даже коньяк замерз! И так все живущее замерзнет и упокоится навеки”.

Я говорил: “Конечно, если мы хотим замерзнуть, — мы и замерзнем. Но ведь есть такая замечательная вещь, как психическая энергия, которая теплее огня и питательнее хлеба. Но, главное, во всех случаях — это соблюдать спокойствие, всякое раздражение лишает нас лучшего психического оружия”.

Конечно, я не винил доктора за его пессимизм, ибо обычные лекарства в этих необычных обстоятельствах не давали нужного следствия. Кроме того, главное лекарство в его аптечке, — строфант — уже кончалось. А от другого нужного лекарства — адонис верналис — он показывал лишь пустой пузырек.

Топливо почти невозможно было достать. За один мешок аргала обитатели черных палаток требовали большие деньги. И каждый требовал особые монеты, которые ему нравились больше других. Один предпочитал старые императорские китайские таэли. Другой настаивал на монетах с фигурой, — доллар из Синкианга. Третий желал монеты с головою Ли Хун-Чжана и с семью буквами, четвертый предпочитал ту же голову, но с шестью буквами. Кто-то хотел продавать только на индийские серебряные рупии. Но никто не хотел принимать американские и мексиканские доллары; также все избегали тибетский медный шо, несмотря на громкую надпись на нем: “Правительство, победоносное во всех направлениях”.

Но что же дает скромным кострам теплоту? Несмотря на неопиcуемый холод, опять подняты все десять пальцев, сперва они подняты для числа замерзших караванов, а затем для выражения бесчисленных священных воинов, которые сойдут со святой горы, чтобы уничтожить нечестивцев. В этих рассказах об огненных битвах, о победе справедливости над тьмою, костры начинают гореть ярко, и поднятые десять пальцев, казалось, не чувствуют холода. Костры холода!

Черная масса движется почти по отвесной скале. Дикие яки, стада не меньше пятисот голов, уходят от каравана. Наши монголы-охотники изготавливают винтовки и стараются отстать. Но мы знаем их уловки. Хотя они и буддисты и носят на шее и даже на спине священные ладанки и ковчезцы, но превыше всего они стрелки.

Велико желание охотника послать верную пулю в черную массу бегущих яков. Охотники остановлены.

“Очир, Дордже, Манджи, слушайте, не стреляйте! У вас пищи достаточно”.

Но разве охотники стреляют для пищи? Далеко на галечном склоне виднеется черная масса. Она велика. Что-то есть поразительное в этом огромном черном стаде диких яков. Сами монголы-охотники советуют нам взять в сторону и далеко обойти стада. Они считают эти стада в тысячу голов. Много диких и свирепых быков будет, наверно, при таком сборище черных великанов.

Но в охоте за киангами монголы неутомимы. В стане был назначен штраф за каждый неразрешенный выстрел, так же, как и за самовольную отлучку. Но что вы будете делать, если стрелок все-таки скроется за соседним холмом, а через час вернется с перекинутой через седло кровавой шкурой кианга и с кусками свежего мяса, подвешенными за седлом? Совершенно, как гуннские наездники, сохранявшие мясо под седлами. Весь замазанный кровью охотник улыбается. Накажете вы его или не накажете, ему безразлично, его страсть удовлетворена. И остальные буддисты смотрят на вас несочувственно за запрещение убивать животных, они уже предвкушают наслаждение зажарить свежее мясо яка или кианга у вечернего костра.

Антилопа, преследуемая волком, набегает прямо на караван. Охотники в смущении с завистью смотрят. Но если вы можете удержать людей, то вы бессильны с дикими псами. И бедная антилопа, вместо защиты, получает нового врага. Но и волк вблизи каравана почувствовал себя неудобно и, прыжками, поспешно скрывается. От собак антилопа, конечно, спасается. Дикие козлы и маленькие серны постоянно одурачивают монгольских собак. И в тщетном преследовании уводят их к отвесным скалам.

И медведи здесь. Чернобурые, с широким белым ошейником. Ночью они подходят совсем близко к лагерю, и даже днем они удовлетворяют свое любопытство, не пытаясь бежать, если их не

пугают собаки. Сейчас мы идем по руслу светлого Буренгола. Под копытами коней зелено-голубые окиси меди сияют, как лучшая бирюза. Над нами крутая скала и на самом верху ее огромный медведь следует за нашим караваном и рассматривает нас, как диковинку. Кто посягнет на него и к чему?

Но один вид животных сделался настоящим врагом каравана. Это были суслики, тарбаганы и полевые мыши. Целые области продырявлены ими. Даже при величайшей осторожности лошади попадают в ямы и легко могут ломать себе ноги в этих подземных городах. Не проходит и дня без падения коня в предательские подземные ходы. Вечером тибетец Кончок приносит к костру двух горных фазанов. Остается загадкой, как он их поймал голыми руками? Не надо сомневаться, что их хотят убить и съесть. Но также раздаются голоса и за освобождение. Мы опять обращаемся к буддийским заветам и, после продолжительной торговли, вымениваем птиц на китайский таэль. Минуту спустя оба узника весело летят в направлении гор.

Лисица охотится на горных куропаток, коршун подстерегает зайца, и собаки весело гоняют сусликов. Животное царство живет по своим законам. Последний случай из животного царства о трех курицах. Из Суджау мы взяли с собой петуха и двух кур, которые прилежно каждый день несли яйца, несмотря на неудобное качание целый день на спине верблюда. Но, когда мы сами остались без пищи, мы подарили этих трех птиц тибетскому майору. Глаз сыщика уловил отсутствие куриц и немедленно донес губернаторам Нагчу. Возникла целая переписка о том, не съели ли мы сами трех куриц? Об этом даже посылались донесения в Лхасу.

И опять при свете костров собираются наши монголы и тибетцы, и подмигивая друг другу, передают последние слухи из соседнего дзонга <замок>, как всегда потешаясь над губернаторами. Тот же яркий огонь, который только что воодушевлял рассказ о Шамбале, теперь освещает лица, судящие правительство Лхасы и хвалящие Таши-Ламу.

Строим субурган Шамбалы. Ламы освящают его. Перед изображением Ригден-Джапо на магическое зеркало они льют воду. Вода сбегает по зеркальной поверхности. Отражение дрожит, делается необыкновенным и напоминает древний смысл магических зеркал. Шествие проходит вокруг субургана с возжженными курениями в руках. Великий лама Цайдама держит в руках нить, соединяющую его с вершиною субургана, где сложены предметы особого значения. Там вложено изображение Будды, там лежит серебряное кольцо с многозначительным начертанием, там же покоятся пророчества о будущем и скрыты ценные предметы: “Норбу Римпоче”. Старик лама пришел от соседних юрт и принес пригоршню сокровищ — кусочек горного хрусталя, обломок бирюзы, две-три смальтовых бусы и блестящий кусочек слюды. Старый лама принимал участие в построении субургана и принес эти сокровища с настоятельной просьбой поместить их в сокровенную сокровищницу. После долгого служения белая нить, которая соединяла великого ламу с субурганом, была разрезана и в пурпуровой пустыне остался белый субурган, охраняемый разве незримыми силами. Много опасностей угрожает ему. Когда караваны остановятся на отдых, верблюды будут обламывать углы основания; любопытный козлик вскочит на карниз и своими рогами будет пробовать прочность живописных изображений и узоров. Но самая большая опасность грозит от дунган — мусульман китайских.

Монголы имеют пословицу: “Если субурган устоит против дунган, то он останется цел навеки”. Около костров рассказываются страшные истории о разрушении буддийских святынь дунганами. Говорится, как дунгане зажигают костры в старых буддийских пещерных храмах, чтобы уничтожить древнюю стенопись. Монголы с ужасом в глазах толкуют, как в Лабране дунгане разрушили даже изображение Самого Майтрейи. Преследуют дунгане не только буддистов, но и конфуцианцев. Монголы говорят, что, если трудно с китайцами, то с дунганами уже совершенно невозможно. Про дунган говорят, что они бесчеловечны, жестоки и кровожадны. Вспоминают всякого рода жестокости, имевшие место во время последнего

восстания дунган. На каждом холме видны развалины и какие-то бесформенные груды камней. В народном представлении все эти остатки так или иначе связаны с именем дунган. Здесь было укрепление, построенное дунганами; там была крепость, разрушенная дунганами; здесь стояла деревня, сожженная дунганами; там был золотой прииск, замолкнувший после прохода дунган. А вот колодец, забитый камнями, тоже работа дунган, чтобы лишить местность воды.

Весь вечер посвящен этим страшным рассказам. Вокруг костров опять можете видеть все десять пальцев, но теперь они перечисляют и свидетельствуют жестокости дунган.

Колокола на верблюдах разного размера и звучат, как целая симфония. Это незабываемая мелодия пустыни. Вот жар среди дня умертвляет все. Все делается безжизненным, мертвым. Все заползает в прохладу тени. Солнце, победитель, остается одно на безбрежном поле битвы. Ничто не может противостоять ему. Даже великая река, даже сам Тарим замедляет свое течение. Как когти в судороге, простерты горячие камни, пока победитель не скроется опять за барханами для новых побед. Темнота не смеет сразу вернуться. Только голубоватый туман дрожит в безбрежных далях. Эту глубокую симфонию какая мелодия может сопровождать? Только симфония колоколов, нежная, как древняя бронза, и мерная, как движение кораблей пустыни. Только она может дополнить симфонию безбрежности. И как противоположение этим таинственным манящим звукам вы имеете песню, сопровождаемую цитарой в руках неутомимого бакши, странствующего певца.

Вот он поет о Шабистане, о феях, которые спускаются из высоких сфер на землю, чтобы вдохновлять великанов и героев, и прекрасных царевичей.

Он поет, как ходил Благословенный Пророк Исса и как он воскресил великана, ставшего затем мудрым царем всей страны. Он поет о священном народе, живущем за ближней горою, и как святой человек слышал их священные напевы, хотя они пелись за шесть

месяцев пути от него. В молчании пустыни бакша присоединился к колоколам нашего каравана. Праздник в соседней деревне. Он едет туда подарить свое святое искусство и сказать многое о разных чудесных предметах. Сказать вовсе не сказку, а действительную жизнь Азии.

Вожак каравана верблюд украшен цветными коврами и лентами и над его грузом висит знамя. Он уважаемый верблюд, ведь он вожак. Он принимает на себя ответственность за поведение всего каравана и, горделиво выступая, мерно звенит. И его черные агатовые глаза, право, знают также много легенд.

Вместо бакши со священными напевами иной всадник приближается к нам. Высокие, резкие, рвущие звуки режут пространство.

Ведь это китайский намтар, героическая песнь!

Сомневаюсь, чтобы можно было слышать эти героические намтары или древние конфуцианские напевы в китайских кварталах иностранных городов.

Но в пустыне это ощущение древнего Китая, эти знаки китайских завоевателей проникают даже в сердце современного амбаня. Нарушен ритм колоколов верблюдов. Звенят бубенчики на конях амбаня. Тяжелая красная кисть колыхается под шеей статного карашарского коня, серого с полосами, точно зебра. И другая кисть развевается на груди лошади. Под седлом продет китайский меч. Загнуты кверху носки черных бархатных сапог. На стремях золоченые львы. Сложно украшение седла. И несколько ковров умягчают долгий путь. От Яркенда в Тунханг два месяца пути по древнекитайской дороге, где нефрит и шелк, и серебро и золото перевозились точно такими же всадниками, с теми же самыми песнями, с теми же самыми бубенцами и с теми же мечами. Со звоном и шумом присоединяется к нам амбань со своею свитою. Верблюды отстают, а кони воодушевляются шумом и резкими звуками напевов. Это уже похоже на шествие орд великих сынов Чингисхана.

Маленький городок в глиняных стенах. Другой амбань выходит из своего ямыня, из своих расписных стен, приветствовать нашего китайского спутника. Оба владыки церемонно приветствуют друг друга. Вспоминаются старые китайские картины. Правители так рады видеть друг друга. И об руку они вступают в высокие красные ворота. Два черных силуэта в песчано-жемчужном тумане, охраненные двумя великанами-воинами, расписанными по обеим сторонам на глиняной стене.

“Алла, Алла, Алла!” — восклицают мусульмане, приготавливаясь к рамазану, когда они постятся днем и вкушают пищу только ночью. Чтобы избежать дремоты, они наполняют воздух вокруг города барабанами, криками и песнями.

Но совсем другой напев слышится по соседству под большим деревом. Два ладакца из нашего каравана молятся Майтрейе. И так напевы всех верований собираются вокруг огня.

На древних камнях по всей Азии находятся необычные кресты и имена, начертанные на уйгурском, китайском, монгольском и других наречиях. Вот чудо! На монгольской монете тот же самый знак креста! Всюду по пустыне прошли несториане. Вы вспоминаете, как Томас Воган упоминает китайского автора ранней христианской веры в Сиа. Пески, подобно шелковому покрывалу, покрыли все из прошлого. Только красная линия на востоке пересекает силуэты песчаных дюн.

Движущиеся пески. Как жадные стражи, они сторожат сокровища, которые только изредка выходят на поверхность. Но никто не осмелится тронуть их, ибо они охранены тайными силами и могут быть выданы людям лишь в сужденное время. Над землею там ползут ядовитые испарения. Не прикажайте к земле, не пытайтесь поднять что-нибудь, не принадлежащее вам, иначе вы падете мертвым, как погибает грабитель.

Опытный наездник посылает перед собою собаку, которая первая почувствует земные испарения. Даже животное не войдет в эту запрещенную зону. Огонь костров не привлечет вас к этим тайным

местам. Только коршуны будут летать над этой таинственной страной. Не поставлены ли они стражами? И кому принадлежат кости, которые серебрятся на белых песках? Кто этот безумец, дерзнувший против сужденных сроков?

Черный могучий коршун несется над станом.

Но что это высоко над ним? Нечто сияющее движется с севера к югу. Бинокли в руках. Это что-то большое, овальной формы. Одна сторона светится на солнце. Затем это нечто меняет направление и исчезает на юго-запад, позади Улан-Дабана — красный перевал Гумбольдтовой цепи.

Весь караван возбужденно толкует о явлении. Это воздушный шар? Это не обманчивое видение, потому что через несколько биноклей не могут быть наблюдаемы видения. Лама шепчет: “Добрый знак. Очень хороший знак. Мы охранены. Сам Ригден-Джапо покровительствует нам”. В пустыне вы можете видеть удивительные вещи, среди каменистых скал вы можете слышать аромат лучших курений. Но жители пустыни не удивляются.

Снова вокруг костра поднято десять пальцев и рассказ, убедительный в своей простоте, воодушевляет людские сердца. Теперь сказ идет о знаменитом черном камне. В прекрасных символах старый путник расскажет вам, как в незапамятные времена из других миров упал чудесный камень — Чинтамани индусов или Норбу Римпоче тибетцев и монголов. И с тех пор часть этого камня блуждает по земле, возвещая новую эру и великие мировые события. Будет сказано, как некий владыка владел этим камнем и как темные силы пытались похитить сокровище.

Ваш друг, слушая эту легенду, шепчет вам:

“Камень этот черен, необуздан и пахуч и зовется Началом Мира. И он шевелится, как одухотворенный. Так завещал Парацельс”. А другой наш спутник улыбнется:

“Камень изгнанник, блуждающий камень Вольфрама фон Эшенбаха”.

Но рассказчик у костра продолжает свой сказ о чудесных силах камня; как камень проявляется и как он указывает мировые события.

“Когда камень горяч, когда камень дрожит, когда камень изменяет свой цвет, — этими явлениями камень предсказывает владельцу будущее и дает ему возможность знать врагов и опасности или счастливые события”.

Слушатель спрашивает:

“А не этот ли камень на башне Ригден-Джапо? Не он ли дает лучи, проникающие все океаны и горы на благо людей?”

Рассказчик продолжает:

“Черный камень скитается по земле. Знаем, что китайский император и Тамерлан владели камнем. Знающие люди говорят, что великий Соломон и Акбар владели сокровищем, давшим им чудесные силы. Сокровище мира — так называется камень”.

Костры пылают, как древние огни священного служения.

Входите в палатку. Все спокойно и обычно. В обычном окружении трудно представить себе что-то необычное и неповторяемое. Дотрагиваетесь до вашей постели и неожиданно вспыхивает пламя. Серебряно-пурпуровое пламя. Вы пытаетесь действовать в обычном порядке и торопитесь погасить огонь. Но пламя не жжет ваши руки. Оно только слегка теплое — теплое и живое, как сама жизнь. Без звука и запаха оно движется длинными языками. Это не флуоресценция, это нечто реально живое. Это огонь пространства, возжженный счастливым сочетанием стихий. Незабываемое мгновение проходит. Нерушимое пламя уменьшается так же непонятно, как возникло. И снова темно в палатке. И не видно следа феноменального явления, которое вы только что ощущали во всей действительности. И другое в другом месте; тоже в ночное время из ваших пальцев возникает огонь и без вреда сверкает из всех предметов, которые вы трогаете. Опять вы пришли в прикосновение с несказуемым сочетанием токов. Это случается только на высотах. Костры еще не успели разгореться, как загредел выстрел. Кто стрелял?

Таши убил змею. Страшная змея — с какой-то бородой, серая с черными и рыжими пятнами.

Вокруг костров долгие рассказы о змеях. Монгол толкует:

“Если кто-нибудь не боится змей, он должен схватить ее за хвост и сильно встряхнуть ее. И змея станет твердой, как палка, пока вы ее опять не встряхнете”.

Спутник наклоняется ко мне:

“Вы помните библейский жезл Моисея; как он произвел чудо и жезл обратился в змею. Может быть, он привел змею в катаlepsию и сильным движением затем вернул ее к жизни”.

Много библейских знаков вы запомните, проходя пустыни. Посмотрите на эти громадные колонны песка, которые неожиданно возникают и движутся долгое время, как плотная масса. Ведь это тот самый чудесный столп, который предшествовал Моисею, указывая путь, тот самый, который знаком всякому знающему пустыню.

И снова вы вспоминаете горящий и несгорающий куст Моисея. После наблюдения необъяснимого пламени в вашей палатке такой куст для вас больше не чудо, но действительность, которая живет только в пустыне. Когда вы слышите, как великий Махатма держал путь на коне, чтобы помочь выполнению неотложной миссии, вы также не удивляетесь, потому что вы знаете о существовании Махатм. Вы знаете их великую мудрость. Много, которое совершенно не находит место в жизни Запада, здесь, на Востоке, делается простым и убедительным.

И вот еще библейские отзвуки. На вершине горы виднеются камни. Должно быть, развалины.

“Здесь трон Сулеймана!” — объясняет вам караванщик.

“Но как это может быть, что по всей Азии, всюду, имеются троны Соломона? Мы видели его в Шринагаре, около Кашгара, и в Персии их несколько”.

Но караванщик продолжает свою мысль:

“Конечно, много тронов великого царя Сулеймана. Он был и мудр и могуч. Он имел летательную машину и посещал многие страны. Глупый народ, они думают, что он летал на ковре, но ученые люди знают, что царь имел особую машину. Правда, она не могла летать очень высоко, но все-таки двигалась по воздуху”.

Опять что-то говорится о путешествиях, но старый ковер-самолет уже отложен.

Тут же вспоминаются предания о завоеваниях Александра Великого. И завоеватель смешивается с другими героями. С одной стороны, великий завоеватель смешан с Гессарханом. По другой версии, он император Индии. Гессархану посвящен замечательный миф. Он рассказывает о месте рождения любимого героя. В романтической песне описывается жена героя, Бругума; его замок и его завоевания, всегда направленные ко благу человечества. Хорпа просто расскажет вам о дворце Гессархана в области Кам, где вместо балок положены длинные мечи его бесчисленных воинов. Распевая и танцуя в честь Гессархана, Хорпа предлагает вам достать один из этих непобедимых мечей. Песок и камни кругом, но живет мысль о непобедимости.

И упрямо полыхает желтое пламя костров.

Когда вы слышите в Европе о городе разбойника-завоевателя, вы, может быть, подумаете, что вам толкуют старые сказки об Испании или Корсике. Но здесь, в пустыне, когда вы знаете, что ближайший ночлег будет под стенами города знаменитого разбойника Дже-Ламы, известного по всей Центральной Гоби, вы несколько не удивляетесь. Вы только осмотрите ваше оружие и спросите, в каком одеянии лучше там показаться: европейцем, монголом или сартом.

Ночью вы слышите собачий лай и ваши люди замечают спокойно: “Это лают собаки людей Дже-Ламы”.

Дже-Лама недавно убит монголами, но шайки его еще не совсем рассеялись. Ночью в красном пламени костров вы можете опять увидеть все десять пальцев. Идут возбужденные рассказы о Дже-Ламе, о его жестоких соратниках. Говорится, как они грабили большие караваны, как забирали в плен много народу и эти сотни невольных рабов трудились над сооружением стен и башен города Дже-Ламы, который тот заложил на глухом перепутьи Центральной Гоби. Говорится, в каких битвах был Дже-Лама победителем, какими сверхъестественными силами он владел, как отдавал он самые

ужасающие приказы, немедленно приводимые в исполнение. Как, следуя приказу его, уши, носы и руки непослушных немедленно отрубались и живые свидетели его жестокости, для устрашения других, отпускались на волю.

В нашем караване находятся двое, лично знавших Дже-Ламу. Один из Цайдама, он счастливо убежал из плена. Другой — монгольский лама, испытанный контрабандист, знающий все тайные тропинки пустыни, знающий неведомые другим источники и колодцы. Не был ли он сотрудником Дже-Ламы? Он улыбается:

“Не всегда Дже-Лама был худым человеком. Я слышал, как великодушен он мог быть. Но вы должны были следовать его великой мощи. Он был религиозный человек. Вот вы видели большой белый субурган на холме. По его приказу пленники складывали эти белые камни. И если кто был под его покровительством, тот мог жить спокойно”.

Да, да, должно быть, этот лама имел какие-то дела со знаменитым разбойником. Но к чему обычный разбойник будет строить целый город в пустыне?

В первых лучах солнца мы увидели за соседним холмом башню и часть стены. Монголы отказались идти исследовать город. Двое из нас с карабинами на руке пошли на разведку, ибо караванщики настойчиво твердили, что люди Дже-Ламы могут скрыться в полуразрушенных стенах. С биноклями мы следили за движениями наших разведчиков. Через полчаса Юрий <Сын автора> появился на башне и это было знаком, что цитадель пуста.

Все мы побывали в этом необычном городе и нашли, что только дух большого воина мог создать план такого укрепления. Вокруг города мы видели следы многих юрт. Имя Дже-Ламы привлекало многих монголов под его покровительство. Но затем, когда седая голова их вождя на копье была пронесена по базарам, они рассеялись.

Должно быть, Дже-Лама собирался долго жить на этом месте. Стены и башни были сложены прочно. Его дом был просторен и защищен системой стен. В открытом поле монголы не могли

победить его. Но затем отважный монгольский офицер приехал в его город, как бы для мирных переговоров. Старый коршун, казалось бы, знавший все виды хитростей, на этот раз ослеп. Он принял посла и тот приблизился к нему, неся белый хатык на руках, но под хатыком был скрыт браунинг. Близко подошел посол к владыке пустыни и, поднося ему почетный хатык, выстрелил ему прямо в сердце. Должно быть, ранее все повиновалось личному гипнотическому воздействию Дже-Ламы, ибо не успел старый предводитель упасть бездыханно, как его последователи быстро разбежались в смятении, и маленький отряд монгольского эскадрона занял крепость без боя. За стенами мы видели две могилы. Были ли они могилами жертв Дже-Ламы или там покоилось безголовое тело самого вождя?

Вспоминаю, как в Урге нам рассказывали поразительные истории о блуждании головы Дже-Ламы. Голова сохранялась в спирту и множество людей хотело овладеть этой необычной диковинкой. В этом бесконечном переходе из рук в руки “сокровище” исчезло. Принесло ли оно счастье или печаль своему владельцу?

Никто не знает, что руководило сознанием Дже-Ламы. Он окончил юридический факультет русского университета. Затем долгое время пробыл в Тибете, оставаясь в лучших отношениях с Далай-Ламой. Затем сделался монгольским князем. Получил титул гуна. Сидел в русской тюрьме, откуда освободила его революция, а затем из Хошунного князя обернулся великим разбойником пустыни.

Ясно одно: жизнь Дже-Ламы составит на долгое время легенду всей Гоби. Долго это сказание будет расти и украшаться цветами воображения Азии. На долгое время все десять пальцев в память Дже-Ламы будут подниматься над кострами.

Как старые сторожевые огни, светят костры.

Но бывает, когда огни пустыни потухают.

Они потухают под струями воды, под вихрем и под пламенем степного пожара.

Изучая нагорья Азии, вы изумляетесь количеству наносного леса. Изменчивость поверхности дает многие неожиданности. Часто

предмет большой древности оказывается вымытым почти на поверхность. И в то же время новейшие предметы оказываются под тяжкими наносными слоями.

Наблюдая Азию, нужно быть готовым к неожиданностям. Где теперь эти гигантские потоки, которые своим мощным течением сложили целые холмы валунов и песков, заполняя глубокие ущелья и изменяя очертания целой местности? Что это? Может быть, это следы каких-то стремительных катастроф? Или это наносы долгих медленных усилий?

Небо покрыто облаками. В соседних горах в направлении Улан-Дабана по ночам слышится шум. Три ночи подряд, просыпаясь, мы слышим эту непонятную симфонию природы. Невозможно понять — что это, дружественные или грозные знаки? Но в колеблющихся звуках заключается что-то привлекающее и заставляющее прилежно прислушиваться.

Начинается серый денек. Небольшой дождь. Среди дневных шумов вы не различаете более таинственное ночное трепетание. Народ занят обычной караванной работой. Мысли заняты обычными соображениями о дальнейшем движении. Все готовы присесть за обычный обед у маленького ручья, по берегам которого ютятся в изобилии суслики.

Чудеса Азии приходят мгновенно. По глубокому ущелью от гор несется мощный поток. Неожиданно он заливает берега ручья. Через минуту это уже не поток, но гигантская бурная река, она захватывает всю равнину. Желтые пенные волны, полные песка и камней, опрокидывают и уносят палатки. Большие камни несутся в волнах и бьют по ногам. Время думать о спасении. Кони и верблюды, почуяв опасность, несутся к горам. Из многих юрт слышны крики. Мощный поток разрушает юрты, крепко построенные. Что может противостать этой силе? Палатки разрушены. Множество вещей унесено. Поток пробежал, обращая все в топкое болото. Сумерки без костров, холодная неприветливая ночь и студеное утро.

Солнце освещает как бы новую местность. Поток протекает в каких-то новых берегах. Перед нами лежат безжизненные новые

холмы, созданные мощью волн. Унесенные вещи за ночь оказались под глубокими слоями новой почвы. Раскапывая их, вы думаете о происхождении наслоений Азии. Сразу становится ясно, каким образом доисторические древности оказываются смешанными с почти недавними предметами.

Огни потушены потоком, и медленно начинают гореть промокшие ветки и корни.

Но не только вода гасит огонь, но и великое степное пламя нарушает мирные светляки пустыни.

Степь горит. Жители спасаются в бегстве. Вы стремитесь выбраться из этих опасных мест. Кони чувствуют опасность и тревожно настораживают уши по направлению к зловещему шуму. Огненная стена, покрытая черными кольцами дыма, движется. Какой неслыханный шум и зловещее трепетание пламени.

Смотря на эту ужасную стену, вы вспоминаете, как монгольские ханы и другие завоеватели Азии поджигали степи, этим решая участь битвы. Но, конечно, иногда огненная стихия изменяла и оборачивалась на самих создателей ее. Ваш спутник измеряет глазом расстояние до огня и спокойно говорит вам, как о чем-то совершенно обычном: “Думаю, что мы успеем уйти вовремя. Мы должны достичь ту гору”, — и он указывает на далекий каменистый холм. На следующее утро вы осматриваете сожженную степь с вершины холма. Все черно, все изменилось и опять песчаная пыль скроет этот ковер. Вы замечаете дым на соседней горе. Что это? Монгол объясняет:

“Там под землею горит каменный уголь и горит уже многие месяцы”.

Так спокойно говорит житель пустыни о разрушении своих сокровищ.

Ураган также гасит костры. После полудня начинается вихрь. Монголы кричат:

“Остановимся, иначе вихрь нас унесет”.

Песок и камни летят в воздухе. Люди пытаются скрыться за караванным грузом. Кругом беспросветная мгла. Но утром всходит солнце и оказывается, что вы стоите на самом берегу озера.

Многообразны чудеса пустыни.

И еще огни светятся вдали, но не костры это. Они желтые и насыщенно-красные. Из этих таинственных искр создаются сложные построения. Смотри, вон там города в красных песках, вот будто поднимаются дворцы и стены. Не священный ли огромный бык мерцает в красных огнях? Не окна ли светятся вдали и призывают путников? Из темноты около вас чернеют темные дыры — как старое кладбище, нагромождены какие-то плоские плиты. Под копытами коней что-то звенит твердое, как стекло.

Цайдамский проводник строго говорит:

“Идите все в одиночку и не сворачивайте с тропинки. Внимание!”

Но он не объясняет, почему нужна осторожность и почему он не хочет идти первым. И другой монгольский лама тоже не хочет идти впереди.

Опасность смотрит в глаза. Сто двадцать миль мы должны пройти безостановочно. Тут нет воды для коней. На заре вы видите, что шли по тонкой соляной коре. В дырах около тропинки чернеет бездонная соляная вода. Это не плиты кладбища кругом, но острые слои соли. Но и эти плиты легко могут сделаться знаками погребения для тех, кто неосторожно упадет в черное зияющее отверстие. Какие перемены произошли в этих странах? Огненные замки исчезли в лучах света. И когда окончилось это мертвенное кладбище, мы опять оказались в желтых и розовых песках.

Вот что говорится: “Некогда огромный город стоял на этом месте. Жители города были богаты и благоденствовали в легкой жизни. Но ведь даже серебро чернеет, если оно не в действии. Так, собранные богатства не получали должного назначения. И в золоте забывались благие основы жизни. Но живет справедливость и все нечестивое будет уничтожено, когда истощится великое терпение. В криках ужаса, в пламени неожиданно погрузился в землю греховный

город, и вода наполнила эту гигантскую расселину. Прошли долгие времена. Ушло озеро и покрылось солью, и остались эти места безжизненными навеки. Все места, где произошла несправедливость, останутся безжизненными”.

Проводник спрашивает нас с таинственной улыбкою:

“Может быть, ночью вы видели что-то странное?”

Один из наших спутников шепчет: “Не есть ли это история Атлантиды? Не вспоминается ли Посейдон в этой легенде?”

Но проводник продолжает:

“Несколько жителей этого города, конечно, лучшие, были спасены. Неизвестный пастух пришел с гор и предупредил их об идущем несчастье. И они ушли в горные пещеры. Если желаете, можно пройти к этим пещерам. Я покажу вам каменную дверь, которая накрепко закрыта. И никто не знает, как открыть ее”.

“Может быть, ты знаешь, где тут поблизости имеются священные границы, которые ваши люди не осмеливаются переступить?”
“Истинно, только призванные могут переступить эти границы. Разные знаки свидетельствуют об этих заповедных странах. Но даже без видимых знаков каждый почувствует их, потому что каждый приближающийся к ним чувствует во всем теле дрожание. Один охотник был храбр и переступил границу. Навидался он там много чудесных вещей. Но безумен он был и пытался говорить об этих сокровенных предметах и за то онемел он. Со священными предметами нужно быть очень осторожным. Все открытое до сужденного срока вовлечет в великое несчастье”.

Вдали поднимаются белые сверкающие вершины. Ведь это уже Гималаи. Они кажутся не так высоки, потому что мы сами стоим на больших высотах. Но как кристально белы они. Это не горы — это царство снегов!

“Видите там Эверест?” — говорит проводник.

“Никто еще не взошел на это священное сокровище снегов. Несколько раз пелинги пытались овладеть этой горой. Некоторые из них погибли при этом. А другие имели всякие трудности”.

Эта вершина суждена для Матери Мира. Она должна быть чиста, нетронута и девственна. Только Она Сама, Великая Мать, может быть там. Великое молчание бережет мир.

Сияют костры. Лучшие мысли собираются вокруг огня. В далекой пустыне живут тысячи голубей около старой священной могилы. Благие вестники, они летают далеко кругом и указывают запоздалым путникам дорогу к гостеприимному крову.

Около костров сверкают белые крылья.

Свет пустыни.

На краю пропасти, у горного потока, в вечернем тумане показываются очертания коня. Всадника не видно. Что-то необычно сверкает на седле. Может быть, это конь, потерянный караваном? Или, может быть, он сбросил всадника, перепрыгивая через пропасть? Может быть, этого коня, ослабевшего, бросили на пути и теперь, отдохнувший, он ищет владельца? Так мыслит рассудок, но сердце вспоминает другое. Сердце помнит, как от великой Шамбалы, от священных горных высот в сужденный час сойдет конь одинокий и на седле его, вместо всадника, будет сиять сокровище мира: Норбу Римпоче — Чинтамани — Чудесный камень, мира спаситель. Не пришло ли время? Не приносит ли конь одинокий нам сокровище мира?

Ганток. 1928 г.

ДЕРЖАВА КУЛЬТУРЫ

*Декларация Комитету Французского Общества и
русской секции*

Друзья!

В прошлом году я имел радость приветствовать вас и вместе с вами усмотреть ряд счастливых знаков, под которыми протекала наша работа. Прошел год и в полной справедливости мы можем

сказать, что время это не ушло бесцельно. Многие добрые семена были посеяны в нашей совместной работе.

Следуя нашему основному принципу начинать все в малом зерне, мы можем видеть, как потенциальная энергия этого зерна от священного древа Культуры растет; растет даже быстрее, нежели можно было ожидать. В моей декларации в прошлом году я говорил вам: “Каждый Культурный работник может сказать: Мы строим Культуру”. Он будет прав, ибо в чем же строительство Культуры, как не в самоотверженном, просвещенном, прекрасном труде? Пусть же будет еще одно отличие вашей культурной работы. Пусть в ней исчезнут все перегородки, условно созданные предрассудками и невежеством. Много усилий на поприще Культуры разрушилось и обезобразилось именно вследствие этих житейских условностей. Священный пламень Культуры не терпит невежественных ограничений. Заметим ли мы животворный светоч в хижине или будет он озарять палаты дворца, он будет нам одинаково ценен, ибо вспыхнул этот светоч от того же всевозносящего света. Пусть это условие ляжет краеугольным камнем наших строений и охранит нас от разодрания когтями невежества.

Кроме клича Культуры, мы имеем уже над собою и Знамя Мира, светлые заветы которого да не иссякнут в сердце человеческом. Мы хотим не только верить этому знамени, мы хотим нести его со всею действенностью просвещенного труда. Сколько прекрасных выявлений дает нам этот стяг Культуры! Каждый творец, каждый работник может нестесненно и непорабощенно найти приложение своему знанию и своим способностям. Мне уже приходилось говорить о Лиге Культуры, о всемирном дне Культуры. Не будет ли одною из наших самых прекрасных задач неотложно устремляться по этому направлению? Неотложно начать работать на этом необъятном поле, где нет стеснения, где не может быть человеконенавистничества и где мелочи злобы и зависти рассеются, как тьма перед светом. Прекрасна может быть задача нашего Комитета не только давать лекции, концерты, выставки во имя Культуры, но и посылать наших представителей, славных вестников

добра и знания, по школам, просветительным обществам, по фабрикам, хижинам и тюрьмам, где бы они могли в прекрасных, просвещенных выражениях ознакомлять с высшими ценностями человечества. Поэты, художники, музыканты, ученые по поручению Комитета могут являться желанными гостями на многообразных трапезах духа человеческого. И как легко исполнимо это, даже если опять будет начато в потенциале зерна.

Среди начатого нами фонда Знамени Мира и народного просвещения должно быть одним из первых отчисление во имя этого просветительного и светло-созидательного движения. Говорю о необходимости отчислений из фонда, ибо было бы не просвещенно полагать, что сказанные носители Света имеют свои средства на выполнение этого благого назначения. Поистине, жестоко было бы опять требовать, чтобы кто-то, не имеющий своих средств, должен был тратить последнее на расходы по выявлению Знания и Красоты. Скажем проще, — конечно, вестники наши должны быть оплачены и в этом нет ничего неприемлемого. Было бы трудно требовать платы от слушателей, ибо слово или звук Света не могут быть куплены. Но всемирный фонд, в который каждый принесет свою добровольную лепту, будет знаком того, что человечество уже созрело нести Знамя Культуры. К тому же мы знаем, что каждая светлая мысль растет в пространстве и существует, поистине существует, такое великое реальное понятие, как высшая справедливость. Значит, если мы устремим все силы духа нашего по этому благостному, творческому направлению, то и материальная оболочка дела, конечно, сложится, чему мы имеем неисчислимые примеры. Но одно необходимо для успеха, нужно послать единую стрелу полного, непоколебимого, несомненного устремления. Если мы неуспешны, значит, где-то дрогнуло сердце, значит, где-то кто-то попятился и не дотянул руку до ключа врат. И тогда нечего винить кого-то, нечего злобствовать, нужно винить самого себя за ничтожность, за безличие, за предательство самого светлого.

Но не нужно предполагать никакую возможность отступления. Мы должны идти так же твердо и дружно, как и начали. Положим в

землю зерно нашего решенного желания. Сделайте теперь же, сейчас же, маленькие комитеты, которые составят программы наших зовов о Культуре. Каждый могущий сказать или проявить культурный жест пусть скажет, чем он готов поделиться. Пусть каждый назовет и друзей своих, которые, каждый в своей области, могли бы напомнить о величайших культурных ценностях человечества. Я уже чувствую эти часы взаимного понимания, когда читаются отрывки прекрасных классиков и лучшие современные достижения. Я уже слышу звуки великих торжеств прошлого и победоносного синтеза будущего. Все должно иметь какое-то начало. Прошу принять от меня 3000 франков — за счет фонда Знамени Мира, для гонорара трем лекторам, поэтам или артистам, которые начнут благовестие о том, что так неотложно нужно сердцу человеческому. Вы решите, где лучше выступить. Под нашей ли кровлей или в каком-то соответственном просветительном учреждении. Пусть два выступления принадлежат Франции и одно русской секции. Дружно решите, кому и когда более знаменательно выступить. Этим мы положим начало новой традиции о Культуре, когда Знание будет принесено не только для ознакомления, но для облагораживания сердца, для просветления и объединения духа человеческого.

Уже вышел первый номер Ежегодника, посвященного Знамени Мира. Пора думать и о втором. Не поэты ли, не литераторы ли, не художники ли ударят в этом втором ежегоднике в колокола священные? Ежегодник Знамени Мира, как и журнал, посвященный каталогизации сокровищ человечества, должен входить в ближайшую программу фонда Знамени Мира.

В прошлой моей декларации упоминалось и о будущем нашем доме, доме Культуры в Париже. Будем и эту мысль укреплять в пространстве, так же, как мы укрепляли в течение ряда лет учреждения в Америке, которые сейчас уже имеют отделы более чем в 17 странах. Главное знать совершенно точно, во имя чего делается и создается. Положив в основу Знамя Мира и Культуры, со всею красотой и знанием, заключенными в этом понятии, мы можем сердечно обнять друг друга и, посылая наших вестников Света,

сказать: “Вы будете победителями!” Закончу моей поэмой “Улыбка” (1921 года):

Вестник, мой вестник!
Ты стоишь и улыбаешься.
И не знаешь, что ты принес
мне. Ты принес мне дар
исцеленья. Каждая слеза моя
исцелит немощи Мира.
Но, Владыко, откуда мне
взять столько слез и которой
из немощей мира отдать
мне первый поток? Вестник,
мой вестник, ты стоишь и
улыбаешься. Нет ли у тебя
приказа лечить несчастье
улыбкой?

Кейланг. 1931 г.